

АРТУРО  
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ



КОРОЛЕВА  
ЮГА

18+

Когда живешь на острие ножа,  
нельзя позволять себе забывать о правилах.

*Артуро Перес-Реверте*

Большой роман

Артуро Перес-Реверте

**Королева Юга**

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821.134.2  
ББК 84(4Исп)-44

**Перес-Реверте А.**

Королева Юга / А. Перес-Реверте — «Азбука-Аттикус»,  
2002 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-21085-1

Там, где она жила, был один закон: либо ты с нами, либо ты против нас, что означает: или ты живой, или мертвый. Войны наркокартелей, борьба за наркотрафик, недолгие союзы враждующих мафиозных кланов, вскоре переходящие в кровавые, безжалостные разборки, – вот мир, в котором она жила. Мир, где даже в народных балладах поется, что «идти против закона – наша семейная традиция». Тереза Мендоса предпочла остаться живой, поэтому, шагая по головам (и заставив себя забыть, что такое слезы), действуя жестко и беспощадно, она стала крестной матерью наркомафии на испанском юге – Королевой Юга, как ее прозвали в народе. Роман дважды экранизировался.

УДК 821.134.2  
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-21085-1

© Перес-Реверте А., 2002  
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

1	7
2	22
3	36
4	50
5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

# Арту́ро Перес-Реверте

## Королева Юга

*Эльмеру Мендосе, Хулио Берналю и Сесару Бэтмену Гуэмесу. За дружбу. За балладу*

Arturo Pérez-Reverte  
LA REINA DEL SUR

Copyright © 2002, Arturo Pérez-Reverte  
All rights reserved

© Н. С. Кириллова (наследник), перевод, 2004

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

\* \* \*

Запищал телефон, и она поняла, что ее убьют. Поняла так отчетливо, что застыла с бритвой в руке, с прилипшими к лицу волосами, окутанная паром, который каплями оседал на кафельных плитках. Бип-бип. Она сидела не шевелясь, затаив дыхание, словно молчание и неподвижность могли изменить то, что уже произошло. Бип-бип. Она брила правую ногу, сидя в ванне, по пояс в горячей мыльной воде, но ее кожа покрылась мурашками, будто вдруг сорвало холодный кран. Бип-бип. Из спальни, из стереоколонок, доносились голоса «Лос Тигрес дель Норте», распевавших истории о Камелии из Техаса. «Предательство и контрабанду, – пели они, – их не разделишь ни с кем». Она всегда боялась таких песен – боялась, что в них таится предсказание. И вот они превратились в угрозу и кошмарную действительность. Блондин подшучивал над ней; однако верещание телефона доказывало, что она права, а он – нет. А кроме правоты, этот резкий писк отнимал у него и кое-что еще. Бип-бип. Она положила бритву, медленно выбралась из ванны и направилась в спальню, оставляя за собой мокрые следы. Телефон лежал на кровати, маленький, черный и злобный. Она смотрела на него, не осмеливаясь протянуть руку. Бип-бип. Застыв от ужаса. Бип-бип. Этот звук сливался с песней, как будто сам был ее частью. «Обычай контрабандистов, – продолжали петь „Лос Тигрес“, – прощать не велит ничего». Блондин произнес почти то же самое, смеясь, как обычно, и поглаживая ее по затылку, – произнес тогда, бросив телефон ей на колени. Если он когда-нибудь зазвонит, это будет означать, что я погиб. Тогда беги. Беги что есть духу, смугляночка моя. Беги и не останавливайся, потому что меня уже не будет и я не смогу прийти на помощь. А если добежишь куда-нибудь живой, выпей стаканчик текилы в память обо мне. В память о наших хороших минутах, девочка. В память о хороших минутах. Таким вот – отважным и безответственным – был Блондин Давила. Виртуоз «сессны». «Король короткой рулежки» – так называли его друзья, и дон Эпифанио Варгас тоже звал его так. Блондин умел поднять свой самолет, битком набитый марихуаной или кокаином, с полосы длиной едва ли три сотни метров или носиться в крошечной ночной тьме, чуть не касаясь воды, через границу – туда и обратно, уклоняясь от радаров федеральной полиции и ястребов-перехватчиков ДЭА<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Департамент правительства США по борьбе с наркотиками (аббревиатура от *англ.* Drug Enforcement Administration). – Здесь и далее прим. переводчика.

Он умел жить на острие ножа, разыгрывая собственные карты за спиной хозяев. И умел проигрывать.

У ее ног собралась лужа. Телефон продолжал пищать, и она поняла, что не обязательно отвечать и убеждаться, что Блондина настигла предсказанная им самим судьба. И этого вполне достаточно, чтобы выполнить его инструкцию и броситься бежать; но не легко смириться, что обычный звонок телефона способен резко изменить всю жизнь – твою жизнь. Поэтому она дотянулась до трубки, нажала кнопку и стала слушать.

– *Блондина грохнули, Тереса.*

Голоса она не узнала. У Блондина были друзья, некоторые – верные, повязанные кодексом тех времен, когда они провозили через Эль-Пасо в Соединенные Штаты в покрывах своих машин пакетики с белым порошком. Это мог быть любой – может, Чистюля Росас, а может, Рамиро Васкес. Она не поняла, кто ей звонит, да это и не нужно, потому что смысл был совершенно ясен. «Блондина грохнули, – повторил голос. – С ним разобрались, и с его двоюродным братом тоже. Теперь настал черед семьи брата – и твой. Так что беги что есть мочи. Беги и не останавливайся». Потом в трубке раздались гудки, и она, взглянув на свои мокрые ноги на мокром полу, вдруг осознала, что дрожит от холода и страха. И подумала: кто бы ни звонил, он повторил те же слова, что говорил Блондин. Она представила, как этот человек кивает, внимательно слушая, в дыму, среди стаканов какой-нибудь таверны, сидя за столом напротив Блондина, а тот покуривает косячок, как обычно, закинув ногу на ногу: остроносые ковбойские сапоги из змеиной кожи, шейный платок под воротом рубашки, летная куртка на спинке стула, короткие светлые волосы, дерзкая, уверенная улыбка. Ты сделаешь это ради меня, браток, если меня грохнут. Ты велишь ей бежать и не останавливаться, потому что ее они тоже захотят убить.

Внезапно ее охватила паника – полная противоположность недавнему холодному ужасу. Взрыв растерянности и безумия, от которого она вскрикнула – коротко, сухо – и схватилась за голову. Ноги вдруг перестали держать ее, и она села – рухнула – на кровать. Обвела взглядом комнату: белая и золоченая лепнина изголовья, картины на стенах – аккуратные пейзажи с парами, гуляющими в свете закатного солнца, выстроившиеся на консоли фарфоровые фигурки – она собирала их, чтобы их с Блондином жилище выглядело уютно. И она поняла, что жилищем этот дом быть перестал, а через считанные минуты превратится в западню. В большом зеркале шкафа она увидела себя: голую, мокрую, с прилипшими к лицу темными волосами. Из-под прядей дико глядели черные глаза, вытаращенные от ужаса. Беги и не останавливайся, говорили ей Блондин и тот голос, что повторил его слова. И она бросилась бежать.

# 1

## На облаке я плыла, но с неба на землю упала<sup>2</sup>

Я всегда полагал, что мексиканские наркобаллады – просто песни, а «Граф Монте-Кристо» – просто роман. Так я и сказал Тересе Мендоса в тот последний день, когда она, окруженная телохранителями и полицейскими, согласилась принять меня в доме, расположенном в районе Чапультепек города Кульякан, штат Синалоа. Упомянув об Эдмоне Дантесе, я спросил, читала ли она эту книгу, а Тереса лишь молча посмотрела на меня таким долгим взглядом, что я начал опасаться, как бы наша беседа на этом и не закончилась. Потом повернулась к дождю, хлеставшему по стеклам, и – не знаю, была ли то тень серого света, сочившегося в комнату через окно, или отсутствующая улыбка, – ее губы сомкнулись в странную, жесткую складку.

– Я не читаю книг, – сказала она.

Я понял, что Тереса лжет, как, несомненно, лгала много, очень много раз за последние двенадцать лет. Мне, однако, не хотелось задавать неуместные вопросы, поэтому я сменил тему. Пройденный ею долгий путь – туда, потом обратно – включал в себя этапы, интересовавшие меня куда больше того, что читает женщина, сидевшая передо мной, – после того, как восемь последних месяцев я шел по ее следам. Не могу сказать, чтобы я был разочарован. Обычно действительность оказывается примитивнее и зауряднее легенды; но в моем деле слово «разочарование» всегда относительно, ибо действительность и легенда – просто рабочий материал. Проблема в том, что невозможно неделями и месяцами жить в состоянии, так сказать, профессиональной одержимости кем-то, не создав себе определенного – разумеется, неточного – представления об этом человеке. Представление, которое укореняется у тебя в голове с такой силой и достоверностью, что потом оказывается трудно (а порой даже излишне) как-то подправлять его основные черты. Кроме того, мы, писатели, пользуемся одной привилегией: те, кто нас читает, с удивительной легкостью принимают нашу точку зрения. Поэтому тем дождливым утром в Кульякане я знал, что женщина, которую я наконец-то вижу перед собой, больше никогда не будет подлинной Тересой Мендоса: уже иная, частично созданная мною, она подменит ее собой и станет той, чью историю, неполную и противоречивую, я восстанавливал, выцарапывая буквально по кусочку у тех, кто знал, любил или ненавидел носящую это имя.

– Зачем вы пришли? – спросила она.

– Мне не хватает одного эпизода вашей жизни. самого важного.

– Гм... Эпизода, говорите?

– Да.

Она взяла со стола пачку «Фарос» и поднесла к сигарете огонек дешевой пластмассовой зажигалки, качнув головой сидевшему в дальнем углу комнаты человеку, который уже услужливо привстал, шаря левой рукой в кармане пиджака. Это был зрелый мужчина, массивный, скорее даже толстый, с очень черной шевелюрой и пышными мексиканскими усами.

– самого важного?

Она положила сигареты и зажигалку на стол – абсолютно симметрично, – не предложив мне. Мне, впрочем, было все равно, поскольку я не курю. На столе лежали еще две пачки сигарет, пепельница и пистолет.

– Наверное, он и вправду самый важный, – прибавила она, – если вы решились прийти сюда сегодня.

---

<sup>2</sup> В качестве названий глав использованы названия и строки реально существующих наркобаллад.

Я взглянул на пистолет. «Зиг-зауэр», швейцарского производства. В магазине у таких помещается в шахматном порядке пятнадцать патронов «парабеллум» девятого калибра. На том же столе – и три полных магазина. Золотистые головки крупных пуль были похожи на желуди.

– Да, – ответил я мягко. – То, что произошло двенадцать лет назад. В Синалоа.

Снова безмолвный взгляд. Она достаточно знала обо мне, ибо в ее мире такие вещи, как информация, добываются без особых проблем с помощью денег. А кроме того, три недели назад я послал ей копию своего недописанного материала. Как приманку. Верительные грамоты, дополняющие все остальное.

– Почему я должна вам рассказывать об этом?

– Потому что я вложил в вас много труда.

Некоторое время она смотрела на меня сквозь сигаретный дым, слегка щурясь, как индейские маски Большого храма<sup>3</sup>.

Потом встала, отошла к бару и вернулась с бутылкой «Эррадура Репосадо» и парой высоких узких стаканчиков, которые мексиканцы называют «кабальито»<sup>4</sup>.

Тереса была одета в удобные темные льняные брюки, черную блузку и сандалии, и я заметил, что на ней нет ни драгоценностей, ни бус, ни часов: только серебряный браслет-неделка на правом запястье. Двумя годами раньше – вырезки из прессы лежали у меня в номере, в отеле «Сан-Маркос» – журнал «Ола!» включил ее в число двадцати самых элегантных женщин Испании; это случилось в те же дни, когда газета «Эль Мундо» сообщила о последнем судебном расследовании ее дел на Коста-дель-Соль и ее связи с контрабандой наркотиков. На фотографии с первой полосы можно было скорее угадать, чем рассмотреть ее за стеклом автомобиля; от репортеров ее отгораживали несколько телохранителей в темных очках. Одним был тот усатый толстяк, который сидел сейчас в углу и наблюдал за мной, делая вид, что вовсе на меня не смотрит.

– Много труда, – повторила она задумчиво, разливая по стаканам текилу.

– Да, много.

Она сделала короткий глоток – стоя, не отрывая от меня взгляда. Ниже ростом, чем казалась на фотографиях или экране телевизора, но ее движения были такими спокойными и уверенными, словно каждый жест естественно перетекал в следующий, не оставляя места ни импровизации, ни сомнению. Может, она никогда больше не сомневается, подумал я вдруг. А еще я убедился, что в свои тридцать пять она, в общем, довольно привлекательна. Хотя, пожалуй, меньше, чем на недавних снимках и на тех, которые то и дело попадались мне – их сохраняли люди, знавшие ее по ту сторону Атлантики. Включая черно-белые фото анфас и в профиль на старой учетной карточке полицейского участка в Альхесирасе. Были и видеосъемки с нечетким изображением – они всегда заканчивались тем, что в кадре появлялись верзилы-телохранители и бесцеремонно отталкивали объектив. И на всех изображениях она в своем нынешнем, вполне достойном виде, почти всегда одетая в темное и в черных очках, садилась в дорогие автомобили или выходила из них, выглядывая на террасу в Марбелье (лицо размыто – телекамера никак не попадет на нужную резкость) или загорала на палубе яхты, большой и белой, как снег. Королева Юга и ее легенда. Она появлялась одновременно и на страницах, посвященных светским новостям, и на тех, что отведены происшествиям. Однако существовала еще одна фотография, о которой я не знал ничего; и прежде, чем я – двумя часами позже – вышел из этого дома, Тереса Мендоса неожиданно решила показать ее мне. Она выложила сильно потрепанный, подклеенный сзади скотчем снимок на стол, между пол-

---

<sup>3</sup> Имеется в виду одно из сооружений древнего (начал создаваться в IV в. н. э.) храмового комплекса в Теотиуакане, неподалеку от Мехико.

<sup>4</sup> *Кабальито* (исп. *caballito*) – дословно: конек.

ной пепельницей, бутылкой текилы (две трети она опорожнила сама) и «зиг-зауэром» с тремя магазинами, лежавшим там как предвестник – а на самом деле как фаталистическое принятие – того, чему суждено было произойти этой ночью. Что же касается самой фотографии, она оказалась самой старой из всех, какие я видел, и притом – всего лишь половиной снимка: вся его левая часть отсутствовала, от нее осталась только мужская рука в рукаве летной куртки, обнимающая за плечи худенькую, смуглую, большеглазую девушку с пышными черными волосами. Девушке было лет двадцать с небольшим; на ней были сильно обтягивающие брюки и грубоватая джинсовая куртка с овчинным воротом, и девушка смотрела в объектив с какой-то нерешительной гримаской, будто собиралась улыбнуться или только что перестала. Из-под вульгарного, чересчур яркого макияжа в ее взгляде сквозила наивность или ранимость; и она еще больше подчеркивала молодость овального лица – слегка миндалевидные темные глаза, четко очерченный рот, приметы уходящего в глубь времен родства с исконными обитателями этой земли – в форме носа, матовости кожи, надменности вздернутого подбородка. Не красавица, подумал я, но в ней есть что-то особенное. Словно бы некогда совершенная, ныне далекая красота много поколений постепенно растворялась в них, пока не остались отдельные следы прежнего великолепия. И еще эта хрупкость – спокойная, а быть может, доверчивая. Хрупкость, которая растрогала бы меня, не зная я, кто эта женщина. Наверное, растрогала бы.

– Я едва узнаю вас.

Это была правда, и я сказал то, что думал. Похоже, мои слова нисколько не задели ее. Она стояла и смотрела на фотографию, лежащую на столе. Стояла довольно долго.

– Я тоже, – произнесла она наконец.

Затем снова убрала ее в сумочку, валявшуюся на диване, кожаное портмоне со своими инициалами, и указала мне на дверь.

– Думаю, этого достаточно, – сказала она.

Тереса выглядела очень усталой. Долгий разговор, табак, бутылка текилы. Темные круги легли у нее под глазами, уже не такими, как на старом снимке. Я встал, застегнул пиджак, протянул ей руку – она едва коснулась ее своею, – еще раз взглянул на пистолет. Толстяк, сидевший в углу, теперь стоял рядом со мной, равнодушный, готовый меня проводить. Я с интересом взглянул на его великолепные сапоги из кожи игуаны, на живот, нависающий над широким, расшитым волокнами агавы ремнем, на угрожающий выступ под пиджаком. Когда он открыл дверь, я убедился, что его полнота обманчива и что он все делает левой рукой. Очевидно, правую держит свободной, как рабочий инструмент.

– Надеюсь, все получится как надо, – сказал я.

Следя за моим взглядом, напоследок опять скользнувшем на пистолет, Тереса медленно кивнула, но не в ответ на мои слова. Ее занимали собственные мысли.

– Конечно, – пробормотала она.

Затем я вышел оттуда. Федералы в пуленепробиваемых жилетах, вооруженные автоматами, – те же самые, что тщательно обыскивали меня при входе, – по-прежнему караулили в вестибюле и саду, а возле круглого фонтана у входа стояли армейский фургон и два полицейских «харлей-дэвидсона». Еще было пятеро или шестеро журналистов и телекамера под зонтиком, но уже по ту сторону высоких стен, на улице: репортерам не давали подойти ближе солдаты в полевой форме, оцепившие усадьбу. Я свернул направо и пошел под дождем искать такси, ожидавшее меня в квартале оттуда, на углу улицы Генерала Анайи. Теперь я знал то, что нужно, темные закоулки высветились, и каждый кусочек истории Тересы Мендоса – реальной или вымышленной – лег на свое место: начиная от той первой фотографии (или ее половинки) до женщины, которая принимала меня в этом доме с автоматическим пистолетом на столе. Не хватало только развязки; но о ней мне тоже предстояло узнать в ближайшие часы. Так же, как и Тересе, мне оставалось только сесть и ждать.

Прошло двенадцать лет с того дня или вечера, когда Тереса Мендоса бросилась бежать в городе Кульякан. В тот день, ставший началом долгого пути туда и обратно, разумный мир, построенный ею, как она полагала, под крылом у Блондина Давилы, рухнул вокруг нее – она слышала грохот его разваливающихся кусков, – и она внезапно почувствовала, что пропала, ей грозит опасность. Уронив телефон, она заметалась, на ощупь открывая ящики, ослепленная паникой, ища какую-нибудь сумку, чтобы сложить в нее самое необходимое. Ей хотелось зарыдать по своему мужчине или закричать так, чтобы разорвалось горло; но ужас, накатывавший волнами – и каждая была как удар, – притуплял ее чувства и сковывал действия. Как будто наелась уаутльского гриба<sup>5</sup> или накурилась крепкой, до боли крепкой травы и оказалась засунутой в какое-то чужое, далекое, непослушное тело. Торопливо, неловко она натянула джинсы, футболку и туфли, пошатываясь, спустилась по лестнице, еще мокрая под одеждой, с влажными волосами, с небольшой дорожной сумкой, в которую умудрилась запихать – смяв, свернув кое-как – несколько вещей: еще пару футболок, джинсовую куртку, трусики, носки, свое портмоне с двумя сотнями песо и документы. Они тут же явятся к нам домой, предупреждал Блондин. Явятся, чтобы искать и найти что-нибудь. И будет лучше, если тебя они не найдут.

Выглянув на улицу, Тереса остановилась в нерешительности – ее вела инстинктивная осторожность дичи, чующей поблизости охотника и его собак. Перед ней простирался во всей своей сложной топографии город – вражеская территория. Район Лас-Кинтас: просторные улицы, неброские комфортабельные дома в окружении бугенвиллей, перед ними – хорошие машины. Далеко же отсюда до нищего квартала Лас-Сьете-Готас, подумала она. И внезапно ей показалось, что женщина из аптеки напротив, продавец из магазина на углу, где она покупала продукты последние два года, охранник банка в синей форме с автоматическим пистолетом двенадцатого калибра на поясе – это он с улыбкой отпускал ей комплименты всякий раз, когда она проходила мимо, – что все они опасны, подкарауливают ее. У тебя больше не будет друзей, подытожил тогда Блондин со своим ленивым смешком, который она временами обожала, а временами ненавидела всей душой. В тот день, когда зазвонит телефон и ты бросишься бежать, ты окажешься одна, смугляночка моя. И я не смогу тебе помочь.

Она прижала сумку к животу, словно защищая его, и двинулась по тротуару, опустив голову, не глядя ни на что и ни на кого и поначалу стараясь не ускорять шаг. Солнце клонилось к западу – далеко, над Тихим океаном в сорока километрах, над Альтатой, и окаймлявшие проспект пальмы и манговые деревья четко смотрелись на фоне неба, которое вскоре должно было стать оранжевым. Такие в Кульякане закаты. Глухое монотонное биение в барабанных перепонках накладывалось на шум транспорта и стук ее каблуков. Окликни ее кто-нибудь сейчас, она не расслышала бы своего имени; а может, не услышала бы и выстрела. Выстрела в себя. Она так ждала его, напрягая все мышцы и нагнув голову, что заболели спина и почки. Ситуация. Слишком много раз слышала она о теории катастроф – о ней заговаривали среди шуток, рюмок и сигаретного дыма, – столько раз, что все это давно крепко-накрепко засело у нее в голове, впечатавшись в мозг каленым железом, словно клеймо в тело коровы. В этом деле, говорил Блондин, нужно уметь распознавать Ситуацию. То есть кто-нибудь может прийти и сказать тебе «Добрый день». Например, кто-то из твоих знакомых, и он тебе улыбнется. Сладенько так, прямо-таки медом изойдет. Но ты заметишь нечто странное: неопределенное ощущение, будто что-то не так. А через секунду ты мертв, – говоря это, Блондин смотрел на Тересу, под смех друзей прицеливаясь в нее пальцем, как револьвером. Или мертва. Хотя в любом случае это лучше, чем если тебя живьем увезут в пустыню и, вооружившись ацетиленовой горелкой и терпением, начнут задавать вопросы. Вот тут уж дело плохо – и даже не когда ты знаешь ответы на них (в этом случае избавление наступает быстро): хуже всего как раз, если ты их не

<sup>5</sup> Уаутльский гриб – галлюциногенный гриб *Psilocybe mexicana*.

знаешь. В этом вся разница, как говорил Кантинфлас<sup>6</sup>. Вся проблема. Очень трудно убедить типа с горелкой, что тебе неизвестны вещи, которые, как он полагает, ты знаешь и которые ему тоже хочется узнать.

Черт побери. Надеюсь, Блондин умер быстро, подумала она. Надеюсь, его сбили вместе со всем грузом, вместе с его «сессной», и он пошел на корм акулам, его не увезли в пустыню и не принялись задавать ему вопросы. Если за тебя берутся федеральная полиция или ДЭА, вопросы обычно кончаются тюрьмой – в Альмолойе или Тусоне. С этими службами можно хоть как-то договориться. Получить статус защищаемого свидетеля или привилегированного заключенного, если сумеешь как следует разыграть свои карты. Но Блондин – не тот случай. Он не плясал ни под чью дудку. Если он изменял, то лишь самую малость, и притом не столько ради денег, сколько ради удовольствия жить на острие ножа. Мы, ребята из Сан-Антонио, похвально, он, любим рисковать своей шкурой. Он говорил, что его забавляет иметь дело с этими типами и обставлять их; и он потешался про себя, когда ему командовали: «Давай, парень, разберись с этим и убери того, да не тяни». Держали за простого киллера ценою не больше тысячи песо, кому можно без всяких церемоний швырять на стол пачки шуршащих долларов по возвращении из каждого полета, на котором те, кто сверху, зарабатывали немереные деньги, пока он рисковал свободой и жизнью. Проблема в том, что Блондину мало было просто делать то-то и то-то: у него имелась потребность рассказывать о своих делах. Он был из породы трепачей. Какой интерес оприходовать пусть даже самую красивую бабенку, говаривал он, если нельзя рассказать об этом друзьям? А если что случится, так пусть потом «Лос Тигрес дель Норте» или «Лос Туканес де Тихуана» складывают обо мне наркобаллады и распевают их в тавернах или по авторadio. Вот так, ребята. Так и создаются легенды. И много раз, свернувшись клубочком у его плеча, в баре, на вечеринке, между танцами в салуне «Марокко» – он с бутылкой пива «Пасифико» в руке, у нее нос словно пудрой обсыпан от «белых вздохов»<sup>7</sup>, – Тереса содрогалась, слыша, как он поверяет друзьям такие вещи, о которых всякий разумный человек предпочел бы молчать как рыба. У Тересы не было образования, у нее не было ничего, кроме Блондина; однако она знала, что друзья проверяются, только когда навещают тебя в больнице, в тюрьме или на кладбище. А это означало, что друзья бывают друзьями, пока не перестают быть ими.

Три квартала она шла не оглядываясь. Боже упаси. Каблуки у нее чересчур высоки, и она поняла, что, если вдруг придется бежать, вывих ей обеспечен. Тереса сняла туфли, спрятала их в сумку и пошла босиком. На следующем углу свернула направо и, оказавшись на улице Хуареса, остановилась перед какой-то закусочной – проверить, нет ли хвоста. Не заметив никаких признаков опасности, она толкнула дверь, вошла и уселась за самый дальний столик, спиной к стене, ни на миг не отрывая глаз от улицы. Ей нужно поразмыслить и унять бешеное биение сердца. Как сказал бы Блондин, изучить Ситуацию. Или хотя бы попытаться. Влажные волосы падали ей на лицо; она убрала их только один раз, а потом подумала: так лучше, так труднее разглядеть ее. Ей принесли нопалевый<sup>8</sup> коктейль, и некоторое время она сидела неподвижно, не в силах связать обрывки мыслей, пока не поняла, что ей хочется курить и в спешке и панике она забыла курево дома. Она попросила у официантки сигарету, прикурила от протянутой зажигалки, не заметив недоуменного взгляда девушки на ее босые ноги, и долго сидела, курая и пытаясь привести в порядок разбежавшиеся врассыпную мысли. Ну вот, так лучше. Табачный дым, наполнивший легкие, немного успокоил ее – достаточно, чтобы проанализировать Ситуацию с некоторой долей здравого смысла. Ей нужно добраться до их другого – надежного – дома прежде, чем эти шакалы найдут ее и она против собственной воли превратится во

<sup>6</sup> *Кантинфлас* (Марио Морено Рейес, 1911–1993) – знаменитый мексиканский комик.

<sup>7</sup> «Белые вздохи» – иносказательное наименование кокаина.

<sup>8</sup> *Нопаль* (исп. *nopal*) – кактус опунция, иначе называемый индейской смоковницей. Его плоды съедобны.

второстепенного персонажа наркобаллад: Блондин же мечтал, чтобы «Лос Тигрес» или «Лос Туканес» посвящали ему баллады. Там, в доме, припрятаны деньги и документы, а без них, сколько ни беги, не добежишь никуда. Там же и записная книжка Блондина: телефоны, адреса, заметки, связи, тайные маршруты в Южной Калифорнии, Соноре, Чиуауа и Коауиле, друзья и враги – нелегко отличить одних от других – в Колумбии, Гватемале, Гондурасе и по обоим берегам Рио-Браво: в Эль-Пасо, Хуаресе, Сан-Антонио. Это либо сожги, либо спрячь как следует, сказал ей Блондин. Не заглядывай туда – ради своего же блага, смугляночка моя. Даже не смотри на нее. И только если все будет совсем плохо, отдай ее дону Эпифанию Варгасу в обмен на свою жизнь. Тебе ясно? Поклянись, что не раскроешь книжку ни за что на свете. Поклянись мне в этом Господом Богом и Пресвятой Девой. Иди ко мне. Поклянись тем, что сейчас держишь в руках.

Времени у нее было немного. Часы она тоже забыла дома, но видела, что вечереет. Улица выглядела спокойно: машин не больше, чем обычно, прохожие идут, никто не стоит поблизости. Она надела туфли, оставила на столике десять песо и медленно поднялась, крепко сжимая в руках сумку. Выходя на улицу, она не осмелилась взглянуть на себя в зеркало. На углу мальчишка торговал газировкой, сигаретами и газетами, разложенными на картонном ящике с надписью «Самсунг». Она купила пачку «Фарос» и коробок спичек, успев при этом искоса оглядеть улицу, и пошла дальше нарочито медленно. Ситуация. Припаркованная машина, полицейский, человек, подметающий тротуар, заставляли ее вздрагивать. У Тересы опять заболели мышцы спины, во рту стало кисло. Она снова почувствовала, как неудобно идти на каблуках. Видел бы меня Блондин, подумала она, вот уж посмеялся бы. И за это она мысленно прокляла его. Где теперь все твои «хи-хи» да «ха-ха», чертов летун, после того, как тебя спустили на землю? Где твоя надменность красавца-мачо и твое распроклятое бесстрашие? Проходя мимо небольшого кафе, она ощутила вонь подгоревшего мяса, и во рту у нее вдруг снова стало кисло. Пришлось быстро вбежать в подъезд, где ее вырвало струей нопалевого сока.

Я знал Кульякан. До интервью с Тересой Мендоса я уже приезжал туда – в самом начале, когда только начинал изучать ее историю, а она сама была лишь неким смутным вызовом личного свойства, воплощенным в нескольких фотографиях и газетных вырезках. Приезжал и потом, когда все закончилось и в моих руках находилось то, что я хотел знать: факты, имена, места. Так что сейчас я могу выстроить все по порядку, за исключением каких-то неизбежных пробелов и того, что я опускаю сознательно. Скажу также, что все завязалось довольно давно – на обеде с Рене Дельгадо, главным редактором ежедневной газеты «Реформа», выходящей в мексиканской столице. Мы с Рене старые друзья – еще с тех времен, когда в разгар борьбы против Сомосы<sup>9</sup>, будучи молодыми репортерами, снимали на двоих номер в отеле «Интерконтиненталь» в Манагуа. Теперь мы встречаемся всякий раз, как я приезжаю в Мексику, чтобы поведать друг другу о своих печалях, морщинах и седине. И вот, потчuya меня эскамолес<sup>10</sup> и кукурузными блинчиками с курятиной в ресторане отеля «Сан-Анхель-Инн», он предложил мне заняться этим делом.

– Ты испанец, у тебя там хорошие связи. Сделай нам большой репортаж о ней.

Стараясь, чтобы содержимое блинчика не потекло у меня по подбородку, я отказался:

– Я больше не репортер. Теперь я все выдумываю и пишу вещи объемом не менее четырехсот страниц.

– Ну так сделай как умеешь, – возразил Рене. – Сделай литературный репортаж.

<sup>9</sup> Анастасио Сомоса (1896–1956) – президент Никарагуа в 1937–1947 и 1951–1956 гг.

<sup>10</sup> Эскамолес (исп. escamoles) – съедобные личинки одного из видов муравьев; употребляются в пищу высушенными или обжаренными.

Я доел блинчик, и мы принялись обсуждать все за и против. Сомнения одолевали меня до самого кофе и рюмки «Дона Хулиана № 1», так что Рене в конце концов пригрозил, что сейчас позовет марьячи<sup>11</sup>.

Но все вышло совсем не так, как он замышлял: репортаж для «Реформы» превратился в мой собственный литературный проект, хотя моего друга это нимало не расстроило. Напротив: на следующий день он предоставил мне свои лучшие связи на Тихоокеанском побережье и в федеральной полиции, чтобы я смог разузнать что-нибудь о годах, покрытых мраком неизвестности. О том этапе жизни Тересы Мендоса, про который ничего не знали в Испании да, пожалуй, и в самой Мексике.

– По крайней мере, напишем на тебя рецензию, – сказал Рене. – Скотина.

До тех пор было общеизвестно лишь то, что в свое время Тереса, дочь отца-испанца и матери-мексиканки, жила в Лас-Сьете-Готас, очень бедном квартале Кульякана. И еще – училась она только в начальной школе, работала сначала в шляпной лавчонке на небольшом рынке под названием Буэльна, а потом меняла доллары на улице Хуареса, и в один прекрасный день (День поминовения усопших – роковая ирония судьбы!) жизнь поставила ее на пути Раймундо Давилы Парры, летчика, работавшего на хуаресский картель. В округе он был известен под кличкой Блондин Давила – из-за светлых волос, голубых глаз и внешности американца. Обо всем этом было известно скорее из легенды, что сплелась вокруг Тересы Мендоса, чем на основе точных данных; поэтому, чтобы выяснить эту часть ее биографии, я отправился в столицу штата Синалоа на западном побережье, недалеко от входа в Калифорнийский залив, и принялся там бродить по улицам и тавернам. Я даже точно – или почти точно – прошел тем маршрутом, которым шла она в тот последний (или первый, смотря как взглянуть) день, после того как раздался телефонный звонок и она покинула дом, который делила с Блондином Давилой. Так я оказался перед гнездышком, где они прожили два года: скромного вида, но уютным двухэтажным домиком с бугенвиллеями и миртовыми деревьями и задним двором. Домик располагался на юго-востоке района Лас-Кинтас: там часто селятся наркодельцы средней руки, у кого дела идут хорошо, но не настолько, чтобы позволить им роскошный особняк в элитном районе Чапультепек. Потом я прошел под королевскими пальмами и манговыми деревьями до улицы Хуареса и остановился напротив небольшого рынка – посмотреть на девушек, которые с сотовым телефоном в одной руке и калькулятором в другой прямо посреди улицы обменивают валюту. Или, другими словами, отмывают, превращая в мексиканские песо, деньги тех, кто, приезжая на машинах, останавливается рядом и достает пачки долларов, от которых пахнет горной смолой или белым порошком<sup>12</sup>.

В этом городе, где незаконная деятельность сплошь и рядом – общественное убеждение и образ жизни («идти против закона – семейная традиция», как поется в одной наркобалладе), Тереса Мендоса некоторое время была одной из таких девушек до того дня, когда возле нее затормозил черный джип «бронко» и сидевший за рулем Раймундо Давила Парра, опустив тонированное стекло, засмотрелся на нее. С того момента ее жизнь изменилась навсегда.

Сейчас она шла по тротуару, который знала до последней плитки, шла с пересохшим ртом и страхом в глазах. Обходила девушек – те болтали или прогуливались в ожидании клиентов напротив фруктового магазина «Эль Канарио» – и все время боязливо озирались на стоянку грузовиков, трамваи и закусочные рынка, кишмя кишевшие женщинами с корзинами и усатыми мужчинами в широкополых плетеных шляпах. Из музыкальной лавки за ювелирной мастерской на углу до нее донеслась наркобаллада, которую пели «Лос Динамикос», а может, «Лос Тигрес», – издавдала она не смогла определить, но песню знала хорошо. Еще бы! Она

<sup>11</sup> *Марьячи* (исп. *mariachi*) – мексиканские певцы и музыканты, исполняющие народные песни и произведения в фольклорном стиле.

<sup>12</sup> Имеются в виду опиум, выращиваемый на подпольных плантациях в горах, и кокаин.

знала ее даже слишком хорошо – то была любимая песня Блондина, и подонки этот имел обыкновение распевать ее, когда брился – да еще открывал окно, чтобы шокировать соседей, – или нашептывать ей тихонько на ухо, когда ему хотелось позабавиться, разозлив ее:

Все меня здесь уважают —  
мать, отец, друзья, невеста.  
Самолет я поднимаю  
без разбега, прямо с места.  
Мчусь во тьме, как легкий дым,  
крыльями воды касаюсь,  
и с оружием любым  
как с родным я управляюсь...

Чертов негодяй, проклятый Блондин, снова подумала она – почти произнесла, давя поднимавшееся в груди рыдание. Посмотрела направо и налево. Она по-прежнему была настороже – не покажется ли где лицо или фигура, означающие опасность. Конечно, они пошлют того, кто меня знает, думала она. Кто сможет меня узнать. Поэтому Тереса надеялась узнать его прежде, чем он ее. Его – или их. Потому что они обычно действовали парами, помогая друг другу. И следя друг за другом – ведь в этом деле никто не доверяет даже собственной тени. Узнать его заранее, не в последний момент, уловив угрозу во взгляде. Или в улыбке. Кто-нибудь улыбнется тебе, вспомнила она, а в следующий миг ты будешь мертва. Если повезет, добавила она про себя. Если мне очень повезет, я буду мертва. В Синалоа, подумала она, представив себе пустыню и ацетиленовую горелку, о которых говорил Блондин, вопрос везения или невезения – всего лишь вопрос быстроты, сложения и вычитания. Чем дольше умираешь, тем меньше тебе везет.

Она двигалась по улице Хуареса по ходу транспорта, поэтому машины приближались к ней со спины. Только пройдя кладбище «Сан-Хуан», она сообразила это и свернула налево, к улице Генерала Эскобедо. Блондин объяснил ей, что, если она когда-нибудь обнаружит за собой хвост, надо выбирать улицы, где машины едут навстречу, чтобы видеть их издали. Теперь она иногда оглядывалась, чтобы знать, что происходит за спиной. Так она добралась до центра, миновала белое здание муниципалитета и смешалась с толпой, заполнявшей автобусные остановки и ближайшие окрестности рынка Гармендиа. Только там Тереса почувствовала себя в некоторой безопасности. С запада над крышами небо пылало ярко-оранжевым, и кое-где на тротуары уже падал свет витрин. В таких местах почти никогда никого не убивают, подумала она. И не похищают. Движение по улице было двусторонним, на углу стояли двое полицейских в коричневой форме. Лицо одного показалось ей смутно знакомым, поэтому она отвернулась и пошла в другую сторону. Многие местные служители закона – и судебные, и полиция, и многие другие – состояли на жалованье у наркомафии, прятали в кейсы дармовые пакетики кокаина и бесплатно пили в тавернах, а за это прикрывали главарей или воплощали в жизнь здоровый принцип: живи, получай свой кусок и давай жить другим, если не хочешь перестать жить. Три месяца раньше один полицейский начальник, прибывший из других краев, решил изменить правила игры. Ему влили семьдесят пуль из «козьего рога» – так называли тут АК-47 – прямо у дверей дома, в его собственной машине. Тра-та-та-та-та. Уже продавались компакт-диски с песнями на эту тему. Самая известная называлась «Семь раз по десять патронов». «Убили майора Падрона, – в балладе все излагалось предельно точно, – ровно в шесть, на рассвете. Семь раз по десять патронов, а в них свинцовые смерти». Типичный стиль Синалоа. Популярные певцы – например, Ас де ла Сьерра – снимались для обложек на фоне самолетов, с винтовками сорок пятого калибра в руках, а Чалино Санчеса, идола местных меломанов, который, прежде чем стать композитором и певцом, работал на мафию киллером, буквально

изрешетили – не то из-за женщины, не то по какой другой причине. Кто знает? Уж чего-чего, а воображения авторам наркобаллад было не занимать.

Свернув за угол у магазина «Ла Мичоакана», Тереса оставила позади рынок с обувными и одежными лавками и пошла по улице. «Чистая» квартира Блондина, его убежище на случай чего-то из ряда вон выходящего, находилась буквально в нескольких метрах, на втором этаже неброского на вид жилого дома, напротив подъезда которого торговали с тележки днем разными морскими разностями, а ночью – кукурузными блинчиками с тушеным мясом. Поначалу ни одна душа, кроме них двоих, не знала о существовании этого убежища: Тереса была там только однажды, да и сам Блондин, чтобы не «засветить» место, заходил туда лишь изредка. Тихонько, стараясь не шуметь, она поднялась по лестнице, вставила ключ в скважину и осторожно повернула. Она знала, что там не может быть никого, но все-таки с тревогой оглядела квартиру: нет ли где чего подозрительного. Даже здесь не на сто процентов безопасно, говорил ей Блондин. Может, кто-нибудь видел меня, или кому-то что-то известно, или... да что угодно может произойти в этом уголке города, где все знают друг друга как облупленных. И даже если меня накроют по какой другой причине – если, конечно, возьмут живьем, – я помолчу какое-то время, но долго не смогу, а потом начну колотиться и выкладывать им все как есть. Так что старайся не дремать, как курица на насесте, девочка моя. Надеюсь, мне удастся продержаться, чтобы ты успела забрать деньги и исчезнуть, пока они сюда не явились. Но я тебе ничего не обещаю, смугляночка моя; даже говоря это, он продолжал улыбаться, мерзавец. Я тебе ничего не обещаю.

В квартире были голые стены без всяких украшений, из мебели – только стол, четыре стула и диван да в спальне большая кровать с тумбочкой и телефоном. Окно спальни выходило за дом, на пустырь, заросший деревьями и кустами, а дальше виднелись желтые купола церкви Святилища Господня. Во встроенном шкафу было двойное дно, и, разобрав его, Тереса нашла две толстые пачки столетних банкнот. Тысяч двадцать, подсказал ей опыт менялы с улицы Хуареса. Там лежала и записная книжка Блондина: большая тетрадь в переплете из коричневой кожи (не открывая ее, вспомнила она), а еще пакет кокаина – около трехсот граммов – и огромный кольт «дабл-игл»: хромированная сталь, перламутровые накладки. Блондин не любил оружия и никогда не носил при себе даже револьвера – один черт, говорил он, если уж кто захочет разделаться со мной, так это не поможет, – однако держал кольт на всякий случай. Зачем я буду тебе врать – случиться может всякое. Тереса оружия тоже не любила, но, как почти каждый в Синалоа – мужчина, женщина или ребенок, – умела с ним обращаться. А уж если говорить о всяких случаях, этот был именно таким. Поэтому она проверила магазин (он оказался полным), оттянула затвор, а когда отпустила его, пуля сорок пятого калибра со зловещим звонким щелчком вошла в патронник. Когда она запихивала все в сумку, у нее дрожали руки. В какой-то момент она вздрогнула: с улицы донесся звук автомобильного выхлопа. Несколько секунд сидела тихо, прислушиваясь, затем снова взялась за дело. Вместе с долларами лежало два паспорта – ее и Блондина. Оба с американскими визами, срок действия которых еще не истек. На мгновение она задержала взгляд на фотографии Блондина: коротко, почти по-солдатски подстриженные волосы, светлые глаза американца спокойно смотрят в объектив, а в уголке рта – намек на его вечную усмешку. Секунду поколебавшись, она сунула в сумку только свой паспорт и лишь тут, наклонившись и почувствовав, как по подбородку стекают и капают на руки слезы, поняла, что плачет уже давно.

Затуманенными глазами Тереса обвела комнату, стараясь сообразить, не забыла ли еще чего-нибудь. Сердце у нее колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет наружу через рот. Она подошла к окну, оглядела улицу, которую уже начинали окутывать вечерними тенями сумерки, тележку торговца блинчиками, освещенную электрической лампочкой и раскаленными углями жаровни. Потом зажгла сигарету и, нервно затягиваясь, сделала несколько шагов по комнате. Ей нужно уходить отсюда, но куда – она не знала. Ясно только одно – нужно ухо-

доть. Когда она оказалась у дверей спальни, ее взгляд упал на телефон, и в голове мелькнуло: дон Эпифанио Варгас. Он был славным парнем, этот дон Эпифанио. Работал с Амадо Каррильо в золотые времена воздушных мостов между Колумбией, Синалоа и Соединенными Штатами и был хорошим крестным отцом для Блондина – не кидал, всегда выполнял, что обещано, – пока не начал вкладывать деньги в другие дела и не ударился в политику. Тогда самолеты стали ему не нужны, и летун Давила нашел себе новых хозяев. Собственно говоря, дон Эпифанио предложил ему остаться, но Блондин любил летать – пусть даже не для себя самого, а для других. Дон Эпифанио отнесся к этому нормально и даже одолжил денег на новую «сессну» – после того как старая разбилась при экстренной посадке в горах, груженная тремя сотнями килограммов кокаина в пакетах, тщательно обмотанных клейкой лентой. Сверху кружили два самолета федеральной полиции, на дорогах было зелено от солдат в полевой форме, завывали сирены, орали мегафоны, и сквозь весь этот адский шум пробивался грохот очередей Р-15<sup>13</sup>.

Блондину – у него была сломана рука – насилу удалось тогда уйти от преследования: сначала представителей закона, потом и хозяев груза, которым ему пришлось доказывать с газетными вырезками в руках, что вся партия конфискована правительством, трое из восьми парней, встречавших его в условленном месте, погибли, прикрывая взлетно-посадочную полосу, и донес о прибытии груза один тип из Бадирагуато, сотрудничавший с федералами. Болтун окончил свои дни со связанными за спиной руками и пластиковым пакетом на голове – так же, как его отец, мать и сестра: наказывая предателей, мафия всегда действовала основательно, – а Блондин, освобожденный от всех подозрений, благодаря дону Эпифанио Варгасу смог купить себе новую «сессну».

Загасив сигарету и оставив сумку раскрытой на полу у изголовья кровати, она достала записную книжку, положила на покрывало и некоторое время сидела, не отрывая от нее глаз. Упаси тебя бог даже смотреть на нее: Тереса помнила эти слова. Вот она, эта чертова книжка этого чертова пижона, который сейчас отплясывает с безносой, а она, как распоследняя дура, сидит тут – этакая послушная девочка – и не открывает ее. Не трогай, говорило ей что-то вроде внутреннего голоса. Возьми, раскрой, настаивал другой. Если цена этой штуки – твоя жизнь, узнай, чего она вообще стоит. Чтобы набраться смелости, она достала пакет с кокаином, пропоролла ногтем пластик, зацепила немного порошка и, поднеся к носу, глубоко вдохнула. Мгновение спустя, ощутив, как просветлело в голове и обострились чувства, она снова пристально посмотрела на записную книжку и наконец раскрыла ее. Имя дона Эпифанио тоже значилось там – вместе с другими, лишь при беглом взгляде на которые мурашки побежали у нее по спине: Коротышка Гусман, Сесар Бэтмен Гуэмес, Эктор Пальма... Номера телефонов, места встреч, имена связных и партнеров, цифры и шифрованные записи, смысл которых от нее ускользал. Тереса продолжала читать, и мало-помалу пульс ее все более замедлялся, пока она не застыла, будто превратившись в лед. Упаси тебя бог даже смотреть на нее, снова вспомнила она, содрогнувшись. Черт побери. Теперь она понимала почему. Дело обстояло гораздо хуже, чем она себе представляла.

И тут она услышала, как открывается дверь.

– Смотри-ка, Поте, кого мы застукали. Вот это да!

Улыбка Кота Фьерроса сверкала, как лезвие мокрого ножа, – влажная опасная улыбка наемных убийц в американских фильмах, где наркобандиты всегда смуглые, с типично латиноамериканской внешностью и зловещими лицами, в стиле Педро Навахи и Хуанито Алима-ньи. Кот Фьеррос был типичным латино, смуглым и зловещим, словно он только что вышел из какой-нибудь песни Рубена Бладеса или Вилли Колона; вот только непонятно, намеренно

<sup>13</sup> Р-15 – автомат, находящийся на вооружении мексиканской армии, а также широко используемый контрабандистами наркотиков.

он культивирует этот стереотип или это Рубен Бладес, Вилли Колон и американские фильмы вдохновляются такими типами, как он.

– Девчонка Блондина.

Киллер стоял, прислонившись к дверному косяку и засунув руки в карманы. Его кошачьи глаза, из-за которых его так и прозвали, не отрывались от Тересы, пока он обращался к своему напарнику, кривя угол рта в издевательской усмешке.

– Я ничего не знаю, – сказала Тереса.

Ее охватил такой ужас, что она едва узнала собственный голос. Кот Фьеррос дважды понимающе кивнул головой.

– Ну конечно, – сказал он.

Его улыбка стала еще шире. Он давно уже потерял счет мужчинам и женщинам, которые уверяли, что ничего не знают, – уверяли прежде, чем он убивал их, быстро или медленно, смотря по обстоятельствам, на этой земле, где насильственная смерть естественна: двадцать тысяч песо за рядового покойника, сто тысяч – за полицейского или судью, а бывает, что и бесплатно, если нужно выручить товарища. Тересе были известны все эти подробности: она хорошо знала и Кота Фьерроса, и его спутника – Потемкина Гальвеса, которого называли обычно Поте Гальвес или Крапчатый. На обоих были куртки, шелковые рубашки от «Версаче», джинсы и сапоги из кожи игуаны – все почти одинаковое, будто одевались они в одном магазине. Они служили наемниками Сесара Бэтмена Гуэмеса и частенько бывали у Блондина Давилы: товарищи по работе, они летали с ним в горы, сопровождая грузы, а также пили и гуляли вместе. Гулянки начинались еще днем, в «Дон Кихоте», когда деньги были совсем свежими и пахли тем, чем пахли, а заканчивались почти на рассвете в одном из городских «тэйбол-дансов»<sup>14</sup> – в «Лорде Блэке» и «Осирисе», где женщины отплясывали на столах нагишом, сотня песо за пять минут, двести тридцать, если в отдельном кабинете. Рекой лилось виски «Бьюкенен», затуманенные алкоголем мозги прочищались белым порошком, а «Лос Ураканес», «Лос Пумас», «Лос Бронкос» или какая-нибудь другая группа – с ними расплачивались стодолларовыми купюрами – распевала свои баллады: «Белая дорожка», «Горсть порошка», «Смерть федерала», посвященные тем, кто уже погиб, и тем, которым предстояло погибнуть.

– Где он? – спросила Тереса.

Кот Фьеррос негромко рассмеялся:

– Ты слышишь, Поте?.. Она спрашивает про Блондина. Ну надо же...

Он не отрывался от дверного косяка. Второй наемник покачал головой. Массивный, толстый, солидной наружности, с густыми черными усами и темными отметинами на коже, какие бывают у крапчатых лошадей. Держался он не так непринужденно, как его приятель, и когда взглянул на часы, жест его выражал нетерпение. А может, он чувствовал себя не слишком уютно. От движения руки полы его льняной куртки слегка разошлись, мелькнула рукоятка заткнутого за пояс револьвера.

– Блондин, – задумчиво повторил Кот Фьеррос.

Он вынул руки из карманов и медленно направился к Тересе. Та по-прежнему неподвижно стояла в головах кровати. Кот остановился, не сводя с нее глаз.

– Вот видишь, детка, – произнес он наконец. – Твой парень отлетался.

Страх свернулся у Тересы внутри гремучей змеи. Ситуация. Страх – белый, холодный, похожий на поверхность могильной плиты.

– Где он? – настойчиво повторила она.

Но произнесла это не она, а какая-то другая, неизвестная женщина, и слова заставили ее вздрогнуть от неожиданности. Незнакомая, неосторожная женщина, не знавшая, что надо

---

<sup>14</sup> *Тэйбол-данс* (от *англ.* table dance) – так называются в Мексике заведения, где показываются эротические шоу; по сути, зачастую это подпольные публичные дома.

молчать. Похоже, и Коту Фьерросу интуиция подсказала нечто подобное, потому что он взглянул на нее с удивлением: надо же, она еще задает вопросы, а не каменеет и не кричит от ужаса.

– Его больше нет. Он умер.

Незнакомка продолжала вести себя по собственному усмотрению, и Тереса снова вздрогнула, услышав, как та выговорила:

– Сукины дети. – Именно это она сказала или, во всяком случае, услышала, что сказала: сукины дети. Раскаявшись, не успел последний слог сорваться с ее губ. Кот Фьеррос разглядывал ее с любопытством, очень внимательно.

– Смотри-ка, крутая попалась, – задумчиво произнес он. – Матерей наших не боится поминать. И таким ротиком, – мягко закончил он.

После чего влепил ей пощечину, и Тереса распласталась во весь рост на кровати. Кот некоторое время разглядывал ее, словно оценивая. Потом оглушенная ударом Тереса – кровь стучала в висках, щека горела – увидела, как наемник перевел глаза на пакет с порошком на тумбочке, взял щепотку и поднес к носу.

– Хорош, – заметил он. – Не без примеси, но ничего, очень даже неплох. – Затем, вытирая пальцами нос, предложил угоститься напарнику, однако тот, мотнув головой, снова глянул на часы. – Да торопиться-то некуда, – возразил Кот Фьеррос. – Торопиться некуда, браток, а который там час, мне ровным счетом наплевать. – Он снова смотрел на Тересу. – Классная телка, – проговорил он. – И к тому же вдовушка.

– Кот, – очень серьезно произнес Поте Гальвес, не отходя от двери. – Давай покончим с этим поскорее. – (Фьеррос поднял руку, призывая к спокойствию, и присел на край кровати.) – Кончай дуришь, Кот, – настаивал Гальвес. – У нас же есть инструкции. Нам велели убрать ее, а не валять. Так что давай, браток, делай дело – и без глупостей.

Но Кот Фьеррос и ухом не повел.

– Бывают же на свете совпадения, – сказал он. – А мне как раз всегда хотелось ее оприходовать.

До того как Тереса стала женщиной Блондина Давилы, ее уже насиловали: сначала – ей тогда было пятнадцать – несколько парней из квартала Лас-Сьете-Готас, позже – человек, который устроил ее работать менялой на улице Хуареса. Поэтому, когда зловещая улыбка киллера повлажнела еще больше и он расстегивал пуговицу на поясе ее джинсов, она уже знала, что ее ждет. И вдруг страх исчез. Потому что это не на самом деле, беспорядочно завертелось в голове. Я сплю, и это просто кошмар, какие случаются иногда, и потом – это уже было со мной: это было с женщиной, которую я вижу во сне, она похожа на меня, но это не я. Я могу проснуться, стоит захотеть: проснуться, ощутить дыхание моего мужчины на подушке, обнять его, прижаться, спрятать лицо у него на груди, и окажется, что ничего подобного никогда не происходило. А еще я могу умереть во сне – от инфаркта, от остановки сердца, да мало ли от чего. Я могу умереть внезапно, и ни сон, ни жизнь уже не будут иметь значения. Спать долго, без видений, без кошмаров. Спать вечно, отдыхая от всего, чего никогда не было.

– Кот, – настойчиво произнес тот, второй. Он наконец сдвинулся с места и сделал пару шагов в комнату. – Кончай эти глупости, – повторил он. – Блондин же был один из наших. И парень что надо. Ну вспомни: горы, Эль-Пасо, Рио-Браво. Текила. А она была его девчонкой. – Он вытащил из-за пояса револьвер «питон» и прицелился в лоб Тересе. – Отойди, браток, чтобы тебя не забрызгало, и покончим с этим.

Но Кот Фьеррос представлял себе дальнейшее развитие событий иначе. Он не поддался на уговоры. Самоуверенный, бесстрашный, он повернулся лицом к напарнику, одним глазом кося на Тересу.

– Ей все равно конец, – сказал он. – Зачем же зря пропадать такому товару?

Он отстранил рукой дуло «питона». Поте Гальвес стоял, глядя то на Тересу, то на него, – толстый, нерешительный: в темных глазах извечная опасность индейца и холодность северянина,

в густых усах застряли капельки пота, палец убран со спускового крючка, дуло револьвера направлено вверх, будто Гальвес собрался почесать им голову. Тут Кот Фьеррос достал свой автоматический пистолет, большую серебристую «беретту», сунул ее под нос напарнику, наставил прямо в лицо и сказал, смеясь:

– Или ты тоже побалуешься с этой телкой, чтобы нам уж быть на равных, или, если ты такой неженка, катись отсюда и не мешай, а не то мы с тобой сейчас тут передеремся, как петухи на арене.

Поте Гальвес перевел взгляд на Тересу – взгляд человека, который вынужден подчиниться, но стыдится этого; он смотрел на нее несколько мгновений, затем открыл было рот, но так ничего и не сказал. Вместо этого снова заткнул за пояс свой «питон», медленно отошел от кровати и так же медленно, не оборачиваясь, пошел к двери, а тот, другой, по-прежнему держал его на мушке и с издевкой говорил:

– Потом я угощу тебя стаканчиком «Бьюкенена», браток, чтоб ты не сильно расстраивался, что оказался таким слюнтяем.

Поте Гальвес исчез за дверью другой комнаты, и оттуда послышался удар, грохот чего-то разлетающегося в щепки, – может, дверцы шкафа, на которую он обрушил свой кулак, мощный и одновременно бессильный, и Тереса почему-то мысленно поблагодарила его за это. Однако уже в следующее мгновение ей стало не до того, потому что Кот Фьеррос принялся снимать с нее джинсы – вернее, не снимать, а стаскивать рывками – и, задрав футболку, начал тискать ее груди, и засунул ей между ног дуло пистолета, как будто собирался изнасиловать ее им, а она не кричала, не стонала, она просто уставилась широко раскрытыми глазами в белый потолок комнаты и молила Господа, чтобы все произошло поскорее и чтобы потом Кот Фьеррос убил ее быстро – прежде чем все происходящее перестанет казаться кошмаром, увиденным во сне, и обернется неприкрытым ужасом этой проклятой жизни.

Все было так же, как раньше. Как всегда. И так же все должно было закончиться. Иначе не могло быть, хотя Тереса Мендоса никогда не представляла себе, что Ситуация будет пахнуть потом, мужчиной, разгоряченным похотью, выпивкой, которую принял Кот Фьеррос, отправляясь на поиски своей жертвы. В секунды просветления она думала: господи, пусть он кончит. Пусть он кончит поскорее, чтобы я смогла отдохнуть. Она думала об этом какой-то миг, а потом снова погружалась в пустоту, где не было ни чувств, ни страха. Для страха слишком поздно – его испытывают до того, как что-то происходит, а когда это происходит, утешает то, что все когда-нибудь заканчивается. Подлинный страх порождается лишь мыслью, что конец может чересчур затянуться. Однако к Коту Фьерросу это никак не относилось. Он двигался сильными толчками, стремясь поскорее освободиться. Молча. Короткими, жестокими, безжалостными рывками, мало-помалу сталкивая ее к краю кровати. Покорившись судьбе, Тереса не сопротивлялась. Ее глаза уперлись в белизну потолка, мозг был абсолютно пуст, сознание лишь временами возвращалось вспышками молнии. Ее рука соскользнула с кровати и оказалась в раскрытой сумке, стоявшей по другую сторону.

Внезапно Тереса сделала открытие: Ситуация – вещь неоднозначная. Она может быть таковой для тебя или для других. Осознав это, Тереса настолько удивилась, что, не мешая ей вцепившийся в нее мужчина, она села бы на кровати – лицо серьезное, указательный палец поднят вверх, – чтобы обдумать свое открытие и убедиться, что все действительно обстоит именно так. А ну-ка, разберемся. Рассмотрим этот вариант. Но она не могла приподняться, потому что свободной у нее оставалась только рука – случайно оказавшись в сумке, сейчас она касалась холодного металла кольца «дабл-игл», лежавшего среди белья и пачек денег.

Это все не со мной, подумала она. А может, не успела ничего подумать, и просто пассивно наблюдала за той, другой Тересой Мендоса, которая думала за нее. Но главное: когда она отдала себе отчет в происходящем, ее пальцы – или пальцы той, другой женщины, за кото-

рой она следила, – сомкнулись вокруг рукоятки пистолета. Предохранитель слева, рядом с курком и кнопкой, которой извлекается магазин. Она прикоснулась к нему большим пальцем и почувствовала, как он скользит вертикально вниз, освобождая ударник. В патроннике есть патрон, заставила себя вспомнить она. Есть патрон, готовый к выстрелу, потому что я загнала его туда – она помнила, как лязгнул металл, – хотя, может, мне только кажется, что я это сделала, а на самом деле не сделала и патрона там нет. Она обдумала все это бесстрастно и расчетливо: предохранитель, курок, ударник. Патрон. Такова надлежащая последовательность событий, если только этот звонкий щелчок прозвучал на самом деле, а не был плодом ее воображения. В противном случае боек ударит в пустоту, а у Кота Фьерроса окажется достаточно времени, чтобы решить, что ему все это не нравится. Хотя, как бы то ни было, хуже не будет. Только, может, чуть больше насилия или жестокости в последние мгновения. Ничего, что не закончилось бы через полчаса: для нее, для той, другой женщины, за которой она наблюдает, или для обеих. Ничего, что вскоре не перестало бы причинять боль. Такие мысли роились у нее в голове, когда она прекратила смотреть в потолок и поняла, что Кот Фьеррос замер и уставился на нее. Тогда Тереса подняла пистолет и выстрелила ему в лицо.

В спальне стоял едкий запах порохового дыма и эхо выстрела еще гремело в стенах, когда Тереса нажала курок еще раз; но отдачей от первого выстрела «дабл-игл» сильно рвануло вверх, так что второй вышиб из штукатурки кусок размером с ладонь. Кот Фьеррос уже тяжело завалился спиной на тумбочку, будто задыхаясь, зажимая руками рот, а между пальцев у него струями хлестала кровь, заливая глаза, вылезшие из орбит от изумления и ослепленные вспышкой, опалившей ему волосы, брови и ресницы. Тереса не знала, кричит он или нет: прогремевшие совсем рядом выстрелы, ударив по барабанным перепонкам, оглушили ее. Она стояла на коленях на кровати – из всей одежды на ней оставалась только футболка, задранный к самой шее, – обеими вытянутыми руками вцепившись в пистолет, чтобы поточнее прицелиться в третий раз, когда увидела, как в дверях появился Поте Гальвес, ошарашенный и растерянный. Словно в замедленном сне, она перевела взгляд на него; а он – револьвер по-прежнему торчал у него за поясом – протянул обе руки перед собой, будто защищаясь от «дабл-игла», который Тереса теперь навела на него и на который были устремлены его испуганные глаза. Губы под черными усами шевельнулись, беззвучно умолая: «Не надо»; а может, на самом деле Поте Гальвес говорил это «не надо» вслух, но она не расслышала, потому что в ушах еще звенело от выстрелов. Наверное, он действительно сказал это – его губы продолжали быстро-быстро шевелиться, а руки по-прежнему были вытянуты – какие-то слова примирения, которых она все равно не слышала. И Тереса уже собиралась спустить курок, когда вдруг вспомнила удар кулака о дверцу шкафа, «питон», нацеленный ей в лоб, Блондин был одним из наших, Кот, кончай дурить. А она была его девчонкой.

Она не выстрелила. Воспоминание о грохоте дверцы, рассыпающейся в щепки, удержало ее палец, уже лежавший на спусковом крючке. Ощущая, как холод леденит живот и голые ноги, не переставая целиться в Гальвеса, она, ерзая на кровати, отодвинулась назад и левой рукой побросала в раскрытую сумку одежду, записную книжку, пакет с кокаином. Покосилась на Кота Фьерроса, который корчился на полу, прижимая к лицу окровавленные руки. Секунду-другую Тереса раздумывала, не добить ли его; но второй киллер еще стоял в дверях с вытянутыми перед собой руками и револьвером за поясом, и она отчетливо поняла, что, если перестанет держать его на прицеле, пуля достанется ей. Поэтому она подхватила сумку левой рукой и, еще крепче сжав «дабл-игл» правой, начала слезать с кровати. Сначала в Крапчатого, наконец решила она, а потом уж в Кота Фьерроса. Такой порядок будет правильным, и грохота разбитой дверцы шкафа, за который она действительно была ему благодарна, недостаточно, чтобы изменить этот порядок. В этот момент Тереса поняла, что глаза стоящего перед ней мужчины читают то, что отражается в ее взгляде; она увидела, что губы под черными усами

перестали шевелиться, оборвав на полуслове какую-то фразу – теперь его речь доносилась до ее слуха неясным шумом, – и за секунду до ее третьего выстрела Потемкин Гальвес с ловкостью, удивительной для человека его комплекции, метнулся к лестнице на первый этаж, напавшая на бегу за поясом револьвер. Тереса выпустила четвертую и пятую пули прежде, чем до нее дошло: это бесполезно, она может остаться без патронов. Выскакивать на улицу вслед за наемником она тоже не стала, ибо поняла, что так просто он не уйдет, и ее маленькое везение – просто краткосрочное стечение обстоятельств. Два этажа, подумала она. Что ж, хуже того, что было, уже не будет. Решив так, она открыла окно спальни, выходившее на задний двор, и, глянув вниз, различила в темноте молодую дубовую поросль и кусты. Я забыла прикончить того мерзавца – Кота, запоздало мелькнуло у нее в голове, когда она уже падала в пустоту. В следующее мгновение ветки и сучья расцарапали ей ноги, бедра и лицо, а лодыжки от удара о землю взорвались болью, будто кости, не выдержав, переломились. Кое-как она поднялась, удивленная тем, что осталась жива, и побежала, прихрамывая, босая, голая ниже пояса, среди машин, стоящих на пустыре, и вечерних теней. Она бежала долго, пока, окончательно задохнувшись, не остановилась и не присела на корточки, укрываясь за полуразрушенной кирпичной стенкой. Ее босые ступни были изранены, царапины по всему телу горели, к тому же она ощущала, как мучительно саднит и жжет у нее между ног и внутри. Лишь теперь воспоминание заставило ее содрогнуться: та, другая Тереса Мендоса вдруг покинула ее, и она осталась одна. Не за кем больше наблюдать издали, некому приписывать собственные чувства и ощущения. Внезапно у нее резко прихватило мочевого пузыря, и она стала мочиться, как была, сидя на корточках за низенькой кирпичной стенкой, боясь шевельнуться, дрожа, как в лихорадке. Свет фар машины, проезжавшей мимо, скользнул по скорчившейся в темноте фигуре: в одной руке сумка, в другой – пистолет.

## 2

**Говорят, все видит закон, да толку от этого мало**

Я уже говорил, что бродил по Кульякану, штат Синалоа, в самом начале моего расследования, задолго до того, как лично познакомился с Тересой Мендоса. Там, где контрабанда наркотиков уже давно вышла из подполья, превратившись в объективно имеющий место социальный факт, доллар-другой, переданный в нужные руки, сослужил мне хорошую службу в разных специфических ситуациях, вследствие которых любопытный чужак без рекомендаций вполне вдруг может оказаться где-нибудь в реке – Умайе или Тамасуле – с пулей в голове. А кроме того, у меня появилось двое хороших друзей: Хулио Берналь, заведующий отделом культуры муниципалитета, и Эльмер Мендоса, местный писатель, чьи великолепные книги – «Одинокый убийца» и «Любовник Дженис Джоплин» – я читал, чтобы ближе познакомиться с происходящим в Синалоа. Благодаря прежде всего Хулио и Эльмеру я начал ориентироваться в обстановке. Никто из них не был лично знаком с Тересой Мендоса в те времена, когда началась эта история (тогда Тереса еще ничего собой не представляла), но они знавали Блондина Давилу и еще кое-кого из тех, кто так или иначе повлиял на дальнейшее развитие событий. Таким образом я и разузнал большую часть того, что мне известно сегодня. В Синалоа все решает доверие: это особый мир, жесткий и сложный, однако правила его просты и не допускают двусмысленности. Тебя представляет кому-то друг, которому этот кто-то доверяет, и этот кто-то доверяет тебе потому, что доверяет тому, кто тебя рекомендовал. Если впоследствии что-нибудь пойдет не так, рекомендовавший отвечает своей жизнью, а ты – своей. Бум, бум. На кладбищах северо-запада Мексики полным-полно плит с именами людей, которым кто-то когда-то доверял.

Как-то раз в «Дон Кихоте», вечером, насквозь пропитанным музыкой, сигаретным дымом, пивом, текилой и крепкими шуточками комика Педро Вальдеса – перед ним выступал чревоуещатель Энрике со своей куклой-наркоманом Чечито, – Эльмер Мендоса наклонился ко мне через стол и кивком указал на плотного смуглого мужчину в очках, сидевшего в окружении многочисленной компании собутыльников; все – из тех, кто никогда не снимает курток и пиджаков, будто вечно зябнет; сапоги из змеиной или страусиной кожи, тысячедолларовые расшитые ремни, широкополые плетеные шляпы, бейсболки с эмблемой местной команды «Лос Томатерос де Кульякан» и много массивного золота на шее и запястьях. Мы видели, как они подъехали на двух «рэм-чарджерах» и вошли, как к себе домой, а стоявший в дверях охранник подобострастно приветствовал их и не подверг обычной для прочих клиентов процедуре обыска.

– Это Сесар Бэтмен Гуэмес, – шепнул мне Эльмер. – Знаменитый наркоделец.

– А баллады о нем есть?

– Да, несколько, – усмехнулся мой друг, отхлебывая из своего стакана. – Это он убил Блондина Давилу.

Забыв от удивления закрыть рот, я воззрился на них: смуглые лица, жесткие черты, густые усы – и ощущение опасности, исходящей от этих людей. Их было восемь, они приехали четверть часа назад и за это время успели прикончить целую упаковку пива – двадцать четыре банки. После, уже на моих глазах, заказали две бутылки «Бьюкенена» и еще две «Реми Мартена», а танцовщицы, закончив выступление, подсели к ним – явление необычное для «Дон Кихота». Сидевшая за соседним столом компания голубых с крашеными белокурыми волосами – ближе к полуночи геи набивались сюда в огромных количествах, и оба контингента прекрасно ладили между собой – бросала на них многозначительные взоры. Гуэмес ответил им

лукавой покровительственной улыбкой и, кликнув официанта, послал на их столик угощение. Мирное сосуществование по всем правилам.

– Откуда ты знаешь?

– Да это знает весь Кульякан.

Четырьмя днями позже, благодаря знакомой Хулио Берналя, племянник которой был связан с «делом», у меня состоялся странный и интересный разговор с Сесаром Бэтменом Гуэмесом. Меня пригласили на барбекю в один из домов на холмах Сан-Мигель, в верхней части города. Там молодая поросль наркобизнеса – второе поколение, – менее склонная к показухе, чем отцы, некогда спустившиеся с гор, чтобы освоить сначала квартал Тьерра-Бланка, а со временем атаковать импозантные особняки района Чапультепек, – теперь вкладывала деньги в дома, непритязательные с виду, где роскошь начиналась за порогом и была предназначена только для своих – семьи и гостей. Племяннику знакомой Хулио, сыну знаменитого наркодельца из Сан-Хосе-де-лос-Орнос – фигуры, можно сказать, исторической, одного из тех, кому в молодости не раз приходилось отстреливаться и от полиции, и от конкурентов (ныне он со всеми удобствами отбывал срок в одной из тюрем Пуэнте-Гранде, штат Халиско), – было двадцать восемь лет, звали его Эрнесто Самуэльсон. Одного его старшего брата и пятерых двоюродных застрелили другие наркобандиты, или федералы, или солдаты, и сам он быстро усвоил урок: изучать право следует в Соединенных Штатах, вести дела только за границей (дома – никогда!), а отмывать деньги – в какой-нибудь респектабельной мексиканской компании, производящей трейлеры, или панамской фирме по выращиванию креветок. Он жил с женой и двумя детьми в ничем не примечательном доме, водил скромную европейскую «ауди» и три месяца в году проводил в Майами, где в гараже у него стоял «гольф». Живи тише – проживешь дольше, любил повторять он. В нашем деле главное – сделать так, чтобы тебе не завидовали, потому что убивает именно зависть.

Эрнесто Самуэльсон представил меня Сесару Бэтмену Гуэмесу в саду своего дома, под тростниковым навесом, держа в одной руке бутылку пива, а в другой – тарелку пережаренного мяса.

– Он сочиняет книжки и пишет для кино, – сказал ему Эрнесто и оставил нас наедине. Голос у Бэтмена Гуэмеса был мягкий, говорил он негромко, делая долгие паузы, за которые изучающе оглядывал меня с головы до ног. За всю жизнь он не прочел ни одной книги, но кино обожал. Мы побеседовали об Аль Пачино (фильм «Лицо со шрамом» был его любимой картиной), о Роберте де Ниро и о том, что эти сукины дети – голливудские режиссеры и сценаристы – никогда не делают своих наркомафиози белокожими и светловолосыми: их всех зовут Санчесами, и все они родом с южного берега Рио-Браво. Упоминание о светловолосых наркомафиози облегчило мне задачу, и я упомянул Блондина Давилу; а пока Бэтмен Гуэмес сквозь стекла своих очков смотрел на меня, молча, очень внимательно, я довершил начатое, произнес имя Тересы Мендоса. Я пишу ее историю, пояснил я, сознавая, что в определенных местах, имея дело с определенным типом людей, лучше говорить правду, ибо ложь непременно взорвется у тебя под подушкой. А Бэтмен Гуэмес настолько опасен, предупредили меня, что, когда он поднимается в горы, койоты разжигают костры, чтобы он к ним не приближался.

– С тех пор прошла чертова уйма времени, – сказал он.

По моим прикидкам, ему еще не было пятидесяти. Очень смуглая кожа, непроницаемое лицо с резкими чертами, характерными для северян. Позже я узнал, что он родом не из Синалоа, а из Аламоса, штат Сонора, – земляк Марии Феликс<sup>15</sup>. Начинал он карьеру, торгуя по мелочи наркотиками и доставляя в Штаты на своем грузовике нелегальных эмигрантов, травку и порошок, а потом мало-помалу выдвинулся: стал сперва перевозчиком товара на службе у Повелителя небес, а впоследствии – хозяином компании по производству трейлеров и еще

---

<sup>15</sup> Мария Феликс (1914–2002) – знаменитая мексиканская киноактриса.

одной, владеющей частными самолетами, которые курсировали с контрабандой между горами, Невадой и Калифорнией, пока американцы не усилили охрану воздушного пространства и не заткнули почти все бреши в своей системе радарного наблюдения. Теперь он почти ни в чем не участвовал, жил более-менее тихо на доходы от денег, вложенных в надежные дела, и от контроля над несколькими горными деревушками почти на границе с Дуранго, жители которых производили для него «смолу». У него было хорошее ранчо в окрестностях Эль-Саладо с четырьмя тысячами голов скота пород «до-бразил», «ангус» и «браво». Кроме того, он выращивал чистокровных скаковых лошадей и бойцовых петухов, приносивших ему кучу денег каждый год в октябре или ноябре, когда во время ярмарки скота устраивались бои.

– Тереса Мендоса, – пробормотал он спустя некоторое время, покачивая головой, будто припомнив нечто забавное. Потом отпил глоток пива, прожевал кусок мяса и снова отпил. И продолжал смотреть на меня сквозь очки – с некоторым лукавством, как бы давая понять, что он не против поговорить о столь давних делах, а риск задавать вопросы в Синалоа взял на себя исключительно я сам. Поговорить о мертвых – не проблема: наркобаллады полны реальных имен и историй. Опасно указывать пальцем на живых – при этом есть шанс, что кто-нибудь по ошибке сочтет тебя болтуном и стукачом. Я, принимая правила игры, глянул на золотой якорь – размерами лишь ненамного меньше якоря «Титаника», – свисавший с толстой блестящей цепи ему на грудь под расстегнутым воротом клетчатой рубашки, и уже без обиняков задал вопрос, который жег мне язык с той минуты, как четыре дня назад, в «Дон Кихоте», Эльмер Мендоса показал мне этого человека. Я сказал то, что должен был сказать, потом поднял глаза и обнаружил, что он продолжает смотреть на меня с тем же выражением, что и прежде. Либо я ему симпатичен, подумал я, либо у меня будут проблемы. Через несколько секунд он отхлебнул пива, все так же глядя на меня. Наверное, все-таки я оказался ему симпатичен, потому что он наконец улыбнулся – чуть-чуть, ни больше ни меньше, чем того требовали обстоятельства.

– Это для кино или для книги? – спросил он. Я ответил, что пока не знаю. Может, и для того, и для другого. Тогда он предложил мне банку пива, открыл еще одну себе и начал рассказывать о предательстве Блондина Давилы.

Он был неплохим парнем, этот Блондин. Храбрый, исполнительный, да и собой хорош. Смахивал на Луиса Мигеля, только поуже в кости и жестче. Одним словом, свой парень. Симпатяга. У Раймундо Давилы Парры деньги особо не задерживались: он тут же спускал все или почти все, что зарабатывал, и не скупился, угощая друзей. Они с Сесаром Бэтменом Гуэмесом не раз встречали рассвет с музыкой, выпивкой и женщинами, отмечая успех очередной операции. Какое-то время они даже были очень близкими друзьями – «братками», как говорят в Синалоа. Блондин был «чикано»<sup>16</sup>, родом из Сан-Антонио, штат Техас. Делом начал заниматься очень рано – возил в Штаты травку, спрятанную в машине; они вместе немало поколеси по Тихуане, Мехикали и Ногалесу, пока «гринго»<sup>17</sup> не засадили его за решетку на своей территории. Потом Блондину просто приспичило летать: он был парень башковитый, к тому же со школьным аттестатом, и пошел в училище гражданской авиации, что находилось тогда на бульваре Сапаты. Летчиком он был классным – лучше всех, заметил Бэтмен Гуэмес, убежденно кивая головой, – не боялся ни бога, ни черта: настоящий сорвиголова. Как раз такие требуются для перевозки контрабанды, секретных взлетов и посадок на крошечных рулежках, спрятанных в горах, или для полетов на минимальной высоте, чтобы не засекли радары Системы Западного полушария, держащей под контролем авиамаршруты между Колумбией и Соединенными Штатами. Его «сессна» казалась продолжением его рук и его отваги: она приземлялась в любой точке и в любой час, и это снискало ему славу, деньги и уважение. Кулья-

<sup>16</sup> Чикано (исп. *chicano*) – американец мексиканского происхождения.

<sup>17</sup> Гринго (исп. *gringo*) – презрительное название иностранцев, главным образом – англичан и американцев.

канские друзья прозвали его – вполне заслуженно – «королем короткой рулежки». Чалино Санчес, который тоже был его другом, обещал ему даже сочинить балладу с таким названием – «Король короткой рулежки». Но Чалино безвременно подстрелили – ведь жизнь в Синалоа весьма вредна для здоровья, особенно если вращаешься в определенных кругах, – и Блондин так и не обзавелся собственной балладой. Как бы то ни было, с балладой или без, а работы ему хватало всегда. Его крестным отцом был дон Эпифанио Варгас, магнат наркомафии, горец-ветеран, крутой нравом, порядочный, с хорошими связями – он владел авиакомпанией «Нортенья де Авиасьон», пилоты которой летали на «сесснах», «пайперах-команчах» и «навахо». Под прикрытием «Нортенья де Авиасьон» Блондин Давила совершал тайные рейсы с двумя-тремя сотнями килограммов травы или порошка на борту, пока не приобщился к великим деяниям золотой поры, когда Амадо Каррильо получил прозвище «Повелитель небес» за то, что организовал крупнейший в истории контрабанды наркотиков воздушный мост между Колумбией, Южной Калифорнией, Синалоа, Сонорой, Чиуауа и Халиско. В те времена миссия Блондина нередко заключалась в том, чтобы маячить пятнышком на экранах радаров – наземных и установленных на самолетах «орион», битком набитых современной техникой слежения и специалистами из обеих стран, США и Мексики. Это официально именовалось миссией отвлечения, но сам он при этом еще и развлекался, водя за нос своих и чужих. Он заработал кучу денег, рискуя своей шкурой денно и нощно, взлетая с пяточков размерами с ладонь, расположенных в самых невероятных местах, и приземляясь на них же, – и все это ради того, чтобы отвлечь внимание охотников от больших «боингов», «каравелл» и «Ди-си-8» (контрабандисты приобретали их в складчину), которые за один рейс перевозили по десять-двенадцать тонн груза – при соучастии полиции, Министерства обороны и даже самых высокопоставленных представителей мексиканского правительства. То были счастливые времена Карлоса Салинаса де Гортари<sup>18</sup>, когда контрабандисты вовсю орудовали в тени Лос-Пиноса; то были счастливые времена и для Блондина Давилы: пустые самолеты, никакой ответственности за груз, потому что его не было, игра в кошки-мышки с противниками, которых не всегда удавалось купить с потрохами. Полеты, где жизнь ставилась на орла или решку, а проигравшего в лучшем случае ожидал долгий срок в американской тюрьме, если его ловили на той стороне.

В те времена Сесар Бэтмен Гуэмес, который, в отличие от Блондина, стоял обеими ногами на земле как в прямом, так и в переносном смысле, начинал подниматься по иерархической лестнице наркомафии Синалоа. Стремясь к независимости от поставщиков Медельина и Кали, мексиканские группы поднимали тарифы, требовали в уплату все большее количество кокаина и сами пускали в оборот колумбийские наркотики, которые прежде только перевозили. Это облегчило восхождение Бэтмена, и после нескольких кровавых разборок, имевших целью передел рынка и сфер влияния (порой участвовавшие в них стороны недосчитывались в общей сложности по двенадцать-пятнадцать человек), а также надлежащей обработки максимального числа полицейских, военных и политиков, включая американских таможенников и сотрудников иммиграционной службы, пакеты с его фирменным знаком – летучей мышью – начали переправляться на трейлерах через Рио-Браво. Он занимался и горной смолой, и порошком, и травкой. Появилась и первая баллада, посвященная ему, которую, как рассказывали, он сам заказал одной северной группе с улицы Франсиско Вильи. Примерно в то же время дон Эпифанио Варгас, тогдашний патрон Блондина Давилы, начинал специализироваться на перспективных наркотиках типа «мефа» и «экстази»: собственные лаборатории в Синалоа и Соноре, а также по ту сторону американской границы. Если гринго хочется летать, говаривал он, мое дело – предоставить им крылышки. Всего за несколько лет, почти без выстрелов и пополнения кладбищ, действуя, можно сказать, в белых перчатках, Варгас сумел стать первым

<sup>18</sup> Карлос Салинас де Гортари (р. 1948) – видный мексиканский политический деятель, президент Мексики в 1988–1994 гг.

мексиканским магнатом, занявшимся такими наркотиками, как эфедрин, который он без проблем ввозил из Индии, Китая и Таиланда, и одним из главных производителей метамфетамина по обе стороны границы. А еще он начал заниматься политикой. Теперь, когда его легальные дела были на виду, а нелегальные – замаскированы под фармацевтическое акционерное общество, располагающее поддержкой государства, кокаин и «Нортенья де Авиясьон» стали дону Эпифанию ни к чему. Так что он продал авиакомпанию Бэтмену Гуэмесу, а вместе с нею сменил хозяина и Блондин Давила, которому хотелось летать еще больше, чем зарабатывать деньги. К тому времени Блондин уже купил двухэтажный домик в квартале Лас-Кинтас, вместо своего старого черного «бронко» водил другой, новенький, и жил с Тересой Мендоса.

Вот так потихоньку все и покатило под уклон. Раймундо Давила Парра не отличался благоразумием: жизни долгой он предпочитал жизнь бурную. Ему было плевать на все, а помимо прочего, его подвел длинный язык. Он болтал направо и налево о том, что уже успел сделать, и о том, что лишь собирался. Лучше пожить пять лет королем, любил повторять он, чем пятьдесят – волком. И вот потихоньку до Бэтмена Гуэмеса начали доходить слухи. Блондин вместе с порученными его заботам грузами перевозил свои, используя полеты для обдывания собственных делишек. Товар ему поставлял бывший полицейский по имени Гуадалупе Парра – известный также как Лупе-Индеец или Индеец Парра, – доводившийся ему двоюродным братом и имевший кое-какие полезные связи. Речь шла главным образом о кокаине, конфискованном полицией, которая, отобрав двадцать пакетов, официально заявляла о пяти, а остальными распоряжалась по своему усмотрению. Это было очень нехорошо, просто паршиво – не то, что полиция вела себя подобным образом, а то, что Блондин организовал собственный бизнес, потому что за свою работу он получал бешеные деньги. Правила есть правила, и крысятничать, особенно в Синалоа и особенно за спиной у хозяев, – самый верный способ обеспечить себе массу проблем.

– Когда живешь против закона, – заметил в тот день Бэтмен Гуэмес, сидя с банкой пива в одной руке и тарелкой жареного мяса в другой, – нужно работать честно.

В общем, все сводилось к следующему: у Блондина был чересчур длинный язык, а его двоюродный братец звезд с неба не хватал. Туповатый и нескладный, Индеец Парра был из тех недотеп, которым закажи грузовик коки, и они пригонят тебе грузовик кока-колы. Он имел долги, каждые полчаса заправлялся кокаином, обожал большие машины, а свою жену и троих детей поселил в роскошном доме, в самой шикарной части квартала Лас-Кинтас. Доллары у него не задерживались – как приходили, так и улетали. И вот в один прекрасный день братья решили обтяпать собственное дельце, и притом весьма крупное: организовать доставку некоего груза, застрявшего у полиции в Эль-Сальто, штат Дуранго, покупателям, ожидавшим его в Обрегоне. Как обычно, Блондин полетел один. По пути в Мехикали, куда он вез четырнадцать жестяных контейнеров якобы свиного сала, каждый из которых был «заряжен» двадцатью килограммами героина, он сделал крюк, чтобы забрать пятьдесят кило белого порошка, аккуратно расфасованного по пластиковым пакетам. Но кое-кто настучал на него, а еще кое-кто решил подрезать ему крылышки.

– А кто был этот второй «кое-кто»?

– Не задавайте глупых вопросов. Кое-кто.

Ловушка ему была подстроена, продолжал Бэтмен Гуэмес, на самой посадочной полосе в шесть часов вечера – точное указание времени пришлось бы в самый раз в балладе, фигурировать в которой так хотелось Блондину и которой так и не сочинил ему покойный Чалино Санчес, – поблизости от места в горах, известного под названием Хребет Дьявола. Длина дорожки была всего триста двенадцать метров; пролетев над ней и не увидев ничего подозрительного, Блондин резко повел свою «Сессну 172R» вниз, до предела выдвинув закрылки – почти вертикально, словно спускался на парашюте, – и уже успел пробежать немного по земле со скоростью сорок узлов, когда заметил спрятанные под деревьями два грузовичка и людей, кото-

рым вовсе ни к чему было там находиться. Поэтому вместо того, чтобы тормозить, он дал газ и рванул вверх. Может, ему бы удалось подняться; потом кто-то рассказывал, что, когда в него начали стрелять, опустошая магазины Р-15 и калашниковых, колеса «сессны» уже оторвались от земли. Но такое количество свинца оказалось чересчур тяжелым балластом, и «сессна» грохнулась в сотне шагов от того места, где кончалась посадочная полоса. Когда добрались до Блондина, он был еще жив в своей искореженной кабине: все лицо в крови, нижняя челюсть раздроблена пулей, из рук и ног торчали обломки костей, хотя он слабо дышал. Ему оставалось совсем немного, но инструкции были убивать его медленно. Поэтому из самолета вытащили наркотики, а потом, как в кино, в стооктановый бензин, вытекавший из пробитого бака, бросили зажженную «зиппо». Фффсссс. Правда, Блондин уже почти ничего не почувствовал.

– Когда живешь против закона, – повторил Сесар Бэтмен Гуэмес, – нет другого выхода, кроме как работать честно.

Последние слова он произнес задумчиво, ставя на стол пустую тарелку. Пощелкал языком, допил пиво и посмотрел на желтую этикетку, где значилось: «Пивоварня „Сервесерия дель Пасифико А/О“». Вся эта история прозвучала в его устах так, будто не имела никакого отношения к нему: просто где-то что-то услышал, кто-то что-то рассказал. Так, словно она всем известна. И я подумал, что, наверное, так оно и есть.

– А что же Тереса Мендоса? – рискнул спросить я.

Он опасливо глянул на меня сквозь очки, спрашивая без слов: что-что? Я напрямую спросил, была ли она замешана в делишках Блондина, и Бэтмен без малейших колебаний ответил, что нет.

– Ни боже мой, – сказал он. – Она в те времена была просто одной из многих – молоденькая, молчаливая. Девчонка контрабандиста. От прочих таких же ее отличало только одно: она не красилась в блондинку и не строила из себя гранд-даму. Ведь женщины здесь, – прибавил он, – обычно занимаются своими делами: парикмахерская, телесериалы, Хуан Габриэль<sup>19</sup> и американская музыка, покупки на три тысячи баксов в «Серчас» и «Коппеле», где их кредит стоит дороже денег. Ну, в общем, вы понимаете. Тихая пристань усталого героя. Наверняка она о чем-то слышала, это ясно. Но к делам своего парня не имела ни малейшего отношения.

– А зачем же тогда было охотиться за ней?

– Ну, это вопрос не ко мне. – Внезапно он опять посерьезнел, и я снова испугался, что он сейчас закончит разговор. Но Бэтмен только пожал плечами. – Здесь есть свои правила, – сказал он. – Их не выбираешь – ты приходишь в дело, а они уже есть. Это вопрос репутации и уважения. Как у акул. Стоит дать слабину или начать кровить, и остальные набрасываются на тебя. Это как заключить договор с жизнью и смертью: столько-то лет живешь сеньором. Что бы там ни говорили, грязные деньги утоляют голод точно так же, как чистые. А кроме того, дают роскошь, музыку, вино и женщин. А потом, довольно скоро, ты умираешь, и земля тебе пухом. Мало кто из контрабандистов доживает до пенсии: естественный выход для них – тюрьма или кладбище. За исключением самых удачливых или самых башковитых, которые умудряются соскочить с поезда вовремя, – как, например, Эпифанио Варгас, который просто переплюнул всех: купил половину Синалоа, перебил вторую половину, потом стал фармацевтом, а теперь вот, пожалуйста, заделался политиком. Но это случай редкий. Здесь народ не доверяет тем, кто, пробыв долго в деле, все еще числится в активе.

– В активе?

– В живых.

Он дал мне три секунды на обдумывание. Потом добавил:

– Те, кто знает, те, кто в деле, говорят... – он сделал ударение на словах «те» и «говорят», – что даже если ты хорошо работаешь и не пытаешься ловчить, относишься к своим обя-

---

<sup>19</sup> Хуан Габриэль (р. 1950) – известный мексиканский эстрадный певец.

занностям серьезно и выполняешь их точно, все равно кончишь плохо. Ты отличаешься, тебя начинают предпочитать другим, ты растешь, и тогда конкуренты за тобой начинают охотиться. Поэтому за любой неверный шаг приходится платить очень дорого. И потом, чем больше людей ты любишь, чем больше их около тебя, тем уязвимее ты становишься. Вот, к примеру, что случилось с другим знаменитым – ему посвящено несколько баллад – блондином, Эктором Пальмой: он в чем-то не поладил со своим прежним партнером, а тот в отместку похитил всю его семью, говорят, помучил их, а в день рождения Эктора прислал ему по почте коробку с головой его жены. Хапибарди ту-ю<sup>20</sup>.

Когда живешь на острие ножа, нельзя позволять себе забывать о правилах. Это правила вынесли приговор Блондину Давиле. А он был хороший парень, слово даю. Отличный мужик, свой. Храбрец, из тех, кто ставит на кон даже свою бессмертную душу и умирает где угодно. Правда, болтал чересчур и зарывался не в меру – ну, я вам говорил, – но тут все такие, даже самые лучшие. Не знаю, понятно ли вам. А что до Тересы Мендоса, то она ведь была его женщиной. Виновата, не виновата, но по правилам тоже должна была получить свое.

Пресвятая Дева. Господи Боже. Маленькая часовня Мальверде была окутана тенями. Только одна лампочка горела над входом, открытым в любое время дня и ночи, да в окна сочился красноватый свет теплившихся перед алтарем свечей. Тереса уже давно пряталась в темноте возле каменной стены, отделявшей пустынную улицу Инсурхентес от железнодорожных путей и канала. Она пыталась молиться, но у нее не получалось: голова была занята другими вещами. Она долго не могла решиться позвонить. Прикидывала так и эдак, что из этого может получиться. Потом пробралась сюда – осторожно, озираясь по сторонам, и вот теперь ждала, спрятав в ладони огонек сигареты. Через полчаса, сказал дон Эпифанио Варгас. Часов у Тересы не было, и она не знала, сколько времени прошло. В желудке сосало, она поспешила загасить сигарету, когда мимо медленно проехала к бульвару Сапаты патрульная машина: два темных силуэта на переднем сиденье, лампочка над входом в часовню слабо – только-только разглядеть – осветила лицо того, что справа. Тереса отступила туда, где темнота была гуще. Дело не только в том, что она вне закона. В Синалоа, как и во всей Мексике, связываться с любым представителем власти, начиная с патрульного полицейского, ищущего, чем бы поживиться, – в застегнутой куртке, чтобы не видели номер его жетона, – и кончая самым высоким начальством, ежемесячно получающим пачку долларов от наркомафии, иногда означало самому лезть в волчью пасть.

Эта бесполезная, обрывающаяся на середине молитва. Пресвятая Дева. Господи Боже. Она начинала уже шесть или семь раз, но так и не добралась до конца. Капелла бандита Мальверде вызвала в ее памяти слишком много воспоминаний, связанных с Блондином Давилой. Может, именно поэтому, когда дон Эпифанио по телефону согласился встретиться с ней, она почти не задумываясь назвала это место. Вначале дон Эпифанио предложил ей подъехать в квартал Чапультепек и встретиться неподалеку от его дома; но для этого ей пришлось бы пересечь весь город и мост через Тамасулу. Слишком рискованно. И хотя она не вдавалась в подробности – сказала только, что находится в бегах и что Блондин велел ей связаться с доном Эпифанио, – он понял, что дело плохо или еще хуже. Попытался успокоить ее: не волнуйся, Тересита, мы увидимся, не дергайся и оставайся там, где ты сейчас. Спрячься и скажи мне где. Он всегда называл ее Тереситой, когда встречал их с Блондином на набережной, в ресторанах на пляжах Альтаты, на какой-нибудь вечеринке или в Лос-Аркосе, когда по воскресеньям они лакомились там фаршированными моллюсками и севиче<sup>21</sup> из креветок. Он называл ее Тереситой и целовал в щеку и даже как-то познакомил ее со своей женой и детьми. Хотя

<sup>20</sup> *Искаж.* англ. «Happy birthday to you» – с днем рождения.

<sup>21</sup> *Севиче* (исп. ceviche) – рыба или морепродукты, замаринованные в лимонном соке с рубленым луком и перцем чили.

дон Эпифанио был человеком умным и могущественным и денег у него было столько, сколько Блондин не заработал бы за всю жизнь, он всегда был любезен с ним и продолжал звать его своим крестником, как в старые времена; а однажды, на Рождество – первое Рождество Тересы в качестве невесты, – дон Эпифанио даже подарил ей цветы и колумбийский изумрудик, очень красивый, на золотой цепочке, а еще пачку долларов, десять тысяч, чтобы она подарила что-нибудь своему мужчине, устроила ему какой-нибудь сюрприз, а на остальное купила бы себе что захочет. Вот поэтому Тереса и позвонила ему в тот вечер, и хранила для него записную книжку Блондина, которая так и жгла ее, и тихо ждала его в темноте, в нескольких шагах от часовни Мальверде. Пресвятая Дева, Господи Боже. Потому что ты можешь довериться только дону Эпи, говорил Блондин. Он порядочный человек и настоящий кабалеро, он был хорошим хозяином, а кроме того, он мой крестный. Проклятый Блондин. Он говорил все это до того, как пошел ко всем чертям, и позвонил тот телефон, которому лучше бы никогда не звонить, и она оказалась в том положении, в котором оказалась. Чтоб ты горел в аду, подумала она. Скотина. За то, что бросил меня в пекло. Теперь она знала, что нельзя доверять никому – даже дону Эпифанио. Поэтому назвала ему именно это место – почти не размышляя, хотя на самом деле где-то в глубине тщательно обдумав. Часовня была местом спокойным, Тереса могла пробраться туда, прячась среди вагонов на путях вдоль берега канала, и следить за улицей и с одной, и с другой стороны, на случай, если человек, называвший ее Тереситой и подаривший ей на Рождество изумруд и десять тысяч долларов, явится не один, или Блондин ошибся в расчетах, или у нее сдадут нервы, и – в лучшем случае, если сможет – она снова бросится бежать.

Она подавила желание зажечь другую сигарету. Пресвятая Дева. Господи Боже. В окнах, озаряя внутренность часовни, мерцали свечи. Святой Мальверде в своей земной жизни был Хесусом Мальверде, добрым разбойником, который грабил богатых, как говорили, чтобы помогать беднякам. Священники и власти никогда не признавали его святым; но священники и власти были совершенно без понятия, и народ сам причислил его к лику святых. После казни правительство распорядилось, чтобы тело бандита не предавали земле – и кара, и назидание; но люди, проходившие мимо, клали по камешку, всего по одному, чтобы не становиться ослушниками, и он таким образом в конце концов оказался похоронен по-христиански, а уж потом появилась часовня и все остальное. В Кульякане, да и во всем Синалоа, Мальверде был популярнее и считался большим чудотворцем, чем сам Господь Бог и Пресвятая Дева Гуадалупская<sup>22</sup>.

В часовне было полно табличек и экс-вото<sup>23</sup>, повешенных в благодарность за совершенные чудеса: прядка детских волос – за благополучные роды, заспиртованные креветки – за удачный выход в море, фотографии, картинки. Но главное – святой Мальверде был покровителем местных наркомафии, которые приходили к нему, чтобы препоручить себя его заботам или отблагодарить после каждого благополучного возвращения и каждой успешной сделки, с дарами и табличками, выбитыми на металле или написанными от руки. На стене рядом с изображением святого – смуглого, усатого, одетого в белое, с элегантным черным платком на шее – можно было прочесть: «Спасибо защитник что вытащил миня ис тюрьмы» или «Спосибо за што ты сам знаеш». Самые крутые, самые жестокие преступники равнин и гор носили с собой его образки на поясных ремнях, в ладанках на груди, прищипленными к бейсболкам, подвешенными в автомобилях, произносили его имя, осеняя себя крестным знаменем, и многие матери приходили в часовню помолиться, когда их сыновья отправлялись в свою первую «командировку», или в тюрьму, или же попадали в какую-нибудь неприятную историю. Некоторые киллеры приделывали образок Мальверде к рукоятке своего пистолета или прикладу

<sup>22</sup> Пресвятая Дева Гуадалупская считается покровительницей Мексики.

<sup>23</sup> *Экс-вото* (лат. *ex voto*) – подношение Господу, Деве Марии или кому-то из святых в знак просьбы об исполнении какого-либо желания или благодарности за него.

калашников. И даже Блондин Давила, утверждавший, что в такое не верит, держал на приборной доске своего самолета образок, оправленный в кожу, а внизу было написано: «Да благословит Господь мой путь и поможет мне вернутца». Таким, вместе с орфографической ошибкой, Тереса купила его в часовне. Поначалу долгое время она приходила туда украдкой, чтобы зажечь свечу, когда Блондин по несколько дней не появлялся дома. Она делала это, пока он не узнал, а узнав, не запретил. Все это идиотские суеверия, смугляночка моя. Я не хочу, чтобы моя женщина выставляла себя на посмешище. Однако в тот день, когда она принесла ему фотографию с молитвой, он не сказал ничего, даже не стал подтрунивать, а взял ее и прикрепил на панель управления «сессны».

Когда огни фар, скользнув по стенам часовни двумя длинными молниями, погасли, Тереса уже держала подъехавшую машину на прицеле «дабл-игла». Ей было страшно, но страх не мешал ей взвешивать все за и против, прикидывая, в каком облике может явиться перед ней опасность. Те, кто некогда поставил ее работать менялой напротив рынка Буэльна, еще тогда обнаружили, что у нее просто золотая голова для всякого рода расчетов:  $A + B$  равняется  $X$ , плюс  $Z$  вероятностей в ту и другую сторону, умножение, деление, сложение и вычитание. А тут она вновь оказалась лицом к лицу с Ситуацией. Прошло как минимум пять часов с телефонного звонка в квартале Лас-Кинтас, и пара часов – с выстрела в лицо Коту Фьерросу. Отдав ужасу и растерянности дань, ее разум и все инстинкты теперь нацелились на выполнение одной-единственной задачи: не дать ей погибнуть. Поэтому ее рука не дрожала. Поэтому ей хотелось молиться, но из этого ничего не получалось; однако она помнила абсолютно точно, что расстреляла пять патронов, у нее остается еще один в патроннике и десять в магазине, отдача «дабл-игла» чересчур сильна для нее и потому в следующий раз нужно целиться чуть ниже, если не хочет промазать, а левая рука должна находиться не под рукояткой пистолета, как в кино, а поверх правого запястья, фиксируя его при каждом выстреле. То был ее последний шанс, и она это знала. Ее сердце должно биться медленно, кровь – спокойно струиться по жилам, а чувства – не притупляться: от этого зависит, будет она жить или через час валяться на земле бездыханной. Поэтому она дважды на скорую руку заправила кокаином из лежавшего в сумке пакета. Поэтому же, когда подкатил белый «субурбан», она инстинктивно отвела глаза от света, чтобы не ослепнуть; и вот теперь смотрела поверх пистолета, держа палец на спусковом крючке, сдерживая дыхание, – если что-то пойдет не так, она уловит первый признак этого. Готовая выстрелить в любого.

Лязгнула открывающаяся дверца. Тереса перестала дышать. Один, другой, третий. Черт побери. Возле машины – три мужских силуэта, подсвеченных уличными фонарями. Выбрать. Ей казалось, что она в стороне от таких вещей, они ее не касаются, пока кто-то берет все на себя. Ты не тревожься, смугляночка моя, – таков был принцип. Ты, главное, люби меня, а остальное – мое дело. Так было хорошо и удобно. Проснуться среди ночи и услышать спокойное дыхание Мужчины – от этого возникала обманчивая уверенность. Даже страха тогда не было, ибо страх порождается воображением, а у них с Блондином были только счастливые часы, струившиеся подобно красивой песне или тихой воде. И так легко было попасться в эту ловушку: его смех, когда он обнимал ее, его губы, скользящие по ее коже, его рот, шепчущий нежные или бесстыдные слова там, внизу, между ее бедер, так близко и так глубоко, будто собираясь остаться там навсегда... Она знала, что, если ей суждено прожить достаточно долго для того, чтобы забыть, этот рот она забудет последним. Но никто не остается в этом мире навсегда. Никто не в безопасности, и всякая уверенность опасна. В один прекрасный день просыпаешься и понимаешь, что вычленив себя из жизни невозможно; существование – путь, который надо пройти, а идти означает беспрестанно делать выбор. Либо то, либо другое. С кем жить, кого любить, кого убить. Кому убить тебя. Каждый, желает он этого или нет, проходит собственный путь. Ситуация. В итоге все сводится к выбору. Мгновение поколебавшись, она

навела пистолет на самый крупный из трех мужских силуэтов. В него было легче всего попасть, а кроме того, это был главный.

– Тересита, – позвал дон Эпифанио Варгас.

Голос, такой знакомый, что-то шевельнул в ее душе. Она почувствовала, как слезы – она была слишком молода и думала, что их уже никогда больше не будет, – застилают ей глаза. Неожиданно Тереса потеряла всю свою твердость, сделалась совсем хрупкой; попыталась было разобраться почему, а пока разбиралась, время ушло, и она уже не могла противиться. Дура, мысленно обругала она себя. Проклятая тупица, идиотка. Если что-то сейчас пойдет не так, ты пропала. Далекие огни улицы рвались у нее перед глазами, все слилось в сплошное месиво жидких отблесков и теней. Внезапно ей стало некуда целиться. Поэтому она опустила пистолет. Из-за одной слезы, подумала она, смиряясь. Теперь они могут убить меня из-за одной-единственной распроклятой слезинки.

– Плохие времена.

Дон Эпифанио Варгас затянулся гаванской сигарой и долго задумчиво смотрел на ее тлеющий кончик. В полумраке часовни зажженные свечи и лампадки освещали его профиль – отчетливо выраженные индейские черты, зачесанные назад густые, очень черные волосы, американские усики; его облик всегда напоминал Тересе Эмилио Фернандеса или Педро Армendarиса в старых мексиканских фильмах, которые показывали по телевизору. Ему было, должно быть, за пятьдесят: большой, широкий, с огромными ручищами. В левой он держал сигару, в правой – записную книжку Блондина.

– Прежде, по крайней мере, мы имели уважение к детям и женщинам.

Он грустно покачал головой, вспоминая. Тереса знала, что это его «прежде» относится к тем временам, когда Эпифанио Варгас, молодой крестьянский парень из Сантьяго-де-лос-Кабальерос, вдосталь наголодавшись, сменил упряжку волов и клочок земли, засаженный кукурузой и фасолью, на кусты марихуаны: вытряхивал из нее семена, продавал травку, рискуя собственной жизнью и отнимая ее у кого мог, и в конце концов, спустившись с гор на равнину, осел в Тьерра-Бланка. Когда контрабандисты из Синалоа начали отправлять на север вместе с брикетами марихуаны первые пакетики с белым порошком, прибывавшие по морю и по воздуху из Колумбии. Для людей поколения дона Эпифанио – тех, кто в свое время переплывали Рио-Браво с мешками на спине, а теперь жили в роскошных усадьбах Чапультепека, и дети их ездили в школы на собственных машинах или учились в американских университетах, – то было далекое время великих приключений, великого риска и великих состояний, нажитых в одночасье на удачной операции, хорошем урожае или благополучно доставленном грузе. Годы опасности и денег, вехи жизни, которая в горах никогда бы не перестала быть нищенской. Жизнь бурная, напряженная – и зачастую короткая, потому что лишь самым выносливым и жестоким удавалось выжить, утвердиться и застолбить свой участок в крупных наркокартелях. Годы, когда все только складывалось. Когда никто не занимал места под солнцем, не оттолкнув других, а за ошибку или неудачу расплачивался наличными. А монетой служила жизнь. Ни больше ни меньше.

– Они приходили и к Индейцу Парре, – сказал дон Эпифанио. – Об этом недавно говорили в новостях. Жена и трое детишек... – Тлеющий кончик сигары ярко вспыхнул, когда он снова затянулся. – Самого Индейца обнаружили у дверей дома – в багажнике его «сильверадо».

Дон Эпифанио сидел рядом с Тересой на скамеечке, справа от маленького алтаря. Когда он качал головой, пламя свечей отражалось лаковыми отблесками в его густых, тщательно зачесанных назад волосах. Годы, прошедшие с тех пор, как он спустился с горных склонов, отшлифовали его внешность и манеры; однако под костюмами, шитыми на заказ, галстуками, которые ему доставляли из Италии, и шелковыми рубашками, стоившими по пять сотен долларов каждая, он оставался все тем же сыном Синалоа, крестьянином, сошедшим с гор. И не только по своему пристрастию к деталям северного наряда – остроносые сапогам, расшитому ремню

с серебряной пряжкой, золотому «сентенарио»<sup>24</sup> на цепочке для ключей, – но также, и прежде всего, по взгляду, временами бесстрастному, временами недоверчивому или терпеливому – взгляду человека, которого век за веком, поколение за поколением град или засуха заставляли снова и снова начинать все с нуля.

– Похоже, Индейца прихватили утром и разговаривали с ним целый день... По радио сказали, что они зря времени не теряли.

Тересе не составило труда представить себе все это: руки, связанные проволокой, сигареты, опасные бритвы. Вопли Индейца Парры, заглушенные пластиковым пакетом или куском пластыря размером с ладонь, в каком-нибудь подвале или складе, прежде чем с ним покончили и занялись его семьей. Может, сам Индеец в конце концов и сдал Блондина Давилу. Или свою собственную плоть и кровь. Тереса хорошо знала Индейца, его жену Бренду и троих детишек. Двух мальчиков и девочку. Она вспомнила, как прошлым летом они играли и резвились на пляже в Альтате: их смуглые, нагретые солнцем тельца, укрытые махровыми полотенцами, когда малыши на обратном пути засыпали на заднем сиденье того самого «сильверадо», в котором теперь нашли останки их отца. Бренда была маленькая, говорливая, с красивыми карими глазами, на правой щиколотке всегда носила золотую цепочку с инициалами своего мужчины. Тереса и Бренда много раз ходили вместе по кульяканским магазинам: узенькие кожаные брючки, расписные ногти, высокие каблуки, джинсы «Гесс», «Калвин Кляйн», «Каролина Эррера»... Интересно, подумала она, кого послали к Индейцу – Кота Фьерроса и Потемкина Гальвеса или других убийц на жалованье? Послали прежде, чем к ней, или потом? Кого убили сначала – Бренду или детей? Прикончили их быстро или, как с Индейцем, постарались продлить себе удовольствие? Черт бы побрал этих скотов, этих сволочей – мужчин. Она задержала воздух в легких и выдыхала его маленькими порциями, чтобы дон Эпифанио не заметил рыданий. Потом мысленно прокляла Индейца Парру, а следом за ним – и еще ожесточеннее – Блондина. Индеец был храбр, как многие из тех, кто убивает или занимается контрабандой, но храбр только от неведения, ибо мыслить он не умел. Нарывался на неприятности по собственной глупости, совершенно не думая о том, что подвергает риску не только самого себя, но и всю семью. Блондин же, в отличие от своего двоюродного брата, был умен, ловок и хитер. Он хорошо знал, чем рискует и что случится с ней, если он попадется, но ему было плевать. Эта проклятая записная книжка. Не вздумай ее читать, сказал он. Отнеси ему, а сама не читай. Будь ты проклят, снова пробормотала она. Будь ты трижды проклят, Блондин. Мерзавец.

– Что случилось? – спросила она.

Дон Эпифанио пожал плечами:

– Случилось то, что должно было случиться.

Он смотрел на телохранителя, стоявшего в дверях с калашниковым в руке, безмолвного, словно тень или призрак. То, что он, дон Эпифанио, сменил наркотики на фармацевтическую фирму и политику, не исключало обычных мер предосторожности. Еще один охранник, также вооруженный, находился снаружи. Они дали ночному сторожу часовни две сотни песо, чтобы он ушел. Дон Эпифанио взглянул на сумку, стоявшую на полу, между босыми ногами Тересы, потом на «дабл-игл» у нее на коленях.

– Твой парень уже давно дразнил гусей. Это был только вопрос времени.

– Он правда погиб?

– Конечно правда. С ним разделались там, в горах... Не солдаты, не федералы, точно не они. Это были ребята из своих.

– Кто?

---

<sup>24</sup> *Сентенарио* (исп. *centenario* – дословно: столетие) – мексиканская золотая монета, выпущенная в 1916 г. к столетию войны за независимость от Испании (1810–1821) и находившаяся в обращении вплоть до 1930 г. Наркомафии любят носить такие монеты на шее или как украшение.

– Да какая разница кто? Ты же знаешь, какими делишками занимался твой Блондин. Совал свои карты в чужую колоду. Вот в конце концов кто-то и стукнул на него.

Огонек сигары снова вспыхнул. Дон Эпифанио раскрыл записную книжку. Приблизив ее к пламени свечей, он наугад перелистывал страницы.

– Ты читала, что тут?

– Я просто принесла ее вам, как он велел. Я ничего в этом не понимаю.

Дон Эпифанио кивнул, думая о своем. Ему явно было неуютно.

– Бедняга Блондин сам себе вырыл эту яму, – наконец проговорил он.

Теперь она смотрела перед собой, туда, где в сумраке висели экс-воты и засохшие цветы.

– Какой там, к черту, бедняга! Этот мерзавец даже не подумал обо мне.

Ей удалось произнести это без дрожи в голосе. Не оборачиваясь, она почувствовала, что дон Эпифанио повернулся и смотрит на нее.

– Тебе повезло, – услышала она. – Ты пока жива.

Некоторое время он продолжал сидеть неподвижно. Изучая ее. Аромат гаванской сигары смешивался с запахом свечей и ладана, дымящегося в курильнице рядом с бюстом святого разбойника.

– Что ты собираешься делать? – спросил он наконец.

– Не знаю, – в свою очередь пожала плечами Тереса. – Блондин говорил, что вы мне поможете. Отдай ему книжку и попроси помочь тебе. Так он сказал.

– Твой Блондин всегда был оптимистом.

Пустота в желудке стала еще глубже. Душный дымок свечей, потрескивание огоньков перед Мальверде. Жарко и сыро. Внезапно ее охватило невыносимое разочарование. Ей захотелось вскочить, ударом загасить свечи и выскочить на улицу, глотнуть свежего воздуха. И вновь броситься бежать, если ей это еще позволят. Но, снова посмотрев перед собой, она увидела: та, другая Тереса Мендоса сидит напротив, в упор глядя на нее. А может, это она сама сидела там, молча глядя на испуганную женщину, съжившуюся на скамейке рядом с доном Эпифанио, и на коленях у нее – бесполезный пистолет.

– Он очень любил вас, – услышала она собственный голос.

Дон Эпифанио поерзал на скамейке. Порядочный человек – так всегда говорил о нем Блондин. Хороший хозяин, справедливый и с понятиями. Другого такого у меня не было.

– И я его любил. – Дон Эпифанио произнес это тихо, словно боясь, что телохранитель у двери услышит, как он ударился в сантименты. – И тебя тоже... Но этими своими выходками он подвел тебя под монастырь.

– Мне нужна помощь.

– Я не могу в это вмешиваться.

– У вас много власти.

Он досадливо и нетерпеливо пощелкал языком. А потом объяснил – почти шепотом, все время исподтишка поглядывая на охранника: в этом деле власть – вещь относительная, эфемерная и подчинена сложным правилам. И, подчеркнул дон Эпифанио, он сохраняет приобретенную власть потому, что не роет там, где не надо. Блондин больше не работает на него; это дело его нынешних боссов. А эти люди карают всех одинаково.

– Лично против тебя, Тересита, они ничего не имеют. Ты же их знаешь. Но они делают свои дела вот таким образом... Они должны подавать пример.

– Но вы могли бы поговорить с ними. Сказать им, что я ничего не знаю.

– Да им и так отлично известно, что ты ничего не знаешь. Проблема не в том... Я не могу вмешиваться в это. В наших краях тому, кто просит взаймы сегодня, завтра приходится расплачиваться.

Теперь он смотрел на «дабл-игл», который она держала на коленях, небрежно положив руку на рукоятку. Он знал, что Блондин давно научил ее стрелять – научил так, что она выби-

вала шесть из шести жестянок из-под пива «Пасифико», одну за другой, с десяти шагов. Блондин всегда любил «Пасифико» и боевых женщин, хотя Тереса терпеть не могла пива и пугалась каждого пистолетного выстрела.

– А кроме того, – продолжал дон Эпифанио, – то, что ты мне рассказала, еще больше осложняет ситуацию. Не могут же они позволить, чтобы ухлопали их человека, и тем более кто – женщина!.. Да над ними будет смеяться весь Синалоа.

Тереса посмотрела в его темные бесстрастные глаза. Встретила жесткий взгляд индейца-северянина. Взгляд того, кому удалось выжить.

– Я не могу вмешиваться в это, – снова услышала она.

И дон Эпифанио встал. Ничего не вышло, подумала она. Это конец всему. Пустота в желудке стала огромной, охватила собой ночь, подкарауливавшую снаружи, как неизбежность. Тереса сдалась, однако женщина, наблюдавшая за ней из полумрака, сдаваться не захотела.

– Блондин сказал, что вы мне поможете, – упрямо повторила она, будто самой себе. – Отнеси ему книжку и отдай – в обмен на твою жизнь. Так он сказал.

– Твой парень слишком любил пошутить.

– Не знаю. В этом я ничего не понимаю. Но я знаю то, что он мне сказал.

Это прозвучало скорее жалобой, чем мольбой. Неприкрытой, очень горькой жалобой. Или упреком. Произнеся эти слова, она мгновение помолчала, затем подняла голову, как обесилевший преступник в ожидании приговора. Дон Эпифанио стоял перед ней – он казался еще крупнее и массивнее, чем обычно. Его пальцы постукивали по записной книжке Блондина.

– Тересита.

– Да.

Он продолжал постукивать пальцами по книжке. Тереса увидела, как он перевел взгляд на образ святого, затем на телохранителя у двери и опять на нее. А потом снова на пистолет.

– Ты точно ничего не читала?

– Клянусь вам. А что я должна была читать?

Наступило молчание. Долгое, как агония, подумала она. В тишине было слышно, как потрескивают фитили свечей на алтаре.

– У тебя есть только одна возможность, – проговорил он наконец.

Она уцепилась за эти слова мгновенно ожившим, точно после пары доз кокаина, мозгом. Та, другая женщина исчезла в темноте. Это снова была она, Тереса. А может, наоборот.

– Мне хватит и одной, – сказала она.

– У тебя есть паспорт?

– Да. С американской визой.

– А деньги?

– Двадцать тысяч долларов и немного в песо. – Охваченная полыхнувшей надеждой, она распахнула стоявшую у ног сумку. – Вот... И еще пакет порошка – унций десять-двенадцать.

– Порошок оставь. Там опасно таскать это с собой... Машину водить умеешь?

– Нет. – Это она сказала, уже встав и внимательно, в упор глядя на него. Сейчас вся она была сосредоточена на одном: остаться в живых. – У меня даже прав нет.

– Сомневаюсь, что ты сумеешь перебраться на ту сторону. Тебя засекут на границе, да и там, среди гринго, ты не будешь в безопасности... Тебе лучше всего уехать прямо сейчас, этой же ночью. Я могу дать тебе машину с надежным водителем... Это я могу. И еще сказать ему, чтобы отвез тебя в столицу. А там сядешь на первый же самолет.

– Куда?

– Мне наплевать куда. Но если захочешь отправиться в Испанию, там у меня есть друзья. Люди, которые мне кое-чем обязаны... Если завтра, перед тем как сесть в самолет, ты позволишь мне, я смогу назвать тебе одно имя и номер телефона. Потом будешь выкручиваться сама.

– Других возможностей нет?

– Нет. Да и тут, знаешь ли, как сложится: либо выберешься, либо пропадешь.

Тереса пошарила глазами в сумраке. Она была совершенно одна. Сейчас никто не решал за нее. Но она все еще была жива.

– Мне нужно ехать, – нетерпеливо произнес дон Эпифанио. – Давай, решай что-нибудь.

– Я уже решила. Я сделаю, как вы велели.

– Хорошо. – Дон Эпифанио проследил взглядом, как она поставила пистолет на предохранитель и сунула его за пояс, между джинсами и кожей. Потом надела куртку. – И помни одно: даже там ты не будешь в безопасности. У меня есть друзья, но и у этих ребят тоже. Так что постарайся зарыться как можно глубже, чтобы тебя не нашли.

Тереса снова кивнула. Вынув из сумки пакет с кокаином, она положила его на алтарь под изображением Мальверде. И зажгла свечку. Пресвятая Дева, быстренько помолилась она про себя. Господи Боже. *Да благословит Господь мой путь и поможет мне вернуться.* И перекрестилась – почти украдкой.

– Мне правда жаль Блондина, – сказал у нее за спиной дон Эпифанио. – Он был хорошим парнем.

Услышав это, Тереса обернулась. Теперь голова у нее была до того ясной и спокойной, что даже в горле пересохло, и она ощущала медленное течение крови в своих жилах – каждый толчок. Она вскинула сумку на плечо и улыбнулась впервые за весь этот день. Улыбка передернула ей рот, как неожиданная нервная судорога. Эта улыбка – или что бы то ни было, – наверное, выглядела странно: дон Эпифанио взглянул на нее с некоторым удивлением, и обычно бесстрастное лицо вдруг отразило его мысли. Тересита Мендоса. Гм... Девчонка Блондина. Подружка контрабандиста наркотиков. Девушка, каких тысячи, – не слишком разговорчивая, не слишком смышленная, не слишком красивая. И все же несколько секунд он смотрел на нее задумчиво, изучающе, даже с некоторой опаской, и очень внимательно, словно вдруг увидел перед собой совершенно незнакомую женщину.

– Нет, – сказала она. – Блондин не был хорошим парнем. Он был самым настоящим сукиным сыном.

### 3

## Когда пройдут года

– Она была никто, – сказал Маноло Сеспедес.

– Как это? Объясни.

– Я уже объяснил. – Мой собеседник вытянул в мою сторону два пальца с зажатой в них сигаретой. – Никто – это и значит: никто. Просто пария. Она появилась здесь в чем была, как человек, который хочет забиться в щелочку... Все сложилось именно так, а не иначе, по чистой случайности.

– Но ведь при ней было и еще кое-что. Ее ум.

– Ну и что?... Я знавал многих умных девушек, которые в конце концов стали уличными проститутками.

Он обвел глазами улицу, словно в поисках наглядного примера. Мы сидели под навесом террасы кофейни «Калифорния» в Мелилье<sup>25</sup>. Африканское солнце, стоящее в зените, окрашивало желтым модернистские фасады проспекта Хуана Карлоса I. Было время аперитива; тротуары и террасы кишмя кишели гуляющими, бездельниками, продавцами лотерейных билетов и чистильщиками ботинок. Европейская одежда смешивалась с мавританскими<sup>26</sup> хиджабами и галабейями, подчеркивая, что это пограничная территория на стыке двух континентов и нескольких культур. Поодаль, возле площади Испании и памятника погибшим в колониальной войне 1821 года – бронзовой фигуры молодого солдата, обращенной лицом в сторону Марокко, – виднелись кроны пальм: сказывалась близость Средиземного моря.

– Тогда я не знал ее, – продолжал Сеспедес. – На самом деле я ее даже не помню. Только лицо за стойкой в «Джамиле», больше ничего. Да в общем-то, не помню и лица. Лишь намного позже – что-то услышал тут, что-то там – в конце концов начал соотносить ее с той, другой Тересой Мендоса... Я же тебе сказал: в то время она была ровным счетом никто.

Бывший комиссар полиции, бывший начальник службы безопасности Ла-Монклоа, бывший правительственный уполномоченный в Мелилье: волею судеб и жизни Маноло Сеспедес успел перебывать всеми; однако точно так же он мог быть и закаленным в боях на арене мудрым тореро, насмешником-цыганом, берберским пиратом или хитрым дипломатом-рифом<sup>27</sup>. Это был старый лис, смуглый, худой, как легионер-анахист, опытный, умный и изворотливый. Мы с ним познакомились пару десятков лет назад, когда вспыхнули ожесточенные стычки между европейской и мусульманской общинами, выведшие Мелилью на первые полосы газет, для которых я писал, зарабатывая себе на жизнь. Сеспедес, уроженец Мелильи и высший представитель гражданских властей в североафриканском анклав, уже в те времена знал всех и вся: он ходил пропустить стаканчик в офицерский бар Иностранного легиона, контролировал весьма эффективную сеть информаторов по обе стороны границы, ужинал с губернатором Надора<sup>28</sup>, и на жалованье у него состояли как уличные нищие, так и служащие марокканской Королевской жандармерии. Тогда и началась наша дружба: долгие беседы, барашек с арабскими приправами, джин с тоником – нередко до самого рассвета. Сегодня угощаешь ты, завтра – я. Теперь,

---

<sup>25</sup> *Мелилья* – город на средиземноморском побережье Северной Африки. С 1496 г. принадлежит Испании (считается частью провинции Малага), управляется мэром. Испанские власти представлены правительственным уполномоченным, несущим ответственность перед Министерством внутренних дел Испании. Марокко считает Мелилью своей территорией и требует ее возвращения.

<sup>26</sup> Маврами в Испании традиционно называют арабов.

<sup>27</sup> *Рифы* – один из народов, относящихся к берберам, коренному населению Северной Африки. Значительная часть их сосредоточена в Эр-Рифе – горном регионе на средиземноморском побережье Марокко.

<sup>28</sup> *Надор* – город и провинция в северной части Марокко.

уйдя в отставку со своего официального поста, Сеспедес скучно и мирно старел, деля время между местными политическими делами, женой, детьми и полуденными аперитивами. Мой приезд внес приятное разнообразие в его давно отлаженную, размеренную жизнь.

– Я же говорю тебе: все сложилось именно так по чистой случайности, – настаивал он. –

А ее случайность именовалась Сантьяго Фистерра.

Моя рука со стаканом замерла на полпути ко рту.

– Сантьяго Лопес Фистерра?

– Ясное дело. – Сеспедес посасывал сигарету, оценивая степень моей заинтересованности. – Галисиец.

Я медленно выдохнул, отхлебнул немного и откинулся на спинку стула: меня накрыло удовлетворением, какое бывает у охотника, вновь напавшего на потерянный было след. Сеспедес же усмехался, мысленно прикидывая, что ему сулит данная ситуация в свете нашего старинного принципа «сегодня угощаешь ты, завтра – я». Именно это имя привело меня сюда в надежде пролить свет на некий темный период биографии Тересы Мендоса. До этого дня на террасе кофейни «Калифорния» у меня имелись только сомнительные свидетельства и предположения. Могло случиться то-то. Говорят, произошло то-то. Такому-то сказали, такой-то вроде бы знает. Слухи. А из всего остального, конкретного, в архивах иммиграционной службы Министерства внутренних дел фигурировала только дата въезда в страну – самолетом авиакомпании «Иберия» через мадридский аэропорт Барахас, под своим подлинным именем: Тереса Мендоса Чавес. Потом официальный след практически терялся на два года – пока полицейская учетная карточка за номером 8653690FA/42, с отпечатками пальцев и двумя фотографиями – анфас и в профиль, – не завершила этап ее жизни, который я намеревался восстановить, и не позволила в дальнейшем лучше отслеживать ее передвижения. Карточка была старая, картонная – такие были в ходу, пока испанская полиция не компьютеризировалась. Я видел ее неделю назад в участке Альхесираса благодаря хлопотам еще одного старинного приятеля – Пеппе Кабреры, верховного комиссара Торремолиноса. Среди скудной информации на обратной стороне я обнаружил два имени – человека и города. Человека звали Сантьяго Лопес Фистерра. Город назывался Мелилья.

В тот вечер у нас было две встречи. Одна – краткая, печальная и почти бесполезная, хотя благодаря ей мне удалось присовокупить к списку действующих лиц этой истории одно имя и одно лицо. Напротив яхт-клуба у подножия средневековых стен старого города Сеспедес показал мне тощего человека с редкими седоватыми волосами, который за несколько монет присматривал за машинами. Он сидел на пристани возле кнехта, глядя на грязную воду вниз. Издали я принял его за старика, побитого временем и жизнью, однако, подойдя, понял, что ему, пожалуй, нет еще и сорока. На нем были старые залатанные брюки, неожиданно чистая белая майка и невообразимо грязные кроссовки. Ни солнце, ни работа на свежем воздухе не могли скрыть блеклого, сероватого цвета его кожи – старческой, покрытой пятнами и глубоко запавшей на висках. У него не хватало половины зубов, и он напомнил мне те отбросы, что выкидывает морской прибой на пляжи и причалы.

– Его зовут Вейга, – сообщил мне Сеспедес на ходу. – И он знал Тересу Мендоса. – Не обернувшись, чтобы посмотреть на мою реакцию, он сказал: – Привет, Вейга, как дела? – а потом дал ему сигарету и огонька.

Не было ни взаимных представлений, ни каких-либо комментариев; мы стояли, молча глядя на воду, на рыбацьи суда у пристани, на старый причал для погрузки железной руды на той стороне внутренней гавани и уродливые башни-близнецы, построенные в ознаменование пятой годовщины завоевания города испанцами. На руках и плечах Вейги я увидел струпья и шрамы. Чтобы прикурить, он неуклюже поднялся, неразборчиво шамкая слова благодарности. От него пахло прокисшим вином и затхлой нищетой. Он прихрамывал.

– Порасспроси его, если хочешь, – сказал наконец Сеспедес.

После секундного колебания я произнес имя Тересы Мендоса, однако не уловил в лице этого человека никаких признаков того, что он его узнал или вспомнил. Не больше мне повезло и с именем Сантьяго Фистерры. Вейга – или то, что от него оставалось, – снова смотрел на маслянистую воду у причала.

– Постарайся вспомнить, парень, – сказал ему Сеспедес. – Это мой друг, и он пришел с тобой побеседовать. Только не говори, что не помнишь Тересу Мендоса и своего приятеля. Не делай мне такой гадости. Ладно?..

Но тот не отвечал. Все последующие увещания Сеспедеса также не возымели никакого результата: Вейга лишь почесал себе руки и посмотрел на нас – наполовину растерянно, наполовину равнодушно. И этот мутный взгляд издалека, зрачками, расширенными настолько, что не видно радужки, казалось, скользил по людям и предметам, глядя на них оттуда, откуда нет дороги назад.

– Он тоже галисиец, – сказал Сеспедес, когда мы отошли. – Матрос Сантьяго Фистерры... Девять лет в марокканской тюрьме – поэтому он стал таким.

Когда уже темнело, у меня состоялось еще одно знакомство. Этого человека – Сеспедес представил мне его как Дриса Ларби – мы встретили в районе ипподрома, напротив «Джамилы», одного из трех ночных заведений, которыми он владел в городе (об этом и кое о чем еще я узнал позже), когда он выходил из роскошного двухместного «мерседеса».

– Мой друг Дрис, – сказал Сеспедес, хлопая его по спине, и я оказался лицом к лицу с рифом – полноправным подданным Испании, говорившим на чистейшем кастильском наречии<sup>29</sup>. Среднего роста, очень курчавые черные волосы, тщательно подстриженная борода. Руки из тех, что пожимают твою осторожно, проверяя, что у тебя в ней. – Мой друг Дрис, – повторил Сеспедес. И взгляд, каким мой новый знакомец смотрел на него, осторожный и почти-тательный одновременно, навел меня на мысль: интересно, какими подробностями биографии этого уроженца Эр-Рифа обусловлено сие исполненное осторожности уважение к бывшему правительственному уполномоченному? – Мой друг такой-то. – Настал мой черед быть представленным. – Изучает жизнь Тересы Мендоса. – Сеспедес выпалил это как раз в тот момент, когда риф подал мне правую руку и, держа электронные ключи в левой, навел их на свою машину, отчего она издала пронзительное «уи-уи-уи», когда включилась сигнализация. После этого Дрис Ларби принялся молча разглядывать меня и разглядывал так долго, что Сеспедес рассмеялся.

– Успокойся, – сказал он. – Он не полицейский.

От звука бьющегося стекла Тереса Мендоса нахмурилась. Люди за четвертым столиком разбили за этот вечер уже второй стакан. Тереса переглянулась с официантом Ахмедом, и он направился туда с совком и веником, молчаливый, как всегда; черный галстук-бабочка свободно болтался у него под кадыком. Огни, крутящиеся над небольшим пустым танцполом, скользили по его полосатому жилету, разрисовывая его ромбами. Тереса взглянула на счет клиента, который оживленно беседовал в самом конце стойки с двумя местными девушками. Сидел там уже пару часов, и счет достигал внушительной цифры: пять порций виски «Уайт Лейбл» со льдом и водой для него, восемь маленьких бутылочек шампанского для девочек (большую часть Ахмед потихоньку унес назад, пока менял бокалы). До закрытия оставалось двадцать минут, и Тереса невольно слышала обычный для этого часа разговор. «Я жду вас на улице. Одну или обеих. Лучше обеих». И так далее. Дрис Ларби, хозяин заведения, был непреклонен во всем, что касалось официальной морали. Это просто бар, и точка. В свободное

---

<sup>29</sup> Имеется в виду диалект Кастилии, центрального региона Испании, занимающего около 1/3 ее территории. Превратившись в XIV–XV вв. в национальный и литературный язык единой Испании, он считается эталоном испанского языка.

от работы время девушки были вольны распоряжаться собой. Или вольны в принципе, ибо контроль был весьма жестким: пятьдесят процентов заведению, пятьдесят – самой девушке. Случались выезды и вечеринки на стороне, где нормы претерпевали изменения в зависимости от места, личности участников и, так сказать, образа действия. Я предприниматель, любил повторять Дрис. А не просто какой-нибудь сутенер.

Вторник, почти конец мая. В этот вечер народу было немного. На пустом пятачке понапрасну заливался Хулио Иглесиас. «То был красавец-кабальеро», – пел он. Тереса, машинально шевеля губами, беззвучно подпевала, сидя с шариковой ручкой в руке над листком бумаги, освещенным лампой возле кассы. Так себе вечер, думала она. Почти пустой. Не то что в пятницу или в субботу: тогда приходилось подвозить девочек из других заведений, потому что в «Джамилу» битком набивались чиновники, коммерсанты, богатые марроканцы с той стороны границы и офицеры гарнизона. В общем, приличный средний уровень, из особо крутых – почти никого, кроме неизбежного минимума. Девушки чистенькие, молодые, симпатичные – Дрис набирал их в Марокко, на окраинах Мелильи, иногда попадались из Европы, с Полуострова, и обновлял каждые полгода. Пунктуальные – так сказать, отличительная черта заведения – выплаты представителям закона и соответствующим властям, чтобы те жили сами и давали жить другим. Бесплатные рюмки и стаканчики заместителю комиссара полиции и инспекторам в штатском. Образцовое заведение, все лицензии в полном порядке. Почти без проблем. Ничего такого, чего Тереса не знала бы наизусть и не хранила бы, умноженное до бесконечности, в своей еще свежей памяти о Мексике. Вся разница лишь в том, что здесь, хоть народ не отличался особой учтивостью и манеры были похуже, никто не хватался за пистолет, а улаживал все ловко и аккуратно. И даже – к этому ей долго пришлось привыкать – были люди, которые совсем не брали взяток. Вы ошибаетесь, сеньорита. Или грубее, но очень по-испански: сделайте мне одолжение и засуньте это себе в задницу. Что, разумеется, иногда осложняло жизнь. Но часто и облегчало. Весьма успокаивало, что не нужно бояться полиции. Во всяком случае, постоянно.

Ахмед вернулся со своим веником и совком, зашел за стойку и принялся болтать с тремя свободными девушками. Дзинннь. С того столика, где гости разбили два стакана, доносились смех, тосты, звон бокалов. Ахмед, подмигнув, успокоил Тересу. Там все в порядке. Счет у них получится солидный, удостоверилась она, глянув на свой листок. Деловые люди – испанцы и марроканцы, отмечают какое-то соглашение: пиджаки на спинках стульев, воротнички рубашек расстегнуты, галстуки в карманах. Четверо мужчин средних лет и четыре девушки. Шампанское – якобы «Моэ-э-Шандон» – быстро исчезало из ведерок со льдом: пять бутылок, и наверняка до закрытия заведения они закажут еще одну. Девушки – две арабки, еврейка и испанка – были молоды и хорошо знали свое дело. Дрис никогда не спал со своими кадрами – в своем гнезде даже птицы не гадают, говорил он, – но иногда присылал друзей в качестве, так сказать, трудовых инспекторов. Товар высшего качества, хвастался он потом. В моих заведениях товар только высшего качества. Если же отчет инспектора был отрицательным, Дрис никогда не бил провинившуюся – просто выгонял ее, и все. Контракт аннулирован. Уж чего-чего, а девушек в Мелилье хватало, благодаря нелегальной иммиграции, кризису и так далее. Попадались такие, кто мечтал уехать на Полуостров, сделаться моделью и пробиться на телевидение, однако большинство довольствовалось разрешением работать и легальным проживанием.

Прошло чуть меньше полугода с того вечера, когда Тереса разговаривала с доном Эпифанио Варгасом в часовне Святого Мальверде в Кульякане, штат Синалоа; с того дня, когда зазвонил телефон и она бросилась бежать – и не переставала бежать, пока не оказалась в городе, названия которого прежде не слышала никогда. Но об этом она вспоминала, лишь заглядывая в календарь. В Мелилье время – во всяком случае, большая его часть – словно застыло для нее. Может, прошло шесть месяцев, а может, шесть лет. Так было предначертано ей (как, впрочем,

могло быть предначертано и что угодно другое), когда, только что прилетев в Мадрид с одной небольшой сумкой в руках – весь ее багаж – и остановившись в пансионе на площади Аточи, она встретила с человеком, имя которого ей назвал дон Эпифанио Варгас. К разочарованию Тересы, ей ничего не могли предложить там, в Мадриде. Если она хочет попасть в тихое место, подальше от неприятных встреч, и получить работу, чтобы как-то прожить, пока не выправит бумаги касательно своего двойного гражданства – наличие отца-испанца, которого она едва знала, впервые в жизни должно было сослужить ей службу, – ей придется ехать дальше. Человек, с которым она встретила в кофейне «Небраска» на Гран-Виа, молодой, торопливый и немногословный, предоставил ей всего две возможности выбора – Галисию и юг Испании. Орел или решка, да или нет. Тереса спросила, часто ли идет дождь в Галисии, и молодой человек, слегка улыбнувшись – совсем чуть-чуть, ровно столько, сколько заслуживал этот вопрос, ответил, что да. Там просто ливня льет, сказал он. Тогда Тереса решила, что поедет на юг; молодой человек достал мобильный телефон, ушел к другому столику и несколько минут с кем-то разговаривал. Потом вернулся и записал на бумажной салфетке имя, номер телефона и название города. Туда есть прямые авиарейсы из Мадрида, пояснил он, отдавая ей салфетку. Или из Малаги. До нее можно добраться поездом или автобусом. Из Малаги и Альмерии также есть пароходы. И, заметив во взгляде Тересы недоумение (почему пароходы, почему самолеты?), улыбнулся во второй – и последний – раз и объяснил, что место, куда направляется она, – тоже Испания, но находится на севере Африки, в шестидесяти или семидесяти километрах от побережья Андалусии, недалеко от Гибралтарского пролива. Сеута и Мелилья, сказал он, – испанские города на марокканском побережье. Потом положил на стол конверт с деньгами, заплатил по счету, встал и пожелал ей удачи. Так он и сказал: удачи. А когда он уже уходил и Тереса в порыве благодарности решила назвать ему свое имя, он перебил ее, сказав, что не хочет его знать и ему совершенно все равно, как ее зовут. Помогая ей, он просто оказывает услугу своим друзьям в Мексике, которым кое-чем обязан. А еще пожелал, чтобы оставленные им деньги пошли ей на пользу. А когда они кончатся и ей понадобится еще, прибавил он вполне нейтрально, без всякого видимого намерения обидеть, она всегда может воспользоваться тем, что ей дала природа. Это, сказал он вместо прощания – и казалось, он жалеет, что природа не дала и ему того же самого, – ваше большое женское преимущество.

– Она не представляла собой ничего особенного, – сказал Дрис Ларби. – Не красавица, не уродина. Не слишком умна, не слишком глупа. Но насчет цифр соображала хорошо... Я это быстро понял и поставил ее на кассу... – И, вспомнив заданный мною вопрос, мотнул головой: – А проституткой она не была никогда. Во всяком случае, у меня. Она приехала по рекомендации друзей, так что я предоставил ей возможность выбирать. Сама, сказал, решай, где хочешь быть – по ту или по эту сторону стойки... Она предпочла остаться по эту – сначала как официантка. Конечно, зарабатывала поменьше, но ей было хорошо.

Мы прогуливались между кварталом, прилегающим к ипподрому, и кварталом Реаль, по ведущим к морю прямым улицам с колониальными особняками. Вечер был мягким, нежарким, цветы на окнах приятно пахли.

– Ну, может, только изредка. Всего пару раз или чуть больше. Я не знаю. – Дрис Ларби пожал плечами. – Она это решала сама. Вы меня понимаете?... Иногда бывала с кем-то, с кем сама хотела, но не за деньги.

– А как же вечеринки? – спросил Сеспедес.

Риф неловко отвел глаза в сторону. Затем повернулся ко мне, прежде снова взглянув на Сеспедеса с выражением человека, сожалеющего о том, что нечто сугубо свое разглашается в присутствии постороннего. Однако Сеспедесу было все равно.

– Вечеринки, – настойчиво повторил он.

Дрис Ларби вновь посмотрел на меня, теребя бороду.

– Это совсем другое дело, – поразмыслив с минуту, сказал он наконец. – Иногда я устраивал вечеринки по ту сторону границы...

Сеспедес лукаво усмехнулся:

– Твои знаменитые вечеринки...

– Ну да. Вы же знаете. – Риф пристально посмотрел на него, будто пытаясь вспомнить, что на самом деле может быть известно этому человеку, потом опять неловко отвел взгляд. – Люди оттуда.

– Оттуда – это из Марокко, – пояснил мне Сеспедес. – Он имеет в виду важных людей – политиков или полицейских начальников. – Его лисья усмешка стала еще хитрее. – Мой друг Дрис всегда имеет дело с хорошими партнерами.

Риф неохотно улыбнулся, закуривая очень легкую сигарету. А я подумал: интересно, сколько компромата на него и его партнеров покоится в секретных архивах Сеспедеса? Видимо, достаточно, раз он удостоивает нас привилегии беседовать.

– Она бывала на этих вечеринках? – спросил я.

Ларби сделал жест, который можно было истолковать двояко.

– Не знаю. Возможно, бывала на некоторых. И... Ей лучше знать. – Искоса глядя на Сеспедеса, он, похоже, поразмыслил над чем-то и в конце концов кивнул. – Ну, в общем-то, под конец она участвовала пару раз. Я в это не вмешивался – дело там было не в том, чтобы зарабатывать деньги на девочках: речь шла о другом. А девочки – это уж просто в дополнение. Что-то вроде подарка. Но я никогда не приказывал Тересе бывать там... Она бывала потому, что сама хотела. Даже просила об этом.

– Почему?

– Понятия не имею. Я же вам сказал: ей лучше знать.

– Она тогда уже появлялась с тем галисийцем? – спросил Сеспедес.

– Да.

– Говорят, хлопотала за него.

Дрис Ларби посмотрел на него. Потом на меня. Потом снова на него. За что вы так со мной, говорили его глаза.

– Не знаю, о чем вы говорите, дон Мануэль.

Бывший правительственный уполномоченный злорадно посмеивался, подняв брови. С видом человека, который откровенно забавляется происходящим.

– Абделькадер Чаиб, – уточнил он. – Полковник. Королевская жандармерия... Это тебе говорит о чем-нибудь?

– Нет, клянусь вам. Я не знаю его.

– Не знаешь?... Перестань, Дрис. Я же сказал: этот сеньор – мой друг.

Мы прошли несколько шагов молча; я мысленно переписывал набело услышанное. Риф курил, как будто не слишком довольный тем, как он рассказал нам это.

– Пока она была у меня, она не вмешивалась ни во что, – сказал он вдруг. – И у меня с ней ничего не было. То есть я с ней не спал.

И движением подбородка указал на Сеспедеса, как бы призывая его в свидетели. Всем известно, что он никогда не путается с девушками, которых нанимает. И потом, он уже сказал: Тереса замечательно умела вести счета. Остальные девушки уважали ее. Мексиканка – так они ее называли. Мексиканка то, Мексиканка сё. Видно было, что у нее хороший характер; хоть и без всякого образования, благодаря своей речи – это вообще свойственно латиноамериканцам с их богатым словарным запасом, бесконечными «вы» и «пожалуйста», отчего все они кажутся чуть ли не академиками филологии, – она выглядела человеком воспитанным. Правда, весьма скрытным во всем, что касалось ее дел и ее жизни. Дрис Ларби знал, что на родине у нее были проблемы, но какие, он никогда не спрашивал. К чему? В свою очередь, Тереса тоже не заводила разговоров о Мексике; когда кто-нибудь затрагивал тему, она отвечала парой слов –

первое, что приходило в голову, – и уклонялась от нее. Серьезно относилась к работе, жила одна и никогда не давала клиентам повода усомниться в предъявляемых счетах. Подруг у нее тоже не было. Она занималась своими делами и не лезла в чужие.

– Все шло хорошо месяцев эдак... не знаю... шесть или восемь. До того самого вечера, когда здесь появились эти двое галисийцев. – Повернувшись к Сеспедесу, он кивнул на меня: – Он уже видел Вейгу?.. Ну этому, можно сказать, не слишком-то повезло. Но другому повезло еще меньше.

– Сантьяго Фистерра, – сказал я.

– Да, он самый. Как сейчас его вижу: здоровенный, смуглый, с большой татуировкой на руке, вот тут. – Он неодобрительно покачал головой. – Скользкий тип, как и все галисийцы. От таких никогда не знаешь, чего ожидать... Они мотались туда-сюда через пролив на «фантоме», сеньор Сеспедес знает, о чем я говорю, правда?.. «Уинстон» из Гибралтара и марокканский шоколад...<sup>30</sup> Тогда Фистерра еще не занимался кокаином, хотя очень скоро начал... В общем, – он снова потербил бороду и сердито сплюнул прямо на тротуар, – однажды вечером эти двое появились в «Джамиле», и в результате я остался без Мексиканки.

Двое новых клиентов. Тереса взглянула на часы у кассы. До закрытия оставалось меньше пятнадцати минут. Она ощутила на себе вопросительный взгляд Ахмеда и, не поднимая головы, кивнула. Пусть быстренько пропустят по стаканчику, пока не зажегся свет и всех не попросили на улицу. Она продолжала считать, подводя итог вечера. Вряд ли эти двое сильно изменят картину. По паре виски, не больше, судя по их внешнему виду. Немного поболтают с уже начавшими украдкой зевать девушками и, возможно, договорятся с одной-двумя встретиться попозже в городе. Например, в пансионе «Агадир», в полуквартале отсюда. А может, если они на машине, – молниеносный бросок в соснячок у забора казармы Иностранного легиона. В любом случае это не ее дело. Свидания в особую тетрадь записывал Ахмед.

Вновь прибывшие облокотились на стойку, рядом с пивными кранами; к ним подошли Фатима и Шейла, две девушки, болтавшие с Ахмедом, а сам он уже подавал две порции якобы «Шиваса» двенадцатилетней выдержки, с большим количеством льда и без воды. Девушки заказали по маленькой бутылке шампанского; клиенты не возражали. Компания, разбившая два стакана, продолжала смеяться и поднимать тосты в своем углу – после того, как не моргнув глазом заплатила по счету. Мужчине в конце стойки, похоже, никак не удавалось прийти к соглашению со своими собеседницами: они о чем-то спорили, и сквозь музыку доносились их тихие голоса. На пустом танцполе, оживляемом лишь унылым вращением лампочек на потолке, теперь понапрасну пела Эбигайль. «Я хочу лизать твои раны, – говорилось в песне. – И слушать твое молчание». Тереса подождала конца первого куплета – она знала наизусть все записи, имевшиеся в «Джамиле», – и снова взглянула на часы у кассы. Еще один день позади. Точно такой же, как вчерашний понедельник и завтрашняя среда.

– Пора закрывать, – сказала она.

Подняв голову, она встретила спокойную улыбку. Светлые глаза – должно быть, зеленые или голубые, подумала она спустя мгновение, – иронически смотрели на нее.

– Так быстро? – спросил смуглый мужчина.

– Мы закрываемся, – повторила она.

И вернулась к своим расчетам. Тереса не заискивала перед клиентами, и менее всего – когда приходило время закрывать. За полгода она усвоила, что это хороший способ расставлять все на свои места и избегать недоразумений. Ахмед уже зажигал свет, поэтому легкий намек на очарование, придаваемый заведению полумраком, сразу исчез: потертый фальшивый бархат стульев, пятна на стенах, черные пятна от непогашенных окурков на полу. Даже спе-

---

<sup>30</sup> Имеется в виду гашиш.

цифический запах, какой бывает в закрытых помещениях, казалось, усилился. Мужчины из-за столика, где разбились два стакана, сняли пиджаки со спинок стульев и, быстренько договорившись со спутницами, вышли дожидаться их на улице. Тот, что сидел в конце стойки, уже ушел – один, недовольно ворча насчет цены, названной за продолжение вечера с участием обеих дам.

– Да я лучше сам себя ублажу, – бормотал он, выходя. Девушки собирали свои вещи. Фатима и Шейла, так и не прикоснувшись к бутылочкам шампанского, медлили, надеясь завязать более близкое знакомство с вновь прибывшими, но мужчин это, похоже, не интересовало. Под взглядом Тересы Фатима и Шейла присоединились к остальным девушкам. Тереса положила счет на прилавок – перед смуглым. Он был в рубашке цвета хаки, типа военной, рукава закатаны до локтей; и, когда он протянул деньги, Тереса увидела татуировку на все его правое предплечье: распятый Христос, а вокруг – волны, парусник, якорь, штурвал, морской конек... Второй парень был светловолос, светлокож, худощав. Почти мальчишка. Лет, наверное, чуть больше двадцати. А смуглому, прикинула она, немного за тридцать.

– Ну допить-то мы можем?

Тереса снова встретила с ним глазами и при зажженном свете увидела – они у него зеленые. Очень даже ничего. А еще она заметила, что они, вроде бы такие спокойные, улыбаются, даже когда перестают улыбаться губы. У мужчины были сильные руки, небритый подбородок и взлохмаченные волосы. Почти красивый, подумала Тереса. Или даже без «почти». А еще ей показалось, что от него пахнет чистым потом и солью, хотя она стояла слишком далеко, чтобы ощущать его запах. Ей это просто показалось.

– Конечно, – сказала она.

Зеленые глаза, татуировка на правом предплечье, худой светловолосый приятель. Мимолетный разговор у стойки бара. Тереса Мендоса вдали от Синалоа. Одна: то самое слово, от которого происходит слово «одиночество». Дни, похожие друг на друга до того, что просто перестаешь их различать. Неожиданное приходит внезапно – без грохота, без каких-либо признаков, возвещающих о его приближении, совсем незаметно, тихонько, точно так же, как могло бы пройти мимо. Как улыбка или взгляд. Как сама жизнь и сама – эта уж точно приходит всегда – смерть. Может, поэтому следующим вечером Тереса надеялась снова увидеть его; однако он не пришел. Всякий раз, как входил очередной клиент, она поднимала голову, надеясь, что это он. Но это был не он.

После закрытия она дошла до соседнего пляжа, закурила сигарету – иногда она добавляла в них гашиш – и стала смотреть на огни мола и марокканский порт Надор по ту сторону темного пятна воды. Она частенько так делала, а потом шла вдоль берега, пока не ловила такси, и оно довозило ее до дома – квартирки в районе Полигона: небольшая гостиная, спальня, кухня и ванная. Ее сдавал ей сам Дрис Ларби, удерживая квартплату из жалованья. А Дрис – неплохой человек, подумала она. Вполне разумно обращается с девушками, старается поддерживать со всеми хорошие отношения, а сердится, лишь когда обстоятельства не оставляют ему другого выхода. Я не проститутка, сказала она ему напрямик в первый день, когда он назначил ей встречу в «Джамиле», чтобы объяснить, какую работу может ей предложить. Я рад, только и ответил риф. Поначалу он принял ее как нечто неизбежное, от чего не ожидал ни выгод, ни проблем: он должен ее устроить, чтобы отплатить услугой за услугу, он просто друг друга одного из друзей, а, собственно, ее личность не играла здесь никакой роли. Он выделял ее из прочих – почему, ей было неизвестно; но существовала некая цепочка, соединявшая Дриса Ларби через человека из кофейни «Небраска» с доном Эпифанио Варгасом. Именно поэтому риф позволил ей остаться по эту сторону стойки: сперва официанткой, напарницей Ахмеда, а позже – управляющей, с того самого дня, когда она обнаружила ошибку в счетах и за полминуты привела все в порядок. Тогда Дрис поинтересовался, есть ли у нее образование. Тереса

ответила: только начальное, – а он, задумчиво глядя на нее, сказал: слушай, Мексиканка, да ты просто рождена складывать и вычитать. Мне пришлось заниматься такой работой на родине, ответила она. Когда я была помоложе. Тогда Дрис сказал, что со следующего дня она будет получать жалованье управляющей, Тереса начала исполнять новые обязанности, и больше разговоров на эту тему не было.

Она долго, пока не докурила сигарету, сидела на пляже, заглядевшись на далекие огни, словно рассыпанные по спокойной черной воде. Потом, очнувшись, вздрогнула, будто пред-рассветный холодок проник под застегнутую доверху куртку, несмотря на поднятый ворот. Черт возьми. Там, в Кульякане, Блондин Давила много раз говорил, что она не создана жить одна. Ни за что, мотал он головой. Не такая ты девчонка. Тебе нужен мужчина, который бы держал тебя под уздцы и вел, куда надо. А ты была бы такой, как есть: милой и нежной. Хорошенькой. Мягкой. С тобой надо обходиться как с королевой или вовсе не быть с тобой. Ведь ты даже энчиладас<sup>31</sup> не приготовишь; да и зачем, если есть рестораны? А еще, милая, тебе нравится вот это. Тебе нравится то, что я с тобой делаю, и как я это делаю, и ты скажешь, – он смеялся, шепча это, проклятый Блондин, щекоча губами ее живот, – ты скажешь: ох, вот беда-то, когда меня сцапают и выпишут мне билет в одну сторону. Ба-ба-ах. Так что иди-ка сюда, смугляночка моя. Сюда, поближе, еще ближе, и обними меня покрепче и не отпускай, потому что в один прекрасный день я умру, и тогда меня уже никто не обнимет. Как же мне жалко тебя, детка, как же плохо тебе будет тогда без меня. Ведь ты будешь совсем одна. Я хочу сказать: когда меня уже не будет и ты будешь вспоминать меня и тосковать по всему этому... вот этому... и будешь знать, что никто никогда не будет делать этого с тобой так, как делал я.

Совсем одна. Каким странным и в то же время каким знакомым было для нее теперь это слово: одиночество. Когда Тереса слышала, как его произносят другие, или сама мысленно произносила его, слово это будто бы относилось не к ней: всякий раз при этом ей виделся Блондин – в одном своеобразном месте, где она как-то подглядывала за ним. Хотя, пожалуй, образ был все же образом ее самой: Тересы, наблюдающей за Блондином. Потому что бывали и темные периоды, черные двери, которые Блондин закрывал за собой, за километры от нее, будто и не спускался оттуда, сверху. Иногда он возвращался после какой-нибудь поездки или дела из тех, о которых никогда ничего не рассказывал ей, но о которых, казалось, было известно всему Синалоа, и молчал, не хвастался и не бравировал, как обычно. Уходил от ее вопросов на полуторакилометровую высоту, становился уклончивым и особенно эгоистичным, словно был очень занят. А она, растерянная, не зная, что сказать и что сделать, бродила вокруг, точно неуклюжий зверек, пытаясь уловить жест или слово, которые вернули бы ей его. Растерянная, испуганная.

Когда такое случалось, он уходил из дома куда-то в центр города. Некоторое время Тереса подозревала, что у него есть другая любовница – несомненно, они у него были, как и у всех, но она боялась, как бы не появилась одна, особая. При мысли об этом она просто сходила с ума от стыда и ревности; и вот как-то утром она потихоньку выскользнула следом за Блондином и, смешавшись с толпой, шла за ним почти до самого рынка Гармендиа, пока не увидела, что он вошел в таверну «Ла Бальена»: *Торговцам, нищим и несовершеннолетним вход воспрещен*. В табличке на двери женщины не упоминались, но всем было известно, что таково одно из неписанных правил заведения: только пиво и только мужчины. Так что она долго – больше получаса – стояла на улице напротив, рядом с витриной обувного магазина, наблюдая за дверями таверны и ожидая, когда он выйдет. Однако он все не выходил, поэтому она в конце концов пересекла улицу и вошла в соседний ресторанчик, зал которого сообщался с залом «Ла Бальены». Заказав стакан прохладительного, она прошла к задней двери и увидела через нее

<sup>31</sup> *Энчиладас* (исп. *enchiladas*) – тонкие кукурузные лепешки (тортильи) с острой начинкой из мяса, овощей и т. д., весьма простые в приготовлении.

большой зал, уставленный столиками, а в глубине – музыкальный автомат, из которого неслись голоса «Лос Дос Реалес», певших «Дороги жизни». Но – вещь необычная для этого места и этого часа – за каждым столиком сидело по одному мужчине с бутылкой пива. По одному на столик. Почти все – люди уже вполне взрослые или немолодые, в широкополых плетеных шляпах или бейсболках на голове, смуглолицые, с пышными черными или седоватыми усами. И все пили молча, уйдя каждый в себя и ни с кем не разговаривая, как сборище неких странных, погруженных в задумчивость философов; в горлышках некоторых бутылок еще торчали белые бумажные салфетки, вместе с которыми их подали, и от этого казалось, что в бутылках стоят белые гвоздики. Все молчали, пили и слушали музыку, которую время от времени запускал то один, то другой, вставая, чтобы опустить монеты в автомат, а за одним столиком сидел Блондин Давила в летной куртке, накинутой на плечи, совершенно один, неподвижно, глядя перед собой; минута шла за минутой, а он выходил из своего оцепенения только для того, чтобы вынуть бумажную гвоздику из бутылки «Пасифико» ценою семь песо и поднести ее к губам. «Лос Дос Реалес» смолкли, их сменил Хосе Альфредо, который начал петь «Когда пройдут года». Тогда Тереса медленно отступила от двери и вышла на улицу, а по дороге домой расплакалась и долго не могла остановиться. Она все плакала и плакала, не в силах сдержать слезы, сама не зная о чем. Может, о Блондине и о себе самой. О том, когда пройдут года.

Она делала это. Только дважды, пока жила в Мелилье. И Блондин оказался прав. Впрочем, она и не ожидала ничего особенного. В первый раз она это сделала из любопытства: хотелось узнать, как она будет себя чувствовать после стольких месяцев, еще неся в памяти и теле далекое воспоминание о своем мужчине и самое последнее, причинявшее такую боль, – о Коте Фьерросе, его жестокой улыбке, его насилии. Она сделала свой выбор – в общем-то, случайный – с определенной осторожностью, так, чтобы избежать любых проблем и последствий. Молодой солдат подошел к ней у выхода из кинотеатра «Насьональ», где она в один из своих выходов смотрела фильм с Робертом де Ниро: что-то о войне и о друзьях, с очень плохим концом, причем в одном эпизоде герои принимались играть в русскую рулетку – так же, как однажды Блондин и его двоюродный брат, крепко набравшись текилы, начали дурить с револьвером, и кончилось тем, что она заорала на этих пьяных идиотов, отобрала оружие и отправила их спать. Увидев русскую рулетку в фильме, Тереса загрустила и, может, поэтому на выходе, когда к ней подошел этот солдат – в клетчатой рубашке, похожей на те, что носят синалоанцы, высокий, любезный, с коротко подстриженными светлыми, как у Блондина, волосами, – позволила пригласить себя в «Энтониз» на бутылочку лимонада. И слушала непринужденную болтовню парня, и потом оказалась вместе с ним на стене старого города, обнаженная ниже пояса, прижатая спиной к камням, а чуть выше на стене сидел кот, с интересом глядя на них блестящими в лунном свете глазами. Она не почувствовала почти ничего, потому что слишком уж пристально наблюдала за собой, сравнивая ощущения и воспоминания, как будто снова раздвоилась, и вторым ее «я» был этот кот, что сидел и смотрел на них, бесстрастный и безмолвный, как тень. Солдат захотел встретиться с нею снова, и она сказала: конечно, милый, как-нибудь на днях; но она знала, что больше никогда не увидится с ним, и, даже если они как-нибудь случайно встретятся на улице – ведь Мелилья такая маленькая, – она вряд ли узнает его или же сделает вид, что не узнала. Она даже не запомнила его имени.

Во второй раз это произошло по деловой надобности, с полицейским. Оформление вида на жительство шло медленно, и Дрис Ларби посоветовал ей ускорить процесс. Полицейского звали Соуко. Среднего возраста, вполне солидной внешности, он был инспектором и брал взятки с эмигрантов. Пару раз он заходил в «Джамилу» – Тересе было велено не брать с него за выпитое, – так что они знали друг друга в лицо. Она пошла к нему, и он без обиняков изложил ей свои условия. Как там, у вас, в Мексике, сказал он, хотя она не поняла, что подразумевал этот сукин сын под мексиканскими обычаями. Выбор был – либо деньгами, либо натурой.

Тереса сэкономила каждый сентимо<sup>32</sup>, поэтому предпочла второй вариант. Движимый своеобразным мужским честолюбием, от которого Тереса чуть не расхохоталась, этот Соуко, встретившись с нею в номере 106 гостиницы «Авенида», – Тереса со всей ясностью дала ему понять, что других встреч не будет, – старался изо всех сил, а потом, когда настало время сигареты и пресыщения, он, стремясь подкрепить собственное самоуважение, даже не сняв презерватив, потребовал у нее отзыва о проделанной работе. Я дошла, ответила она, медленно натягивая одежду на потное тело. «Дошла» – это по-вашему, по-мексикански, «кончила»? – спросил он. Ну да, ответила она. Потом, вернувшись домой, она долго сидела в ванне, задумавшись, медленно моясь, а после этого выкурила сигарету перед зеркалом, внимательно вглядываясь в каждую черточку себя, двадцатитрехлетней, словно боясь обнаружить какие-то изменения. Боясь однажды увидеть себя одну за столом, как тех мужчин в кульяканской таверне; и не заплакать, и не узнать себя.

Однако Блондин Давила, столь точный в своих предсказаниях и непредусмотрительности, ошибся в одном пункте прогноза. Теперь она знала, что после определенных событий уже становится нетрудно принять одиночество, и его не нарушают даже разные мелкие случайности и уступки. Что-то умерло вместе с Блондином, хотя это «что-то» имело больше отношения к ней, чем к нему. Пожалуй, некая наивность или неоправданная уверенность. Тереса совсем молодой ушла от холода, суровости улицы, нищеты, жестоких, казалось бы, сторон жизни. И думала, что ушла навсегда, не зная, что холод по-прежнему таится там, за дверью, которую она считала надежно закрытой, – таится, поджидая удобного момента, чтобы просочиться в щель и вновь заставить содрогнуться и ее, и всю ее жизнь. Вот так и бывает: думаешь, что ужас далеко и ему не вырваться из своего заточения, как вдруг он проникает в тебя. Тогда она еще не была готова. Совсем девчонка: девчонка контрабандиста, живущая в хорошо обустроенном доме, собирающая видеокассеты, фарфоровые фигурки и репродукции пейзажей, которые можно повесить на стену. Одна из многих. Всегда готовая для своего мужчины, который сторицей вознаграждал ее за это. И все шло прекрасно. Ее жизнь с Блондином сводилась к двум вещам: смеяться и брать. Со временем она стала замечать – издали, не обращая особого внимания, – первые сигналы. Зловещие знаки. Предупреждения, которых Блондин не принимал всерьез, а точнее, на которые ему было равным счетом наплевать. Поскольку, что бы ни говорили другие, он был умен и ловок. Очень умен и очень ловок. Просто он решил не ждать, а самому рвануться вперед. Он даже ее не дождался, проклятый. А в результате – тот день и телефонный звонок бип-бип. Думая об этом, Тереса снова видела себя – растерянная, она бежит по улице с сумкой и пистолетом в руках. А потом – дыхание Кота Фьерросо, его затвердевший член, вонзающийся в нее, вспышки выстрелов, удивленное лицо Потемкина Гальвеса, часовня Мальверде и запах гаванской сигары дон-Эпифанио Варгаса. Страх липнет к коже, как сажа от горящих свечей, и пот ее, и ее слова – такие же липкие. И наконец, между облегчением оттого, что все осталось позади, и неопределенностью будущего – самолет, в котором она сама или та, другая женщина, временами похожая на нее, смотрела на себя – на нее – отраженную в ночном иллюминаторе, в трех тысячах метров над Атлантикой. Мадрид. Поезд на юг. Пароход, плывущий среди моря и ночи. Мелилья. И теперь, по эту сторону долгого путешествия, Тереса знала, что уже никогда не сможет забыть зловещего дыхания холодного ветра, поджидающего снаружи. Даже если мужчина снова будет прикасаться к ее коже, к ее животу – другой мужчина, не Блондин Давила. И даже если – при мысли об этом на лице у нее всегда появлялась странная улыбка – она вновь полюбит или ей покажется, что полюбила. Но, может, – размышляла она о своей истории, – правильная последовательность такова: сначала любишь, потом думаешь, что любишь, и наконец перестаешь любить или любишь воспоминание. Теперь она знала – и это пугало ее, но каким-то парадоксальным образом в то же время успокаивало, – что вполне

<sup>32</sup> Сентимо (исп. centimo) – 1/100 песо.

возможно и даже легко поселиться в одиночестве, как в незнакомом городе, в квартирке со старым телевизором и кроватью, пружины которой скрипят, когда бессонница заставляет тебя ворочаться. Вставать ночью в уборную и долго сидеть там неподвижно, зажав в пальцах сигарету. Стоять под душем с закрытыми глазами и ласкать себя внизу мокрой, намыленной рукой, вспоминая рот мужчины. И знать, что так может продлиться всю жизнь, и, как ни странно, к этому можно привыкнуть. Смириться с мыслью, что будешь стариться в горечи и одиночестве, застаиваясь, словно вода в болоте, в этом городе – так же, как и в любом другом затерянном уголке мира, а этот мир будет вращаться, как вращался всегда, хотя раньше ты не отдавала себе в этом отчета: бесчувственный, жестокий, равнодушный.

Тереса увидела его снова неделей позже, возле небольшого рынка на склоне Монтес-Тирандо. Она отправилась туда купить специй в бакалейном магазинчике Киф-Кифа – она любила острую пищу, но мексиканского перца чили здесь не было, и в конце концов она приехала к не менее острым арабским приправам, – и шла теперь вверх по улице с сумками в руках, стараясь держаться поближе к фасадам тех домов, что давали больше тени, укрываясь от утренней жары, которая здесь была не влажной, как в Кульякане, а сухой и жесткой: то был североафриканский зной безводного песка, опунций, низких гор и голого камня. Она увидела, как он выходит из магазина запчастей с большой коробкой под мышкой, и сразу узнала: «Джамила», несколько дней назад, тот мужчина, которому она позволила допить стакан, пока Ахмед подметал пол, а девушки прощались до следующего дня. Он тоже узнал ее, проходя мимо и слегка посторонившись, чтобы не задеть ее своей коробкой, улыбнулся так же, как тогда, когда перед ним на стойке стояла порция виски и он попросил разрешения допить ее, скорее взглядом, чем словами, – и сказал: привет. Она тоже сказала «привет» и пошла дальше, а он стал укладывать коробку в багажник машины у тротуара; и, не оборачиваясь, она почувствовала, что он по-прежнему смотрит на нее, а дойдя до угла, услышала за спиной его шаги – или ей показалось, что услышала. И тут Тереса сделала нечто странное, чего и сама себе не смогла бы объяснить: не пошла напрямик домой, а свернула вправо и вошла в здание рынка, словно желая укрыться среди людей, хотя спроси ее кто-нибудь, от чего она пытается укрыться, она не сумела бы ответить. Она побродила между оживленными фруктовыми и овощными рядами, среди гула продавцов и покупателей, чьи голоса эхом отдавались от стеклянного потолка, и, миновав рыбные ряды, через небольшое кафе вышла на улицу Комиссара Валеро. Так, ни разу за весь свой долгий путь не оглянувшись, она добралась до дома. Вход находился наверху выбеленной известью лестницы, в конце переулочка, взбегавшего по Полигону среди зарешеченных окон с горшками герани и зелеными жалюзи. Неплохое физическое упражнение – подниматься и спускаться по лестнице два-три раза в день, а с лестницы видны крыши города, красно-белый минарет центральной мечети и вдаль, в Марокко, – темный силуэт горы Гуругу. Дойдя до двери, она все-таки оглянулась, нащаривая в кармане джинсов ключи. И тут же увидела его на углу – спокойного и неподвижного, как будто он все утро там простоял. Солнце горело на беленых стенах и его рубашке, золотя руки и шею и отбрасывая на землю четко очерченную тень. Один-единственный неверный жест, слово, улыбка – и она резко повернулась бы, открыла дверь и закрыла ее за собой, оставив мужчину позади, снаружи, далеко от своего дома и своей жизни. Но даже после того, как их взгляды встретились, он остался неподвижно стоять на углу, среди всего этого света, исходящего от белых стен и его белой рубашки. А зеленые глаза, казалось, улыбались издали – так же, как у стойки в «Джамиле», когда она сказала: пора закрывать; а еще казалось, будто они видят что-то, чего Тереса не знает. Что-то в ее настоящем и будущем. Может, именно поэтому она не открыла дверь и не закрыла ее за собой, а поставила сумки, присела на ступеньку лестницы и вынула пачку сигарет. Она доставала ее очень медленно, опустив глаза, пока мужчина поднимался к ней по лестнице. На миг его тень заслонила солнечный свет. Потом он уселся рядом, на ту же самую ступеньку;

и, даже не поднимая глаз, она увидела чисто выстиранные синие хлопчатобумажные брюки. Серые кроссовки. Засученные рукава рубашки, загорелые, худые, сильные руки. Водонепроницаемые часы «Сейко» с черным ремешком на левом запястье. Татуировку – распятого Христа на правом предплечье.

Закуривая, Тереса наклонила голову, и распущенные волосы упали ей на лицо. Делая это, она немного придвинулась к мужчине, но совершенно непреднамеренно, а он чуть отодвинулся – как там, у магазина, когда нес коробку, – чтобы не помешать ее движению. Она не смотрела на него и чувствовала, что он тоже на нее не смотрит. Она курила молча, беспристрастно анализируя каждое свое чувство, каждое физическое ощущение тела. Вывод оказался удивительно простым: близко – лучше, чем далеко. Внезапно мужчина шевельнулся, и Тереса вдруг осознала: она боится, что он уйдет. Зачем говорить, что нет, если да<sup>33</sup>.

Она подняла голову и, убрав с лица волосы, взглянула на него. Приятный профиль, резко очерченный подбородок, бронзовое от загара лицо, брови слегка сдвинуты от яркого света, заставляющего щуриться. Симпатичный парень. Он смотрел вдаль, в сторону Гуругу и Марокко.

– Где ты был? – спросила она.

– Уезжал. – Он говорил с легким акцентом, которого она не уловила в первый раз; интонации были чуть-чуть иными, а говор – более мягким, чем у здешних испанцев. – Вернулся сегодня утром.

Они словно возобновили прерванный диалог. Как двое старых знакомых, которые, встретившись, ничуть этому не удивились. Как двое друзей. Может быть, как двое любовников.

– Меня зовут Сантьяго.

Наконец он повернулся к ней. Или ты большой хитрец, подумала она, или ты чудо. Да, в общем-то, все равно. Зеленые глаза, уверенные и спокойные, снова улыбались, изучая ее.

– А я Тереса.

Он тихонько повторил ее имя.

– Тереса, – проговорил он задумчиво, будто по некой причине, еще им не известной, он должен был привыкнуть его произносить. Он продолжал смотреть на нее, пока она затягивалась, прежде чем выдохнуть дым резко, словно принимая решение; и, когда она уронила окурок и придавила ногой, мужчина даже не двинулся с места. Она поняла – он так и останется сидеть на ступеньке, не торопя событий, если она не позволит ему сделать следующий шаг. Конечно, то была не робость или неуверенность: он явно был не из таких. Его спокойствие, казалось, говорило: это дело обоюдное, так что каждый должен пройти свою часть пути.

– Заходи, – сказала она.

Он оказался совсем иным, нежели Блондин, всегда такой изобретательный на разного рода забавы. С ним не было как когда-то с Блондином – молодой солдат и полицейский в счет не шли, – ни шуток, ни смеха, ни проказ, ни словесного озорства как прелюдии или приправы. Да и вообще в тот первый раз слов почти не было: этот мужчина почти все время молчал, делая свое дело очень серьезно и очень медленно. Очень тщательно. Его глаза, спокойные даже в эти минуты, ни на миг не отрывались от нее. Не смотрели в никуда и не закрывались. И когда лучик света проникал сквозь планки жалюзи, заставляя искриться крошечные капельки пота на коже Тересы, а зелень этих глаз, казалось, становилась еще светлее, они смотрели на нее пристально и внимательно, спокойные, как и все его худое, сильное тело – вместо того чтобы нетерпеливо, как она ожидала, атаковать ее, оно проникало в нее твердо и уверенно. Он действовал без спешки. С не меньшим вниманием к ощущениям, отражавшимся на лице женщины, и содроганиям ее плоти, чем к контролю над собой; продлевая до бесконечности каждый поцелуй,

---

<sup>33</sup> Широко распространенная в Мексике фраза одного из популярных телевизионных персонажей.

каждую ласку, каждое положение. Снова и снова повторяя те же движения, вызывая у нее тот же трепет и тот же ответ – бесконечная сложная цепь. Влажный запах обнаженного твердого члена. Слюна. Тепло. Податливая мягкость. Нажим. Покой. Причины и следствия превращались в новые причины, одни и те же последовательности казались бесконечными. А когда к ней на миг приходило головокружительное просветление, словно она падала откуда-то, где, покинутая, лежала или колыхалась на поверхности и, думая, что проснулась, начинала так или иначе отвечать ему, ускоряя ритм или уводя его, куда, она знала – или думала, что знает, – желает быть уведенным каждый мужчина, он чуть качал головой, отказываясь, и улыбался ей одними глазами, и тихо произносил неслышные слова, а один раз даже поднял указательный палец, чтобы нежно пожурить ее; подожди, прошептал он, я хочу, чтобы ты лежала спокойно, даже не моргая, – и, отступив и на мгновение перестав двигаться, с застывшим лицом, сосредоточившись, чтобы снова взять себя в руки – она чувствовала между своими бедрами его плоть, твердую и влажную ее влагой, – внезапно погрузился в нее снова, мягко, еще медленнее, еще глубже, до упора. И Тереса подавила стон, и все началось сначала, а солнце, просачиваясь сквозь щели жалюзи, слепило ее вспышками света, короткими и теплыми, как удары ножа. И тогда, прерывисто дыша и глядя на него расширенными глазами – так близко, что его лицо, и его губы, и его глаза, казалось, тоже проникли в нее, – зажатая между его телом и смятыми влажными простынями под спиной, она еще крепче обхватила его руками, ногами, ртом и вдруг подумала: Господи Боже мой, Дева Мария, Пресвятая Богородица, ведь мы же делаем это без презерватива.

## 4

**Пойдем туда, где нас судить не станут**

Дрис Ларби не любил вмешиваться в личную жизнь своих девушек. По крайней мере, так он сказал мне. Человек спокойный, он толково вел свое дело и держался того мнения, что каждый волен распоряжаться собой сам, лишь бы счет за это не предъявляли ему. А еще (опять же, по его словам) он был до того кроток и добродушен, что даже отпустил бороду, лишь бы потрафить свояку – закоренелому фундаменталисту, жившему в Надоре вместе с его сестрой и четырьмя племянниками. Он имел испанский и марроканский паспорта, голосовал на выборах, резал барашка в праздник Айд-эль-Адха и платил налоги с заявленных доходов от своих официальных занятий – неплохая биография для человека, пересекшего границу десятилетним мальчонкой с ящиком чистильщика обуви под мышкой и пустыми карманами, в которых документов было не больше, чем у дикого кролика. Именно этот пункт – «род занятий» – некогда заставил Дриса Ларби детально обдумать положение Тересы Мендоса. Потому что Мексиканка со временем стала в «Джамиле» фигурой особой. Она вела всю бухгалтерию и была в курсе некоторых секретов заведения. А кроме того, великолепно соображала во всем, что касалось цифр, отчего была весьма полезна еще и в другом плане. В конце концов, три путиклуба<sup>34</sup>, которыми риф владел в городе, являлись частью другого, куда более сложного бизнеса, включавшего в себя нелегальную доставку иммигрантов – он называл это частными поездками – в Мелилью и на Полуостров. Сюда включались переход через границу, временное размещение в Ущелье Смерти или в старых домах Реалья и подкуп дежурных полицейских на контрольно-пропускных пунктах, а бывало, что и более масштабные экспедиции, по двадцать-тридцать человек, которых тайно высаживали ночью на какой-нибудь андалусский пляж с борта рыбачьих судов, катеров или патер<sup>35</sup>, пришедших с марокканского побережья. Дрису Ларби не раз предлагали использовать всю эту инфраструктуру для перевозки чего-нибудь более рентабельного; но, будучи хорошим гражданином и хорошим мусульманином, он был еще и осторожен. Наркотики – отличный бизнес и быстрые деньги, однако иметь дело с подобным товаром, когда тебя уже знают и ты обладаешь определенным положением по эту сторону границы, означает, что рано или поздно ты окажешься на скамье подсудимых. И потом, одно дело – подмазать пару испанских полицейских, чтобы те не требовали слишком много бумаг у девочек или иммигрантов, и совсем другое – купить судью. В глазах закона проституция и нелегальная иммиграция – куда менее тяжкий грех, чем полсотни килограммов гашиша. Меньше проблем. Деньги приходят медленнее, но зато тратишь их по собственному усмотрению, а не отдаешь адвокатам и прочим пиявкам. Да ни за что на свете.

Он пару раз следил за Тересой, не слишком скрываясь. Как бы случайно оказываясь на той же улице, в том же кафе или магазине. Разузнал кое-что и о том парне: галисиец, приезжает в Мелилью каждые восемь-десять дней, черный катер «фантом». Не требовалось быть энологом<sup>36</sup>, или этнологом, или как оно там называется, чтобы понять, что жидкость в тетрапаках – не что иное, как вино. Пара консультаций в соответствующих местах позволила выяснить, что он проживает в Альхесирасе, его катер приписан к порту Гибралтар, и зовут его – или он называет себя, в этих краях никогда не знаешь точно, – Сантьяго Фистерра. Судимостей нет, конфиденциально сообщил капрал Национальной полиции, большой любитель услуг девочек Дриса Ларби в служебное время на рабочем месте – в патрульной машине. Все вместе позво-

<sup>34</sup> Путиклуб – бар или ресторанчик, имеющий среди своего персонала проституток.

<sup>35</sup> Патера (исп. patera) – небольшая деревянная лодка для плавания по мелководью, широко используемая в районе Гибралтара.

<sup>36</sup> Энолог – теоретик виноделия.

лило шефу Тересы Мендоса составить себе приблизительное представление об этом человеке. В двух планах: как клиент «Джамилы» он не опасен, а вот как близкий друг Мексиканки представляет собой неудобство. Неудобство, разумеется, для него самого.

Дрис думал обо всем этом, наблюдая за парочкой. Он увидел их случайно, из машины, когда неторопливо ехал по Мантелете вблизи порта, под самыми стенами старого города; а увидев, проехал немного вперед, затем, развернувшись, снова подкатил к тому же месту, припарковал машину и отправился пропустить бутылочку на углу, в баре «Огар дель Пескадор». На маленькой площади, под древней аркой цитадели, за одним из трех шатких столиков у мангала Тереса и галисиец ели кебабы. Даже на расстоянии Дрис Ларби улавливал аромат приправленного жареного мяса, и ему пришлось взять себя в руки – он еще не обедал, – чтобы не пойти туда и не заказать что-нибудь тоже. Марокканская часть его натуры до безумия любила кебабы.

В глубине души все женщины одинаковы, думал он. Иная с виду воды не замутит – само спокойствие, а попадись ей подходящий инструмент – и куда что девалось, не станет слушать ни собственного рассудка, ни чужих доводов. Он долго смотрел на Тересу издали, сидя со стаканом в руке и пытаясь соотнести девушку, которую знал – скромную работающую мексиканку за прилавком «Джамилы», – с этой, другой, в джинсах и кожаной куртке, в туфлях на высоченном каблуке, с волосами, гладко расчесанными на прямой пробор и туго стянутыми в узел на затылке, как носят женщины у нее на родине. Она разговаривала с мужчиной, сидевшим рядом с ней в тени крепостной стены. И снова Дрис Ларби подумал, что она не красавица – таких много, – но, когда приведет себя в порядок, да если еще и момент подходящий, вполне сойдет за красивую. Большие глаза, очень черные волосы, молодое тело (эти узкие джинсы очень ей шли), белые зубы, а особенно ее милая манера говорить и слушать – молча, серьезно, будто обдумывая твои слова; и начинаешь чувствовать, что тебя действительно слушают, и это придает тебе вес в собственных глазах. О прошлом Тересы Дрис Ларби знал ровно столько, сколько было необходимо, и не желал знать большего: у нее были серьезные проблемы на родине, и какой-то влиятельный человек нашел ей местечко, чтобы спрятаться. Дрис видел, как она сошла на берег с парома из Малаги: дорожная сумка в руке и растерянный вид человека, выброшенного в чужой, незнакомый и непонятный мир. Эту птичку заклюют в два дня, подумал он тогда. Однако Мексиканка обнаружила редкую способность приспосабливаться к новым условиям, подобно тому, как молодые солдаты из крестьян, привыкшие терпеть жару и холод, потом, на войне, выносят любые тяготы, труды и лишения, встречая их лицом к лицу так, словно всю жизнь с ними прожили.

Поэтому Дриса удивляли ее отношения с галисийцем. Она явно не из тех, кто связывается с клиентами или с кем попало. Такие думают, прежде чем выбрать. И тем не менее, вон она сидит, уплетает кебабы и не отрывает глаз от этого Фистерры, у которого, может, и есть какое-то будущее – сам Дрис Ларби был доказательством того, что в жизни можно пробыть, – но сейчас-то нет ничего, а в перспективе, вероятнее всего, десяток лет в какой-нибудь испанской или марокканской тюрьме или удар ножом из-за угла. Более того: он был уверен, что галисиец имеет прямое отношение к недавним – и необычным – просьбам Тересы позволить ей присутствовать на некоторых частных вечеринках, которые устраивал он, Дрис Ларби, по обе стороны границы. Я хочу поехать, сказала она, не вдаваясь в объяснения; а он, удивившись, не смог и не захотел отказать. Ладно, хорошо, почему бы и нет. И она поехала – он просто глазам своим не поверил: та самая Тереса, всегда очень сдержанная и серьезная за стойкой, тут появилась сильно накрашенная, красивая, с такой же прической, как сейчас, – волосы, разделенные прямым пробором, туго стянуты сзади, – в коротеньком, обтягивающем, ладном черном платье с большим декольте, на высоких каблуках, ноги над которыми – Дрис Ларби еще никогда не видел ее такой – также оказались вполне приемлемыми. Одетая просто убойно, подумал риф в тот первый раз, когда усаживал ее вместе с четырьмя девушками-европейками в две машины, чтобы отвезти на марокканскую территорию, в роскошный коттедж

по соседству с пляжем Кариат-Аркеман. Потом, когда веселье уже шло вовсю – пара полковников, трое чиновников высокого ранга, двое политиков и богатый коммерсант из Надора, – Дрис Ларби все время наблюдал за Тересой, любопытствуя, что же все-таки привело ее сюда. Пока четыре европейки, чьи ряды были усилены тремя совсем юными марокканками, развлекали гостей так, как обычно принято в подобных случаях, Тереса успела поболтать со всеми – по-испански, а также чуть-чуть по-английски; до этого момента Дрис Ларби и не подозревал, что она владеет этим языком, которого сам он не знал совершенно, за исключением «good morning», «goodbye», «fuck» и «money». Всю ночь он с легким недоумением посматривал, как Тереса мило и доброжелательно общается со всеми, словно разведывает незнакомую территорию; а позже, уклонившись от чересчур активного ухаживания одного из местных политиков, который к тому времени уже изрядно наглотался всего, что можно было проглотить в твердом, жидком и газообразном состоянии, она в конце концов отдала предпочтение полковнику Королевской жандармерии по имени Абделькадер Чаиб. И Дрис Ларби, который, подобно опытному метрдотелю, благоразумно держался в стороне, незаметно управляя всем – тут жест, там знак, кивок головой в нужную сторону или улыбка, – чтобы все шло так, как хочется гостям (у него был счет в банке, три путиклуба, которые нужно было содержать, и десятки нелегальных эмигрантов, ожидающих зеленого света, чтобы перебраться в Испанию), будучи человеком весьма опытным в вопросах связей с общественностью, не мог не оценить той легкости и непринужденности, с какими Мексиканка обрабатывала жандарма. Который, с беспокойством отметил он, был далеко не простым военным. Потому что любой контрабандист, желавший возить гашиш из Надора в Алусемас, должен был платить дополнительный налог – в долларах – полковнику Абделькадеру Чаибу.

Тереса побывала еще на одной вечеринке, месяц спустя, где снова встретилась с марокканским полковником. И, наблюдая, как они вполголоса беседуют в сторонке, сидя на диване рядом с террасой – на сей раз все происходило в роскошно обставленной мансарде одного из лучших зданий Надора, – Дрис Ларби начал беспокоиться и решил, что третьего раза не будет. Он даже стал подумывать, не уволить ли ее, однако его связывали кое-какие обязательства. В сложной цепи друзей-одного-из-друзей как глубинные причины, так и промежуточные звенья находились вне его видения и ведения, а в таких случаях самое разумное – проявлять осторожность и не создавать кому бы то ни было неудобств. Кроме того, он не мог отрицать, что испытывает определенную личную симпатию к Мексиканке: она ему нравилась. Но это ни в коей мере не означало, что он собирается помогать галисийцу в его делишках или ей в шашнях с его марокканскими партнерами. Больше того, Дрис Ларби старался держаться подальше от растения, именуемого каннабис, в какой бы то ни было из его форм и ипостасей. Так что никогда больше, сказал он себе. Если Тереса хочет ублажать Абделькадера Чаиба или кого-нибудь другого, наставляя рога Сантьяго Фистерре, он, Дрис Ларби, не собирается стелить им постель.

Он предупредил ее, как обычно в подобных случаях: не влезая чересчур глубоко в чужие дела. Просто обронил несколько слов, как бы между прочим. Однажды они вместе вышли из «Джамилы» и спустились до самого пляжа, а по дороге беседовали о партии джина, которую предстояло получить на следующее утро. Когда они добрались до угла приморской аллеи, Дрис Ларби увидел галисийца, сидевшего на скамейке, и безо всякого перехода, на половине очередной фразы о ящиках с джином и уплате за них поставщику, сказал: он не из тех, кто остается. И больше ничего. Потом, помолчав пару секунд, снова заговорил о ящиках джина, но заметил, что Тереса смотрит на него очень серьезно: не то чтобы не понимая, о чем идет речь, а с неким вызовом, словно побуждая его продолжать. Она смотрела так, пока риф не пожал плечами и не прибавил: либо они уходят, либо их убивают.

– Да ты-то что об этом знаешь?

Она это произнесла так надменно, чуть ли не презрительно, что Дрис Ларби слегка обиделся. И даже подумал: что возомнила о себе эта глупая индианка? Открыл было рот, чтобы

ответить грубостью или, быть может – он еще не решил, – сказать этой мексиканской девчонке, что о мужчинах и женщинах кое-что знает, поскольку треть жизни делает деньги на людях и шлюхах, и, если ее что-то не устраивает, самое время подыскать себе другого хозяина. Однако смолчал, потому что – ему так показалось – понял: она имела в виду не это, не мужчин, не женщин и не тех, кто пользуется тобой и исчезает, а нечто более сложное, о чем он не знал и о чем временами, при наличии некоторой способности улавливать такие вещи, можно было догадаться по ее взгляду, по тому, как она молчит. Тем вечером рядом с пляжем, где ждал галисиец, интуиция подсказала Дрису Ларби, что слова Тересы относились не столько к мужчинам, которые уходят, сколько к мужчинам, которых убивают. Потому что в том мире, откуда она явилась, быть убитым – не менее естественная форма ухода, чем любая другая.

В сумочке у Тересы лежала фотография. Она носила ее в портмоне уже давно – с тех пор, как Индеец Парра снял ее и Блондина Давилу, когда они отмечали его день рождения. Они стояли вдвоем; Блондин в своей летной куртке одной рукой обнимал ее за плечи, зацепив большой палец другой за пряжку ремня. Он смеялся в объектив – красивый, похожий на высокого худого американца, а рядом лишь едва заметно, полунаивно, полурастерянно улыбалась Тереса. Ей тогда едва исполнилось двадцать – молоденькая, хрупкая, с расширенными от вспышки фотоаппарата глазами и этой несколько принужденной улыбкой, как бы вне радости обнимающего ее мужчины. Возможно, как вообще на большинстве фотографий, это выражение оказалось случайным: просто какой-то миг, один из многих, запечатленный на пленке. Но как же, зная то, что известно теперь, удержаться от соблазна погадать? Зачастую образы, ситуации и фотографии как бы не вполне реализуются, пока не произошли последующие события; они словно являют собою нечто временное, отложенное на потом, и этому «потом» предстоит подтвердить или опровергнуть их. Мы фотографируемся не для того, чтобы помнить, а для того, чтобы дополнить снимки нашей дальнейшей жизнью. Поэтому они бывают удачными и неудачными. Образы, которые время расставляет по своим местам, придавая истинное значение одним и отвергая другие, – они гаснут сами, будто время стирает их цвета. Снимок в ее портмоне был из тех, которые делаются, чтобы со временем обрести смысл, хотя никто, снимая, не знает этого. И теперь, по прошествии времени, недавнее прошлое Тересы придавало этой старой фотографии неотвратимое будущее, которое в конце концов состоялось. С этого берега теней было уже легко читать или истолковывать. Все казалось очевидным и в поведении Блондина, и в выражении лица Тересы, в ее неясной улыбке, порожденной присутствием фотоаппарата. Она улыбалась, чтобы доставить удовольствие своему мужчине, улыбалась, лишь насколько того требовали обстоятельства – иди-ка сюда, смугляночка моя, смотри в объектив и думай о том, как ты меня любишь, девочка, – а в ее глазах таилось темное предзнаменование. Предчувствие.

Сейчас, сидя с другим мужчиной у стены древней Мелильи, Тереса думала об этой фотографии, и думала вот почему. Когда они только что пришли и ее спутник заказывал кебабы у смуглого старика, хлопотавшего у мангала, к ним подошел уличный фотограф со старенькой «ясикой» на шее, и, отвечая ему «нет, спасибо», она задала себе вопрос: какое будущее смогли бы они прочесть на этой несостоявшейся фотографии, если бы посмотрели на нее спустя годы. Какие знаки принялись бы искать и истолковывать, когда все уже произошло, в этой сценке возле крепостной стены, где в нескольких метрах шумит море и прибой бьется о скалы за средневековой аркой, сквозь которую виднеется кусок ярко-синего неба; где запах водорослей, и векового камня, и пляжного мусора смешивается с ароматом золотистых пряных кебабов, жарящихся над раскаленными углями.

– Я сегодня уезжаю, – сказал Сантьяго. – Ночью.

Это была шестая ночь после того, как они познакомились. Тереса выждала пару секунд, потом взглянула на него, а взглянув, кивнула.

– Куда?

– Какая разница? – Он смотрел на нее серьезно и сурово, будто само собою разумелось, что эта новость ей не понравится. – Есть работа.

Тереса знала, что это за работа. По ту сторону границы все было готово: ведь она сама позаботилась об этом. Абделькадер Чаиб дал им слово (секретный счет полковника в Гибралтаре совсем недавно немного пополнился), что проблем с погрузкой не будет. Сантьяго уже восемь дней дожидался сигнала в гостинице «Амфора», а Лало Вейга присматривал за катером, стоявшим в бухточке у марокканского берега неподалеку от Пунта-Бермеха. В ожидании груза. И вот сигнал пришел.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю. Самое большее через неделю.

Тереса снова кивнула, как будто неделя – самый подходящий срок. Она кивнула бы точно так же, если бы он сказал «через день» или «через месяц».

– Наступает новолуние, – обронил он.

Может, поэтому я и сижу тут с тобой, подумала она. Наступает новолуние, и для тебя наступает работа, а для меня – повторение того, что уже было. Я словно обречена на это. Вопрос в том, хочу я или не хочу этого повторения. Устраивает оно меня или нет.

– Не изменяй мне, – попросил он. Или его улыбка.

Тереса взглянула на него, словно возвращаясь издалека. Из такого далека, что ей пришлось сделать усилие, чтобы понять, о чем он говорит. А поняв, ответила:

– Постараюсь.

– Тереса...

– Что?

– Не надо бы тебе здесь оставаться.

Он смотрел на нее прямо, глаза в глаза, почти преданно. Все они смотрят глаза в глаза, почти преданно. Даже когда врут или обещают то, чего не выполняют никогда, пусть даже сами не зная, что будет именно так.

– Да ладно. Мы уже говорили об этом.

Раскрыв сумочку, она достала пачку сигарет и зажигалку. Сигареты назывались «Бисонте». Крепкие, без фильтра. «Фароса» в Мелилье не было, и она привыкла к этим – в общем-то, случайно. Она закурила, а Сантьяго продолжал смотреть на нее все с тем же выражением.

– Не нравится мне твоя работа, – наконец произнес он.

– Зато я от твоей просто в восторге.

Это прозвучало упреком – каким, собственно, и было. Слишком многое заключали в себе эти семь слов. Сантьяго отвел глаза.

– Я имел в виду, тебе не нужен этот мавр.

– Зато тебе ой как нужны другие мавры... И я тоже нужна.

Она невольно вспомнила полковника Абделькадера Чаиба. Ему недавно исполнилось пятьдесят, и он был неплохим человеком. Правда, честолюбивый и эгоистичный, как всякий мужчина, но разумный, как всякий мужчина, которого бог не обделил умом. А еще он мог, когда хотел, быть воспитанным и любезным. С Тересой он обходился учтиво, никогда не требуя больше того, что она намеревалась ему дать, и не считая ее тем, чем она не являлась. В деле был аккуратен, с уважением относился к декору. И к ней самой – до известной степени.

– Этого больше не будет.

– Ну конечно.

– Клянусь тебе. Я много думал об этом. Больше никогда.

Сантьяго продолжал хмуриться, и она полуобернулась. Через площадь, на углу, где помещался «Огар дель Пескадор», с бутылочкой пива в руке сидел Дрис Ларби, глядя на улицу. А

может, наблюдая за ними. Он поднял бутылку, как бы приветствуя их, и Тереса слегка кивнула в ответ.

– Дрис хороший человек. – Она вновь повернулась к Сантьяго. – Он уважает меня и платит мне.

– Он проклятый мавр и сутенер.

– А я проклятая индейская шлюха.

Он ничего не ответил, и она, рассердившись, молча курила, прислушиваясь к шуму моря за стеной. Сантьяго рассеянно перекладывал на пластиковой тарелке металлические шампуры. Руки у него были жесткие, сильные и смуглые – так хорошо знакомые ей. На запястье – все те же водонепроницаемые часы, дешевые и надежные; ни браслетов, ни колец. Солнце, отражаясь от беленых стен, окружавших площадь, золотило волоски над татуировкой и делало светлее его глаза.

– Ты можешь поехать со мной, – проговорил он наконец. – В Альхесирасе хорошо... Мы бы виделись каждый день. Вдали от всего этого.

– Я не знаю, хочу ли я видеть тебя каждый день.

– Странная ты. Очень странная. Я и не знал, что вы, мексиканки, такие.

– Я не знаю, какие мексиканки. Я знаю, какая я. – Она мгновение подумала. – Иногда мне кажется, что знаю.

Она бросила окурок и придавила его подошвой. Потом обернулась посмотреть, не ушел ли Дрис Ларби. Его уже не было. Тереса встала и сказала, что ей хочется прогуляться. Сантьяго, все еще сидя и на шаривая деньги в заднем кармане брюк, продолжал смотреть на нее, но уже с иным выражением. С улыбкой. Он всегда знал, как нужно улыбнуться, чтобы разогнать для нее все черные тучи. Чтобы она сделала что-нибудь. Например, пообщалась с Абделькадером Чаибом.

– Черт возьми, Тереса.

– Что?

– Иногда ты похожа на девчонку, и мне это нравится. – Поднявшись, он положил на столик несколько монет. – То есть, когда я вижу, как ты идешь, и все такое. Ты идешь, а попка у тебя так и танцует, потом поворачиваешься... так бы и съел тебя всю, как свежий персик... И грудь у тебя...

– Что – грудь у меня?

Сантьяго склонил голову набок, ища подходящее определение.

– Красивая, – серьезно закончил он. – Самая красивая во всей Мелилье.

– Ничего себе... Это что – испанский комплимент?

– Ну... не знаю. – Он подождал, пока она не отсмеялась. – Просто мне это пришло в голову.

– Только это? Больше ничего?

– Нет. Мне нравится, как ты разговариваешь. Или молчишь. Мне от этого становится... не знаю... что-то во мне происходит... какие-то чувства. Разные. И нежность тоже – наверное, это самое подходящее слово.

– Вот и хорошо. Мне приятно, если ты иногда забываешь о моей груди и становишься нежным.

– А мне и не надо ни о чем забывать. Твоя грудь и моя нежность – одно с другим вполне вяжется.

Она сбросила туфли, и они пошли по грязному песку, а потом среди камней, по кромке воды, под золотисто-рыжими стенами крепости, из бойниц которой торчали ржавые пушки. Вдали вырисовывался голубоватый силуэт мыса Трес-Форкас. На ноги им брызгала пена. Сантьяго шагал, засунув руки в карманы, временами останавливаясь и проверяя, не поскользнется ли Тереса на влажных камнях, покрытых зеленым мхом.

– А иногда, – сказал он вдруг, словно и не переставал об этом думать, – я смотрю на тебя, и вдруг ты выглядишь гораздо старше... Как сегодня утром.

– А что случилось сегодня утром?

– Я проснулся, а ты была в ванной, и я встал взглянуть на тебя и увидел тебя перед зеркалом... Ты умывалась и смотрела на себя так, будто с трудом узнаешь. И лицо у тебя было как у старухи.

– Страшное?

– Да просто кошмарное. Поэтому мне захотелось, чтобы ты снова стала красивой, я подхватил тебя на руки и отнес в постель, и мы добрый час кувыркались там.

– Не помню.

– Не помнишь, что мы делали в постели?

– Не помню, чтобы я выглядела страшной.

Конечно, все она отлично помнила. Тереса проснулась рано, с первым смутным, еще серым светом. Пение петухов на заре. Голос муэдзина, несущийся с минарета мечети. Равномерное «тик-так» часов на тумбочке. Ей не удавалось снова уснуть, и она смотрела, как все больше и больше светлеет потолок, а Сантьяго спит, лежа на животе, наполовину зарывшись лицом в подушку, с взлохмаченными волосами и жесткой щетиной на подбородке, касающемся ее плеча. Она помнила его тяжелое дыхание и его неподвижность, похожую на смерть. И внезапную тоскливую тревогу, от которой она вскочила с постели, добежала до ванной, открыла кран – и снова и снова плескала водой себе в лицо; а женщина, смотревшая на нее из зеркала, была похожа на ту, что смотрела на нее сквозь мокрые волосы в тот день в Кульякане, когда зазвонил телефон. А потом отражение Сантьяго у нее за спиной – с припухшими от сна глазами, голый, как и она сама, он обнимал ее, а потом снова отнес в постель, чтобы заниматься любовью среди смятых простыней, пахнущих ими обоими, спермой и теплом сплетенных тел. И призраки опять, до нового приказа, рассеялись вместе с сумраком грязного рассвета – на свете нет ничего грязнее этого нерешительного серого рассветного сумрака, который дневной свет, уже потоком льющийся сквозь жалюзи, загоняет обратно в ад.

– У меня с тобой иногда бывает как-то странно, понимаешь... – Сантьяго смотрел на синее море (оно было беспокойно, и прибой равномерно плескал о камни): смотрел опытным, почти оценивающим взглядом. – Вот вроде бы ты тут, рядом, я тебя крепко держу, и вдруг – раз! Ты уже где-то далеко.

– В Марокко.

– Не говори глупостей. Пожалуйста. Я же сказал, с этим покончено.

И опять эта улыбка, стирающая все. Он такой красивый, в который раз подумала она. Распроклятый сукин сын, контрабандист.

– Ты иногда тоже бываешь далеко, – сказала она. – Очень далеко.

– Я другое дело. У меня есть дела, и они меня беспокоят... Я имею в виду – сейчас. А то, что происходит с тобой, – это другое.

Он помолчал. Казалось, он пытается поймать какую-то мысль и найти для нее точные слова.

– Это уже сидело в тебе, – произнес он наконец. – До того как мы познакомились.

Когда, пройдя еще немного, они вернулись, старик-араб, торговавший кебабами, вытирал стол. Они с Тересой обменялись улыбкой.

– Ты никогда ничего не рассказываешь мне о Мексике, – сказал Сантьяго.

Опершись на него, Тереса надела туфли.

– Да нечего особенно рассказывать, – ответила она. – Там люди убивают друг друга ради наркотиков или нескольких песо, или их убивают, потому что считают коммунистами, или приходит ураган и приканчивает всех подряд.

– Я имел в виду тебя.

– Я родом из Синалоа. Правда, за последнее время гордости у меня поубавилось. Но я упряма до чертиков.

– А что еще?

– Больше ничего. Ведь я же тебя не расспрашиваю о твоей жизни. Я даже не знаю, женат ты или нет.

– Не женат. – Он поднял руку, показывая, что на ней нет кольца. – И мне очень неприятно, что до сегодняшнего дня ты об этом не спрашивала.

– А я и не спрашиваю. Я просто говорю, что не знаю. Как уговорено.

– Что уговорено? Я что-то не помню, чтоб мы о чем-то договаривались.

– Никаких дурацких вопросов. Ты приезжаешь – я тут. Ты уезжаешь – я остаюсь.

– А как же будущее?

– О будущем поговорим, когда оно настанет.

– Почему ты спишь со мной?

– А с кем же еще?

– Со мной.

Он остановился перед ней, уперев руки в бока, будто собираясь пропеть ей серенаду.

– Потому что ты красивый парень, – ответила она, оглядывая его сверху вниз, очень медленно и не скрывая своего удовольствия. – Потому, что у тебя зеленые глаза, просто убийственный зад, сильные руки... Потому, что ты хоть и сукин сын, но не совсем эгоист. Потому, что ты умеешь быть одновременно жестким и нежным... Этого хватит?.. – Она почувствовала, как все лицо у нее напряглось. – А еще потому, что ты похож на одного человека, которого я знала.

Сантьяго уставился на нее несколько ошарашенно. Довольное выражение мгновенно исчезло с его лица, и она заранее угадала, что он сейчас скажет:

– Мне не нравится, что я напоминаю тебе другого.

Проклятый галисиец. Все они проклятые сукины дети. Всех только помани – и они тут, и все идиоты. Ей вдруг захотелось поскорее закончить этот разговор.

– Я не говорила, что ты напоминаешь мне другого. Я сказала, что ты похож на одного человека.

– А тебе не хочется узнать, почему я сплю с тобой?

– Кроме того, что я бываю тебе полезна на вечеринках Дриса Ларби?

– Кроме.

– Потому что тебе хорошо со мной. И потому, что иногда тебе бывает одиноко.

Он смущенно пригладил ладонью волосы. Потом схватил ее за руку ниже плеча:

– А если бы я спал с другими? Что бы ты сказала?

Она высвободила руку – не вырвала, а просто отстранила его мягким движением, длившимся до тех пор, пока он не разжал пальцы.

– Я уверена, что ты спишь и с другими.

– Здесь, в Мелилье?

– Нет. Насчет Мелильи я знаю. Здесь – нет.

– Скажи, что любишь меня.

– Хорошо... Люблю.

– Неправда.

– Да не все ли равно? Я люблю тебя.

Мне оказалось нетрудно разузнать о жизни Сантьяго Фистерры. Перед поездкой в Мелилью я получил, в дополнение к докладу полиции Альхесираса, еще один, от таможи – весьма подробный, с указаниями дат и мест: все начиная с самого его рождения в О-Гrove, рыбацкой деревушке в устье реки Ароса. Поэтому я знал, что незадолго до знакомства с Тересой Фистерре исполнилось тридцать два года. Биографию его можно было назвать классической.

С четырнадцати лет выходил в море с рыбаками, после службы на флоте работал на *amos do fume*<sup>37</sup> – главарей контрабандистских сетей, действовавших на галисийском побережье: Чарлинеса, Сито Миньянко, братьев Пернас. Согласно докладу таможи, за три года до встречи с Тересой он проживал в Вильягарсиа и был капитаном большого катера, принадлежавшего клану Педрускиньо – известному семейству табачных контрабандистов, которое как раз в то время расширяло поле своей деятельности, начав заниматься марокканским гашишем. Тогда он состоял на жалованье – столько-то за рейс, – а работа его заключалась в следующем: хорошо зная сложную географию галисийского побережья, он водил катера, доставлявшие на берег табак и наркотики с кораблей и рыбачьих судов, бросавших якорь вне испанских территориальных вод. При этом нередко происходили стычки со службой береговой охраны, таможенниками и жандармерией. И вот однажды ночью, когда катер уходил от погони, лавируя короткими зигзагами между устричных садков у острова Кортетада, Фистерра или его напарник, молодой парень из Ферроля по имени Лало Вейга, включили прожектор, чтобы ослепить своих преследователей, и таможенники на полном ходу врезались в один из садков. Результат: один погибший. В полицейских докладах эта история излагалась лишь в общих чертах, поэтому я принялся звонить по кое-каким телефонам, но все мои усилия оказывались безрезультатными до тех пор, пока писатель Мануэль Ривас, галисиец, мой друг и местный житель – у него был дом рядом с Коста-де-ла-Муэрте, – не раздобыл, похлопотав, подтверждений упомянутого эпизода. По словам Риваса, никому не удалось доказать участия Фистерры в этом инциденте; однако местные таможенники, не уступавшие в жесткости самим контрабандистам – ведь и они росли в тех же деревнях и плавали на тех же судах, – поклялись при первом удобном случае пустить его на корм рыбам. Око за око. Этого оказалось достаточно, чтобы Фистерра и Вейга покинули Риас-Байшас и отправились искать место, где воздух был бы менее вреден для здоровья. Таким местом оказался Альхесирас, приютившийся в тени Гибралтарской скалы: средиземноморское солнце и синие воды. А там, пользуясь мягкостью британского законодательства, друзья-галисийцы приобрели через третьих лиц мощный катер – семь метров в длину, шестицилиндровый мотор «Ямаха ПРО» в двести двадцать пять лошадиных сил, усиленный до двухсот пятидесяти, – на котором и принялись курсировать между колонией, Марокко и испанским побережьем.

– В ту пору, – объяснял мне в Мелилье Маноло Сеспедес после встречи с Дрисом Ларби, – кокаином могли баловаться только самые богатые. Основную часть контрабанды составляли гибралтарский табак и марокканский гашиш: два урожая, две с половиной тысячи тонн конопли каждый год тайно вывозилось в Европу... Ясное дело, все это проходило через наши места. Да и сейчас проходит.

Мы сидели за вкуснейшим ужином в баре-ресторане «Ла Амистад», более известном среди жителей Мелильи как «Дом Маноло»: он располагался напротив казарм жандармерии, которые построил еще сам Сеспедес в те годы, когда был в силе. В действительности хозяина этого заведения звали не Маноло, а Мохаммед, хотя его знали еще как брата Хуанито, хозяина другого ресторана под названием «Дом Хуанито», которого на самом деле тоже звали не Хуанито, а Хассан – патронимические лабиринты, весьма типичные для такого своеобразного города, как Мелилья. «Ла Амистад» же был популярным заведением с пластиковыми столиками, стульями и стойкой с закусками – сюда навещались и европейцы, и мусульмане, и нередко люди обедали или ужинали стоя. Кухня великолепная: в основном свежая рыба и прочие дары моря из Марокко, которые сам Маноло – Мохаммед – каждое утро закупал на центральном рынке. В тот вечер мы с Сеспедесом угощались всей этой роскошью, запивая ее холодным «Барбадильо». И конечно, наслаждаясь сверх всякой меры. Ибо усилиями испанских рыбаков воды, омывающие Полуостров, уже значительно опустошены.

<sup>37</sup> Букв.: хозяева табака (*галис.*).

– Когда прибыл Сантьяго Фистерра, – продолжал Сеспедес, – все важные грузы перевозились на катерах. Он приехал сюда потому, что был специалистом в этом деле, и потому, что многие галисийцы стремились устроиться в Сеуте, Мелилье и на андалусском побережье... Контракты заключались здесь или в Марокко. Самой оживленной зоной были четырнадцать километров пролива между мысом Карнеро и мысом Сирес: мелкие контрабандисты – на сеутских паромках, крупные партии – на яхтах, сейнерах, катерах... Движение там было настолько оживленным, что эту зону называли «Бульваром Гашиша».

– А Гибралтар?

– Все и вертелось вокруг него. – Сеспедес указал вилкой на пачку «Уинстона», лежавшую на скатерти, и обвел вокруг нее круг. – Он был как паук в центре своей паутины. В то время он служил главной базой контрабандистов западного Средиземноморья... Англичане и льянито<sup>38</sup>, местное население колонии, позволяли мафии действовать свободно. Вкладывайте деньги сюда, кабальеро, доверьте нам свои денежки, финансовые и портовые льготы... Табак возили прямо из портовых складов на пляжи Ла-Линеа – километром дальше... Впрочем, на самом деле это происходит до сих пор. – Он снова ткнул вилкой в пачку сигарет. – Эти тоже оттуда. Беспешинные.

– И тебе не стыдно?.. Бывший правительственный уполномоченный – и обманывает государственную компанию.

– Брось. Теперь я пенсионер. Знаешь, сколько я выкуриваю в день?

– Ну так что там насчет Сантьяго Фистерры?

Сеспедес неторопливо, смакуя, прожевал кусочек рыбы. Затем отхлебнул глоток «Барбадильо» и посмотрел на меня:

– Не знаю, курил он или нет, но с табаком не возился. Один рейс с грузом гашиша равнялся сотне с «Уинстоном» или «Мальборо». Гашиш рентабельнее.

– И думаю, опаснее.

– Гораздо. – Тщательно высосав очередную королевскую креветку, Сеспедес положил ее голову на край тарелки, рядом с остальными, лежавшими аккуратным рядком, будто на параде. – Не подмажешь как следует марокканцев – и конец. Вспомни беднягу Вейгу... Зато с англичанами проблем не было – эти, как всегда, действовали в духе своей двойной морали. Пока наркотики вне британской земли, они умывают руки... В общем, контрабандисты так и шныряли со своими грузами, и все их знали. А когда их заставляли врасплох испанские жандармы или таможенники, они мчались спасаться в Гибралтар. Единственное условие – сначала выбросить груз за борт.

– И все?

– И все. – На этот раз он легонько стукнул вилкой по пачке сигарет. – Иногда те, что на катерах, сажали наверху, на Скале, своих людей с приборами ночного видения и радиопередатчиками – их называли «обезьянами», – чтобы знать обо всех перемещениях таможенников... Вокруг Гибралтара возникла целая отрасль промышленности, миллионы и миллионы. Марокканская полиция, гибралтарская полиция, испанская полиция... Задействованы были все. Даже меня хотели купить... – Он усмехнулся сквозь зубы, глядя на меня поверх бокала белого вина в руке. – Но им не повезло. В те времена я сам покупал других.

И Сеспедес вздохнул.

– Теперь, – сказал он, доедая последнюю креветку, – все по-другому. Деньги в Гибралтаре крутятся иначе. Прогуляйся по главной улице, посмотри на почтовые ящики да посчитай, сколько там фирм-призраков. Глазам не поверишь. Они обнаружили, что налоговый рай куда рентабельнее пиратского гнезда, хотя по сути это одно и то же. А насчет клиентов сам прикинь: Коста-дель-Соль – просто золотой рудник, так что иностранные мафии внедряются туда всеми

---

<sup>38</sup> *Льянито* (исп. *llanito*) – уроженец Гибралтара.

мыслимыми и немыслимыми способами. Кроме того, испанские воды от Альмерии до Кадиса – под неусыпным наблюдением из-за нелегальной иммиграции. И хотя гашиш по-прежнему течет рекой, ввоз кокаина тоже набирает обороты, а методы используются уже другие... Можно сказать, времена ремесленников, героические времена кончились: старых морских волков сменили парни в галстуках и белых рубашках. Былой централизации нет. Катера контрабандистов перешли в другие руки, изменилась тактика, сменились тыловые базы. Все иначе.

Произнеся эту тираду, Сеспедес откинулся на спинку стула, спросил у Маноло-Мохаммеда чашечку кофе и закурил беспощинную сигарету. От воспоминаний старый шулер разулыбался: глаза сузились, брови приподнялись. Казалось, его улыбка говорила: насмеялся я вдоволь – пусть теперь кто-нибудь попробует отнять это у меня. И я понял, что бывший правительственный уполномоченный скучает не только по старым временам, но и по определенному типу людей.

– Случилось так, – продолжал он, – что, когда Сантьяго Фистерра появился в Мелилье, пролив просто кипел. «Golden age»<sup>39</sup>, как говорят льянито. О-хо-хо... Парни так и шныряли туда-сюда. Крутые ребята. Что ни ночь – очередные кошки-мышки: с одной стороны контрабандисты, с другой – таможенники, полиция и жандармы... Выигрывали то одни, то другие. – Он затанулся, и его лисьи глазки сощурились. – И вот сюда-то, из огня да в полымя, попала Тереса Мендоса.

Говорят, на Сантьяго Фистерру донес Дрис Ларби. И сделал это невзирая на полковника Абделькадера Чаиба или, возможно, с его ведома. Это в Марокко проще простого: наиболее слабое звено тут – контрабандисты, действующие без денежного или политического прикрытия: имя, оброненное в одном-другом разговоре, несколько банкнот, перешедших из рук в руки... И как нельзя более кстати для полицейской статистики. Как бы то ни было, никому не удалось доказать, что Дрис Ларби к этому делу причастен. Стоило мне затронуть эту тему – я приберег ее для нашей последней встречи, – как он закрылся, точно устрица, и мне больше не удалось вытащить из него ни слова. Было очень приятно. Конец откровениям, прощайте, и всего наилучшего. Однако Маноло Сеспедес – когда все это случилось, он еще представлял в Мелилье испанское правительство, – утверждает, что именно Дрис Ларби, желая удалить галисийца от Тересы, дал поручение своим партнерам на той стороне. Обычно девиз был: плати – и вози контрабанду сколько твоей душе угодно. Аллах бисмиллах. С богом. Обширная сеть коррупции раскинулась от гор, где собирались урожаи конопли, до границы или марокканского побережья. Взятки давались соответственно уровню: полицейские, военные, политики, высшие чиновники и члены правительства. Чтобы оправдаться в глазах общественности – в конце концов, министр внутренних дел Марокко присутствовал как наблюдатель на заседаниях Европейского союза, посвященных борьбе с наркотиками, – жандармы и военные периодически задерживали кого-нибудь, но всегда буквально одного-двух и только тех, кто не принадлежал к официально признанным крупным мафиозным группировкам и чье уничтожение никого особо не волновало. Людей, которых нередко выдавали и даже ловили те же, кто поставлял им гашиш.

Майор Бенаму из службы береговой охраны Королевской жандармерии Марокко весьма охотно поведал мне о своем участии в эпизоде, происшедшем в бухте Кала-Трамонтана. Мы сидели на террасе кафе «Хафа» в Танжере после того, как наш общий друг – полицейский инспектор Хосе Бедмар, ветеран Центральной бригады и агент службы информации во времена Сеспедеса, усиленно рекомендовавший мне Бенаму по факсу и по телефону, – взялся разыскать его и договориться о встрече. Майор оказался симпатичным элегантным мужчиной с усиками щеточкой, похожим на латиноамериканского щеголя пятидесятых годов. Он был в штатском

<sup>39</sup> Золотой век (англ.).

– пиджак и белая рубашка без галстука – и полчаса без запинки тараторил по-французски, после чего, видимо проникшись ко мне некоторым доверием, перешел на почти безупречный испанский. Рассказывал он хорошо, с некоторым оттенком черного юмора, и время от времени делал жест рукой в сторону моря, раскинувшегося внизу, у подножия отвесных скал, словно все происходило прямо там, перед террасой, сидя на которой он пил кофе, а я – чай с мятой. Когда все это случилось, уточнил майор, он был еще капитаном. Обычный патрульный рейс – слово «обычный» он произнес, глядя вдаль, в какую-то неопределенную точку горизонта. К западу от Трес-Форкас радиолокатор обнаружил цель, и были предприняты обычные в подобных случаях действия. По чистой случайности на суше находился еще один патруль, с которым поддерживалась связь по радио – произнося слово «случайность», он снова устремил взгляд к горизонту, – а между обоими патрулями, как птичка в гнездышке, прижался почти к самому берегу катер, вторгшийся в территориальные воды Марокко, и на него с пришвартованной патеры грузили гашиш. Крик «Стой, ни с места!», прожектор, осветительная ракета, зависшая на своем парашютике, камни острова Чарранес, очерченные ее светом на фоне молочно-белой воды, уставные команды и пара предупредительных выстрелов в воздух. По всей видимости, у катера – он был черный, низкий, длинный и тонкий, как игла, с подвесным мотором – что-то не заладилось с двигателем, потому что тронулся он не сразу. В свете прожектора и ракеты Бенаму разглядел на его борту силуэты двух мужчин: один сидел на месте рулевого, другой бежал на корму, чтобы отвязать патеру, на которой находились еще двое, в тот момент сбрасывавшие за борт тюки наркотика, которые не успели перегрузить на катер. Мотор урчал, но не заводился; и Бенаму – согласно уставу, заметил он между двумя глотками кофе – приказал матросу на носу дать очередь из пулемета калибра двенадцать и семь десятых – на поражение. Выстрелы прозвучали так, как они звучат всегда: така-така-така. Конечно, много шума. Как сказал Бенаму, это впечатляет. Еще одна ракета. Мужчины на патере вскинули руки, и в этот момент катер поднялся на дыбы, взбивая винтом пену, и человек, стоявший на корме, упал в воду. Пулемет патрульного катера продолжал стрелять – така-така-така, и со стороны суши тоже донеслись сперва отдельные, словно бы робкие «бум, бум», тут же перешедшие в сплошной грохот выстрелов. Настоящая война. В свете последней ракеты и прожектора было видно, как пули шлепают по воде; вдруг катер взревел громче и рванулся вперед по прямой с такой скоростью, что, когда жандармы на патрульном судне взглянули на север, он уже скрылся в темноте. Тогда они приблизились к патере, задержали находившихся на ее борту людей – двух марокканцев – и выловили из воды три тюка гашиша плюс испанца с пулей калибра двенадцать и семь десятых в бедре (говоря это, Бенаму обвел пальцем край своей чашки). Вот такая дырка. На допросе испанцу оказали соответствующую медицинскую помощь, он назвался Вейгой, матросом катера, перевозящего контрабанду и управляемого неким Сантьяго Фистеррой; и сказал, что именно он, Сантьяго Фистерра, ускользнул от них в Кала-Трамонтана. И бросил меня, жаловался раненый; Бенаму помнил эти его слова. А еще майор помнил, что этого Вейгу, которого двумя годами позже судили в Алусемасе, вроде бы приговорили к пятнадцати годам в тюрьме Кенитры – упомянув ее, Бенаму взглянул на меня, словно рекомендуя никогда не включать это место в список моих летних резиденций – и что отсидел он половину. Донос? Бенаму пару раз повторил это слово, как будто оно звучало совершенно чуждо для него, и, снова глядя на кобальтово-синее пространство, отделявшее нас от испанских берегов, покачал головой. Он ничего не помнит об этом. И ни о каком Дрисе Ларби он тоже никогда не слышал. У Королевской жандармерии весьма компетентная служба информации, а побережье она держит под неусыпным контролем. Так же, как и ваша жандармерия, добавил он. Или даже в большей степени. Случай в Кала-Трамонтана – вещь совершенно обычная, пример блестящего выполнения своих обязанностей, а таких примеров сколько угодно. Борьба с преступностью и все такое.

Он вернулся почти через месяц – на самом деле она уже не надеялась снова увидеть его. Ее фатализм уроженки Синалоа внушал, что он ушел навсегда – он не из тех, кто остается, сказал Дрис Ларби, – и она приняла его отсутствие точно так же, как сейчас приняла его появление. За последнее время Тереса поняла, что мир вращается по своим собственным, неисповедимым правилам – правилам, составленным из двусмысленностей и случайностей, включающих в себя появления и исчезновения, присутствия и отсутствия, жизни и смерти. И сделать она может лишь одно – принять эти правила как свои, плыть по течению, как плывет листок, колыхающийся на поверхности воды, ощущая себя частью колоссальной космической шутки и временами подгребая руками, чтобы не утонуть, вместо того чтобы терять силы, пытаясь выплыть против этого течения или понять его. Так она пришла к убеждению, что бесполезно отчаиваться или бороться ради чего бы то ни было, кроме конкретного момента, данного вдоха и выдоха, шестидесяти пяти ударов в минуту – ритм ее сердца всегда был медленным и равномерным, – поддерживающих ее жизнь. Бессмысленно тратить энергию на то, чтобы стрелять по теням, плевать в небо, тревожить Бога, занятого более важными делами. Что же до ее религиозных верований, которые она привезла с родины, и они уцелели в рутине этой новой жизни, – Тереса по воскресеньям ходила к мессе, перед сном механически повторяла молитвы, Отче наш, Аве Мария, и порой сама удивлялась, осознавая, что просит о чем-то Иисуса Христа или Пресвятую Деву (пару раз она вспоминала и о святом Мальверде). Например, чтобы Блондин Давила упокоился рядом с праведниками, аминь. Хотя она отлично знала, что, несмотря на все ее добрые пожелания, маловероятно, чтобы Блондин пребывал рядом с этими распроклятыми праведниками. Наверняка горит в аду, пес, как в песнях Пакиты ла дель Баррио – «горишь, бездельник?». Эту молитву, как и все остальные, она тоже произносила без убежденности, скорее для порядка, чем ради чего другого. По привычке. Хотя, возможно, ее отношение к памяти Блондина точнее всего можно было бы определить словом «верность». Во всяком случае, она делала это подобно человеку, посылающему прошение всесильному министру и не слишком надеющемуся, что его просьбу исполнят.

За Сантьяго Фистерру она не молилась. Ни разу. Ни за его благополучие, ни за его возвращение. Она намеренно не впускала его в свои молитвы, отказываясь, так сказать, официально связывать его с сутью проблемы. Никаких повторений, никакой зависимости, поклялась она себе. Никогда больше. И все же в тот вечер, вернувшись домой и увидев его сидящим на ступенях, словно они расстались всего несколько часов назад, она ощутила невероятное облегчение и всплеск мощной радости между ног, в животе и в глазах, так что пришлось открыть рот, чтобы сделать глубокий вдох. Все это произошло в один краткий миг, а потом она вдруг осознала, что считает, сколько точно дней прошло с последнего раза, прикидывает, сколько времени уходит на дорогу туда и обратно, сколько это километров и часов пути, когда лучше всего звонить по телефону и сколько дней идет письмо или открытка из пункта А в пункт Б. Она думала обо всем этом, хотя не произнесла ни слова упрека – ни когда он целовал ее, ни когда они молча вошли в дом и направились в спальню. Продолжала думать и когда он, распластанный на ней, затих, уже успокоившись и освободившись, и его прерывистое дыхание на ее шее сделалось ровнее.

– Лало сцапали, – произнес он наконец.

Тереса совсем замерла. Свет из коридора обрисовывал мужское плечо у самых ее губ. Она поцеловала его.

– Меня тоже чуть не сцапали, – добавил Сантьяго.

Он продолжал лежать неподвижно, уткнувшись лицом в ямку на ее шее. Он говорил очень тихо, и при каждом слове его губы касались ее кожи. Она медленно подняла руки и положила их ему на спину.

– Расскажи, если хочешь.

Он чуть качнул головой, и Тереса не стала настаивать, зная, что уговоры ни к чему. Нужно просто ждать и молчать, и тогда он сам сделает это, когда немного успокоится. Так и вышло. Через некоторое время он начал рассказывать. Это был даже не рассказ, а отдельные короткие обрывки – образы или воспоминания. Он действительно просто вспоминает вслух, поняла она. Может, за все прошедшее время впервые говорит об этом.

Так она узнала, так смогла представить себе. А более всего она поняла, что жизнь играет с людьми плохие шутки, и эти шутки таинственным образом соединяются в цепь с другими, приключившимися с разными людьми, и любой может оказаться в центре какого-нибудь нелепого сплетения обстоятельств, как муха в паутине. Так она выслушала историю, уже знакомую ей еще до этого рассказа, историю, в которой иными были только места и действующие лица – если они вообще бывают иными, – и поняла, что до Синалоа вовсе не так далеко, как она думала. Она тоже увидела прожектор марокканского патрульного катера, пронизывающий ночь, как холодная дрожь, белую осветительную ракету в воздухе, лицо Лало Вейги с открытым от изумления и страха ртом, когда он кричал: «Мавр, мавр!» Фигуру Лало в снопе света, когда под бесполезное урчание мотора он бежал на корму, чтобы отвязать канат патеры, первые выстрелы, вспышки рядом с прожектором, брызги воды, жужжание пуль, дзи-и-иннь, дзи-и-иннь, и еще вспышки со стороны суши. И внезапный мощный рев мотора, нос катера, взметнувшийся к звездам, и еще выстрелы и свист пуль, и крик Лало, падающего за борт: крик и крики – подожди, Сантьяго, подожди, не бросай меня, Сантьяго, Сантьяго, Сантьяго. А потом грохот мотора, работающего на полной мощности, и последний взгляд через плечо: Лало остается в воде позади, все дальше и дальше, в конусе луча прожектора патрульного судна, и его поднятая рука тщетно пытается уцепиться за катер, который мчится, подпрыгивает, удаляется, разрезая темные волны.

Тереса слушала все это, а обнаженный мужчина, неподвижно лежавший на ней, продолжал щекотать ей шею губами, не поднимая лица и не глядя на нее. Или не давая ей взглянуть на него.

Петухи. Пение муэдзина. Снова грязный, серый, нерешительный час между ночью и днем. На этот раз Сантьяго тоже не спал; она поняла это по его дыханию. Весь остаток ночи она чувствовала, как он ворочается рядом, вздрагивая, когда приходил короткий сон, такой беспокойный, что он тут же просыпался. Тереса по-прежнему лежала на спине, не решаясь встать или закурить, с открытыми глазами, глядя то на темноту потолка, то на серое пятно, вползавшее снаружи, как огромный слизняк, таящий в себе зло и угрозу.

– Иди ко мне, – вдруг прошептал Сантьяго.

Она прислушивалась к биению собственного сердца: каждый рассвет казался ей невыносимо медлительным, похожим на тех животных, что зимой впадают в спячку. Когда-нибудь я умру в этот самый час, подумала она. Меня убьет этот грязный свет, который всегда является на свидание.

– Иду, – сказала она.

В тот же самый день Тереса принялась искать в сумочке фотографию, которую хранила со времен Синалоа: она под защитой руки Блондина Давилы удивленно взирает на мир, не подозревая, что ее ждет в нем. Она долго сидела так, потом подошла к умывальнику и, держа в руке снимок, принялась изучать свое отражение в зеркале. Сравнивать. Потом осторожно и очень медленно разорвала его пополам, спрятала ту половинку, на которой была сама, и закурила. Зажженную спичку поднесла к уголку другой половины и осталась сидеть неподвижно, забыв о зажатой между пальцев сигарете, глядя, как она тлеет и горит. Последней исчезла улыбка Блондина, и она сказала себе: это очень на него похоже, смеяться над всем, до самого конца, – и плевать на все. Что в пламени горячей «сессны», что на этой фотографии.

## 5

### Что я посеял там, в горах

Ожидание. Темное море и миллионы рассыпанных по небу звезд. С северной стороны – мрачное, необъятное пространство, с южной – отдаленный черный силуэт берега. И легкий, едва ощутимый, прерывистый бриз с суши, касающийся воды крошечными, странно фосфоресцирующими вспышками.

Мрачная красота, наконец решила она. Да, так: мрачная красота.

Она плохо умела выражать подобные вещи словами. Чтобы подобрать эти, у нее ушло сорок минут. Но как бы то ни было, именно таким – мрачным и прекрасным – был пейзаж, и Тереса Мендоса созерцала его молча. С самой первой из этих сорока минут она сидела неподвижно, не разжимая губ, ощущая, как ночная сырость мало-помалу проникает сквозь ее свитер и джинсы. Сидела, внимательно прислушиваясь к звукам земли и моря. К приглушенному шуму включенного на минимальную громкость радио, настроенного на сорок четвертый канал.

– Глянь-ка, что там, – сказал Сантьяго.

Он прошептал это едва слышно. Море, объяснил он ей еще при одной из их первых встреч, передает звуки и голоса по-особому. Иногда можно услышать то, что говорится на расстоянии мили. Так же и со светом; поэтому «фантом», скрытый среди ночи и моря черной матовой краской, которой были выкрашены его корпус и кожух мотора, был погружен в темноту. И поэтому оба молчали, а Тереса не курила; они почти не шевелились. Ждали.

Тереса прижала лицо к резиновому конусу, прикрывавшему экран радара «Фуруно». Радиус действия у него был восемь миль; при каждой развертке антенны в нижней части рамки темнел идеально четкий очерк марокканского берега – изображение бухты, луком изогнутой книзу между мысами Крусес и Аль-Марса. Все остальное было чисто: на морской поверхности ни единого сигнала. Тереса дважды нажала кнопку дальности, увеличив радиус наблюдения с одной до четырех миль. При следующей развертке изображение берега стало меньше и длиннее; к нему прибавилось выдающееся далеко в море четко очерченное пятно острова Перехиль. Там тоже было чисто. Ни корабля, ни лодки. Ни даже ложного отраженного сигнала волны. Ничего.

– Вот скоты, – донесся до нее тихий шепот Сантьяго.

Ждать. Это было составной частью работы; но с тех пор, как они начали выходить в море вместе, Тереса успела усвоить, что хуже всего не само ожидание, а то, что представляешь себе, ожидая. Ни плеск воды о скалы, ни шум ветра, который легко спутать с шумом марокканского патрульного катера (на жаргоне плавающих через Пролив он назывался «мавром») или вертолета испанской таможни, не тревожат так, как этот долгий покой, в котором мысли превращаются в злейшего врага. Даже конкретная угроза, враждебное эхо, вдруг возникающее на экране радара, рев мотора, борющегося за скорость, свободу и жизнь, бегство со скоростью пятьдесят узлов, когда патрульный катер едва не врезается тебе в корму, удары волн о днище, мощные выбросы поочередно то адреналина, то отчаянного страха – все эти ситуации были для нее лучше, чем неопределенность штиля, спокойное воображение. Как плохо, когда мысли ясны. Когда холодно оцениваешь то зло и тот ужас, которые пока скрыты неизвестностью. Это бесконечное ожидание сигнала с суши или по радио было похоже на серые рассветы, что по-прежнему каждое утро заставляли ее в постели без сна; теперь они приходили к ней и в море, когда нерешительная ночь начинала светлеть на востоке, от холода и сырости палуба делалась скользкой, а одежда, руки и лицо влажными. Черт побери. Нет такого страха, который нельзя было бы пережить; главное, чтобы у тебя не было времени и возможности подумать о нем. К такому выводу она пришла.

Уже пять месяцев. Иногда та, другая Тереса Мендоса, которую она внезапно видела в глубине зеркала, на углу улицы, в серой мути рассветов, по-прежнему внимательно за ней наблюдала, выжидая, следила за мало-помалу происходившими в ней переменами. Пока что они были не слишком велики, да и относились скорее к внешнему поведению и ситуациям, чем к подлинным событиям, которые происходили у нее внутри, действительно изменяя перспективы и жизнь. Однако она предчувствовала их наступление, не ведая ни дня, ни срока, но зная, что неотвратимо они произойдут вслед за другими, так же, как предчувствовала, что три-четыре дня подряд у нее будет болеть голова или вот-вот наступят – всегда нерегулярно и болезненно – неудобные, но неизбежные дни. Поэтому было интересно и даже познавательно таким вот образом выходить из самой себя и входить обратно, иметь возможность видеть себя и снаружи, и изнутри. Теперь Тереса знала, что все – страх, неопределенность, страсть, удовольствие, воспоминания, собственное лицо, которое выглядит старше, чем несколько месяцев назад, – можно рассматривать с этой двойной точки зрения. С математической точностью и ясностью, свойственными не ей самой, а той, другой женщине, что живет в ней. И именно эта способность к столь необычному раздвоению, которую она открыла, а точнее, интуитивно ощутила в себе в тот день – с него не прошло и года, – когда в Кульякане зазвонил телефон, позволяла ей сейчас холодно наблюдать за самой собой. Вот она сидит в этом катере, застывшем в темноте моря, которое она теперь начала узнавать, вблизи таящего в себе угрозу берега страны, о самом существовании которой ей еще недавно, можно считать, даже не было известно. Рядом безмолвная тень мужчины – его она не любит (а может, думает, что не любит), но рискует из-за него до конца своих дней гнить в тюрьме. От одной этой мысли – призрак Лало Вейги был третьим членом их команды в каждой экспедиции – она содрогалась, и ее охватывала паника, когда, как сейчас, у нее было время, чтобы задуматься.

Но все это было лучше Мелильи и лучше того, что она ожидала. Нечто более личное, более чистое. Временами ей казалось, что это даже лучше, чем Синалоа; но потом образ Блондина Давилы вставал перед нею как упрек, и она в глубине души раскаивалась, что предает воспоминание. Лучше Блондина не было ничего – во многих отношениях. Кульякан, красивый домик в Лас-Кинтас, ресторанчики на набережной, мелодии уличных музыкантов, танцы, прогулки на машине до Масатлана, пляжи Альтаты, все, что она считала реальным миром, жизнь в котором была так приятна, складывалось в ошибку. На самом деле она жила не в этом мире, а в мире Блондина. Это была не ее жизнь, а другая, в которой она, устроившись уютно и благополучно, существовала, пока ее внезапно не выбросили оттуда телефонный звонок, слепой ужас бегства, похожая на лезвие влажного ножа улыбка Кота Фьерроса и грохот «дабл-игла», зажатого в ее собственных руках. Однако теперь появилось нечто новое. Неопределимое и не такое уж плохое и в этом ночном мраке, и в спокойном, безропотном страхе, что она испытывала, оглядываясь вокруг, несмотря на близкую тень мужчины, который – она усвоила это с того дня в Кульякане – никогда больше не сможет заставить ее снова обманываться, считая себя защищенной от ужаса, боли и смерти. И как ни странно, это ощущение не только не пугало ее, но даже, наоборот, заставляло собраться. Оно побуждало ее пристальнее анализировать саму себя с любопытством, не лишенным уважения. Именно поэтому Тереса порой долго смотрела на фотографию, где некогда была вместе с Блондином. И время от времени вглядывалась в зеркало, задавая себе вопрос: какое расстояние, все более увеличиваясь, разделяет этих трех женщин – девушку с удивленными глазами, смотрящую с кусочка фотобумаги, Тересу, живущую сегодня по эту сторону жизни и хода времени, и незнакомку, наблюдающую за обеими из своего – все менее четкого – отражения.

Черт побери, далеко же ее занесло от Кульякана. Меж двух континентов, между Марокко и Испанией (всего пятнадцать километров от берега до берега), в воды Гибралтарского пролива, на южную границу Европы: ей и во сне не снилось, что она когда-нибудь сюда попадет.

Тут Сантьяго Фистерра перевозил чужие грузы. У него был домик – не собственный, снятый – на берегу Альхесирасской бухты, с испанской стороны, и катер, стоявший в Марина-Шеппард, под защитой развевающегося над Скалой британского флага: семиметровый «фантом» с запасом хода сто семьдесят миль и мотором мощностью двести пятьдесят лошадиных сил – «головастиком», как называли их местные жители (Тереса уже начала усваивать их словечки, вставляя их в свою речь), – способным за двадцать секунд развить скорость от нуля до пятидесяти пяти узлов. Сантьяго был морским наемником. В отличие от Блондина Давилы из Синалоа, у него не было начальников, и он не работал на какой-то определенный картель. Его услугами пользовались испанские, английские, французские и итальянские контрабандисты на Коста-дель-Соль. В остальном все происходило примерно так же: перевозка грузов из одного места в другое. Сантьяго взимал определенную плату за каждую доставку и собственной жизнью отвечал за потери и неудачи. Но это лишь в самом крайнем случае. Здешняя контрабанда – почти всегда речь шла о гашише, иногда о табаке с гибралтарских складов – сильно отличалась от той, с которой была знакома Тереса. Мир этих вод был жестким, только для крутых парней, но менее враждебным, чем мексиканский. Меньше насилия, меньше смертей. Люди не палили друг в друга из-за лишней рюмки и не расхаживали с «козьими рогами», как в Синалоа. На северном берегу человек чувствовал себя спокойнее, даже если попадал в руки закона. Там были адвокаты, судьи и нормы, одинаково применявшиеся как к преступникам, так и к жертвам. Однако с марокканской стороны все обстояло иначе: кошмар там просто висел в воздухе. Коррупция процветала на всех уровнях, права человека не имели почти никакой ценности, в ужасных местных тюрьмах можно было сгнить в буквальном смысле слова. А для женщины этот кошмар усугублялся самим фактом того, что она женщина: это означало попасть в безжалостные зубья шестеренок,двигающих жизнь мусульманского общества. Поначалу Сантьяго воспротивился тому, чтобы она заняла место Лало Вейги. Чересчур опасно, сказал он, ставя точку в этом разговоре. Или думая, что ставит ее. Сказал очень серьезно и по-мужски властно, с этим странным акцентом, что проскальзывал у него иногда, – помягче, нежели у остальных испанцев, речь которых была такой же резкой и грубой, как они сами. Но после ночи, проведенной Тересой без сна, с открытыми глазами, устремленными сначала в темный потолок, потом на привычный серый свет, с кружащимися в голове мыслями, она разбудила Сантьяго и сказала ему, что приняла решение. И все. Точка. Она больше никогда и никого не будет ждать, смотря телесериалы, ни в одном доме ни одного из городов мира, и он может выбирать: либо он берет ее на катер, либо она уходит от него прямо сейчас, навсегда – уходит, и прости-прощай. Тогда он – взлохмаченный, с небритым подбородком и покрасневшими от сна глазами – поскреб в затылке и спросил: ты что, с ума сошла? Он говорил еще что-то, но она уже вскочила с постели, как была, голая, достала из шкафа свой чемодан и начала бросать в него вещи, стараясь не смотреть ни в зеркало, ни на него и не думать о том, что делает. Минуты полторы Сантьяго молча наблюдал за ней, не раскрывая рта; а потом, решив, что она и вправду уходит – Тереса продолжала совать вещи в чемодан, не зная, уйдет она все-таки или нет, – сказал: ладно, хорошо, согласен. К черту все. В конце концов, ведь это не мне достанется от мавров, если они тебя сцапают. Так что уж постарайся не свалиться в воду, как Лало.

– Вот они.

Слов не было: в приемнике, поставленном на минимальную громкость, просто трижды звякнуло. Небольшая тень, оставляющая шлейф крошечных вспышек на спокойной черной поверхности. Даже не звук мотора, а приглушенные всплески весел. Сантьяго приложил к глазам русский инфракрасный бинокль «Бэйгиш 6УМ». В эпоху, когда рушилось и уничтожалось все советское, русские прямо-таки наводнили ими Гибралтар. Команда любого корабля, подводной лодки или промыслового судна, едва успев зайти в порт, тут же принималась распродавать все, что можно было отвинтить на борту.

Тереса снова уткнулась лицом в резиновый конус радара.

– Эти сукины дети опаздывают на час, – донесся до нее шепот Сантьяго.

– Снаружи все чисто, – так же тихо отозвалась она. Никаких признаков мавра. Катер качнулся, когда Сантьяго встал и, взяв веревку, перешел на корму.

– Салам алейкум.

Груз прибыл в прочных герметичных пластиковых упаковках, для большего удобства снабженных ручками. Таблетки гашишного масла, в семь раз более концентрированного и стоящего во столько же раз больше, чем обычная смола. По двадцать килограммов в упаковке, прикинула Тереса, когда Сантьяго начал по одной передавать их ей, а она – укладывать их вдоль бортов. Он научил ее плотно укладывать тюки так, чтобы они в море не сдвигались с места, и особо подчеркнул, что это влияет на скорость «фантома» ничуть не меньше, чем шаг винта или высота консоли мотора. Один хорошо или плохо уложенный тюк может означать плюс или минус в пару узлов. А в такой работе две мили – далеко не пустяк. Нередко это расстояние между тюрьмой и свободой.

– Что на радаре?

– Все чисто.

В лодке Тереса разглядела силуэты двоих мужчин. Время от времени доносились обрывки фраз, тихо произнесенных по-арабски, или нетерпеливое восклицание Сантьяго, продолжающего грузить тюки. Она внимательно оглядела мрачную линию побережья: не мелькнет ли где свет. Но нет, все темно, если не считать нескольких точек вдаль, на фоне темной громадины горы Муса и обрывистого берега. Он через равные промежутки времени вырисовывался на западе в луче маяка на мысу Пунта-Сирес, где можно было различить свет в окнах домиков рыбаков и контрабандистов. Тереса сделала еще несколько разверток, перейдя с четырехмильного радиуса на две мили, а потом увеличив его до восьми. У самого края рамки появился сигнал. Она посмотрела в пятидесятикратный бинокль, но ничего не увидела и взялась за русский прибор. Очень далеко к западу медленно двигалось пятнышко света: наверняка крупное судно курсом на Атлантику. Не отнимая от глаз бинокля, Тереса повернулась к берегу. Теперь каждая световая точка четко вырисовывалась на общем зеленом фоне: можно было ясно различить и камни, и кусты, и даже легчайшие колебания воды. Она сменила фокус, чтобы рассмотреть марокканцев, приплывших на патере: один молодой, в кожаной «косухе», другой постарше, в вязаной шапочке и длинной темной куртке. Сантьяго стоял на коленях на корме, возле большого кожуха мотора, укладывая последние тюки: «техасы» – так тут называли джинсы, – кроссовки, черная майка, упрямый профиль. Время от времени он поворачивал голову и осторожно оглядывался. Через прибор ночного видения Тереса различала его сильные руки, мускулы, напрягающиеся, когда он поднимал очередной тюк. Вот негодяй, подумала она, даже здесь, даже сейчас такой красивый.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.